

Китайский секрет

Елена Данько

Серия «Сто историй»

Серию составляют исторические рассказы и повести, авторы которых литературное мастерство дополняли научными знаниями. То есть наряду с художественными достоинствами текстов редакторы серии особое внимание уделяют исторической достоверности описания событий, персонажей, времени действия.

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Д19

Данько, Елена Яковлевна

Д19 Китайский секрет: [для сред. и старш. шк. возраста] / Е.Я. Данько; [ил. Олеся Гонсеровская]. – М.: Благотворительный фонд поддержки культурного развития детей «Культура детства», Издательский проект «А и Б», 2016. – 160 с. – (Сто историй).

ISBN 978-5-9907944-1-2

Елена Яковлевна Данько (1897/1898–1942) была художником на легендарном Петроградском (потом – Ленинградском) фарфоровом заводе. А ещё – актёром-кукловодом и автором пьес для кукольного театра. И наконец (а может быть, прежде всего) – писательницей и поэтом. В 1925 году С.Я. Маршак (бывший ко всему ещё и выдающимся редактором, приведшим в литературу Б. Житкова, В. Бианки, Е. Шварца) предложил Елене Данько написать для детей книгу о том, что она горячо любит и досконально знает – о фарфоре и о кукольном театре. Так, после нескольких небольших книг для совсем юных читателей, в 1929 году увидел свет «Китайский секрет» (два года спустя, в 1931-м, была напечатана и повесть о кукольном театре – «Деревянные актёры»). Книга многократно переиздавалась, «Секрет» обрстал новыми главами – таковы были политические реалии того времени. Это продолжалось и после смерти автора – Елена Яковлевна погибла от последствий блокадного голода зимой 1942 года.

Наше издание восстанавливает первую авторскую редакцию книги и дополняет её многочисленными комментариями и фотографиями.

*Составление и оформление серии Илья Бернштейн
Послесловия, комментарии
Анна Димьяненко, Елена Казакова, Ирина Суслова
под общей редакцией Ильи Бернштейна
Иллюстрации Олеся Гонсеровская*

© ИП Бернштейн И.Э., 2016

© О. Гонсеровская, иллюстрации, 2016

© А. Димьяненко, послесловие, комментарии, 2016

© Е. Казакова, послесловие, комментарии, 2016

© И. Суслова, послесловие, комментарии, 2016

© И. Бернштейн, дизайн, составление серии, комментарии, 2016

Елена Данько

Китайский секрет

глава первая	Загадка	5
глава вторая	Хитрый монах	14
глава третья	Королевский алхимик.....	33
глава четвёртая	Фарфоровый завод весёлой царицы	65
глава пятая	Серп и молот на фарфоре	93

приложения

Анна Димьяненко	Фарфоровая чашечка.....	105
Ирина Суслова	Фарфор советский.....	115
Елена Казакова	80 рук, или Как теперь делают фарфор	125
комментарии		127

Фонд «Культура детства» / Издательский проект «А и Б»
Москва, 2016

Дорогой читатель, не пугайся!

Перед тобой книжка, кажущаяся очень сложной. Текст, к нему сноски (частые и большие), а в сносках иногда ещё и непонятные значки с цифрами. Некоторые из них выглядят как «пузыри» из комиксов – вот так: . Это отсылки к текстовым комментариям, помещённым в конце книги. Другие похожи на глаз – ; они указывают читателю, что на цветной вкладке есть иллюстрация к этому комментарию – под номером 1, соответственно.

Выходит, книга эта – только для любителей энциклопедий и справочников?

Вовсе нет. «Китайский секрет» – прежде всего увлекательное художественное произведение, основанное на действительно произошедших событиях. История попыток европейских шпионов выведать секрет производства фарфора в Китае, самостоятельного открытия этого секрета сначала саксонским химиком Иоганном Фридрихом Бёттгером, а потом – русским учёным Дмитрием Ивановичем Виноградовым сами по себе настолько драматичны, что читаются и как настоящий детектив, и как повествование о трагических судьбах, и как рассказ о науке, научном поиске, догадках, счастливых озарениях и кропотливом труде.

Любители точных фактов оценят «научный аппарат» книги – сноски, комментарии, иллюстрации. А ещё эти объяснения, может быть, заинтересуют родителей, учителей, в общем – старших.

С уважением,
издатель

Видал он дальние страны,
По суше, по морю носился,
Во дни былые, дни войны
На западе, на юге бился.

А. Пушкин¹

Яо

Девять веков тому назад с запада Европы двинулись полчища воинов на восток за Средиземное море. Князья, монахи и простолюдины присоединялись к этому походу. Одни из них надеялись разбогатеть, грабя чужую страну, другим – плохо жилось на родине, а иным – просто не сиделось дома и хотелось увидеть неведомые края.

Они шли отвоевывать Палестину у сарацин-арабов. Их вели рыцари в латах со знаками креста на груди. Это был первый крестовый поход².

Когда крестоносцы захватили Иерусалим и мир с сарацинами был заключён, многих из них потянуло на родину – в Европу – из горячей, выжженной солнцем страны.

По пустынным дорогам Палестины двигались нестройные толпы воинов-крестоносцев. Закованные в железо рыцари возвращались к морю, в портовые города, чтобы на парусных судах переплыть в Венецию, а оттуда верхом отправиться в родные северные страны.

В приморских городах, где сходились караваны из Персии³, Афганистана и даже Китая, пёстрые базары влекли к себе рыцарей. В лавках, увешанных бухарскими коврами⁴, суровые северные воины дивились яркости и блеску восточных товаров.

¹ Строки из неоконченной поэмы «Вадим» (1821–1822).

² Первый крестовый поход начался в 1096 году как священная война за освобождение Гроба Господня и других священных для христиан мест Иерусалима от мусульман. Сарацинами изначально называли арабов, а затем и всех нехристиан.

³ Персия – одно из древнейших государств в мире, возникшее в Передней Азии около 5000 лет назад и существующее до сих пор (под названием Иран).

⁴ Бухара – крупный город в Средней Азии (сейчас – в Узбекистане), уже в I веке н.э. – центр ремёсел и торговли.

Купец, краснобородый перс¹ или армянин, с миндалевидными глазами, показывал им кинжалы из Дамаска², страусиные перья из Каира, голубые и жёлтые персидские блюда и чаши и узорчатые индийские кальяны с тонкой шейкой, из которых толстые турки курили душистый табак, сонно покачиваясь на подушках.

Ещё немало было товаров – резная слоновая кость, бронзовые кувшины, золотые запястья³ с бирюзой и жемчугом, но больше всего дивились рыцари белой посуде, привезённой на верблюдах с другого края света⁴ – из далёкого Китая, через пустыни, горы и огромные азиатские реки.

Эта посуда была белая, блестящая и звенела, как металл.

– Что это такое? – спрашивали рыцари, желая знать, из чего она сделана.

– Яо, – отвечал купец, – тинг-яо⁵, – и он ставил на ковёр белую чашку, тонкую, как яичная скорлупа. На ней была нарисована красная хвостатая птица.

– Че-яо⁶! – и на ковре появлялась высокая ваза, расписанная цветами.

Потом торговец доставал откуда-то белые тарелки с голубыми драконами и пронзительно кричал:

– Кин-те-яо⁷, на таких тарелках ест сам китайский богдыхан⁸!

– Да из чего они сделаны? – допытывались европейцы.

– Яо, – повторял торговец, полузакрыв тёмные веки, и чашка, задетая его длинным ногтем, чисто звенела «я-а-о».

На тяжёлых кораблях по морю, в дорожных сумках за седлом, по суровым дорогам Европы везли рыцари домой эти хрупкие, белые, разрисованные вещицы. Не одна разбилась в пути.

В каменных замках, когда холодный ветер врывается в трубу и задувал пламя в очаге, вынимали рыцари белые, нежные черепки и, рассматривая их, вспоминали тёплые восточные ночи, пряные запахи палестинских трав, пёстрые лавки на базарах и непонятное слово «яо».

¹ У мусульман есть традиция окрашивать волосы и бороды хной – натуральным красителем, который придаёт красный цвет. О причинах этого можно прочесть в конце книги, в приложениях (к ним отсылает такой значок –). В этот раздел книги включены подробные комментарии, которые мы решили поместить «за текстом», чтобы не затруднять чтение повести.

² Дамаск – один из древнейших городов мира, расположенный в восточном Средиземноморье (ныне столица Сирии), известный производством холодного оружия и оружейной «дамасской» стали.

³ Запястье – устаревшее название браслета.

⁴ Товары из Восточной Азии привозили в Средиземноморье по караванным дорогам, получившим название «Великий шёлковый путь» – ведь главным товаром, который везли из Китая, был именно шёлк.

^{5, 6, 7} Разновидности китайского фарфора.

⁸ Богдыхан (от монг. «священный государь») – в русских грамотах XVI–XVIII вв. так называли императоров Китая.

Селадоны

Вслед за рыцарями моряки-португальцы и генуэзцы стали привозить в Европу китайскую посуду. Они ходили за восточными товарами на лёгких парусниках в Трапезунд и Александрию¹ и привозили оттуда китайские чаши и тарелки, не только белые, но и светло-зелёные.

Пошёл слух, что светло-зелёная китайская посуда сразу темнеет, если на неё попадает яд. Светло-зелёные сосуды в это время назывались в Европе «селадонами»². Короли и князья наперебой старались заполучить себе «селадоны». Каждый из них боялся отравы.

Европа тогда была разделена на множество мелких королевств и княжеств. Города были похожи на крепости. Князья и бароны жили в замках, окружённые верными дружинами. Они непрестанно воевали между собой. Каждый старался оттягать владения у соседа. У каждого на совести было немало тёмных дел, неспроста они так боялись отравы.

Один князь пригласил к себе другого на пир. Он завидовал богатству гостя и хотел его отравить. Кравчий³ должен был на пиру подсыпать яду в кубок приезжего князя.

Пир был в высокой каменной зале. Гости сидели на лавках, устланных мехами. На столе дымился целый кабан. Когда стали разливать вино из кованых серебряных кувшинов в кубки, приезжий князь вынул из кармана светло-зелёную чашечку и, подставив её под струю вина из наклонённого кравчим кувшина, сказал:

– Я пью только из этой чашечки, она потемнеет сразу, если на неё попадёт яд.

У хозяина волосы зашевелились от страха. Драться с гостем, когда чашка потемнеет, у него не было охоты. Он подмигнул кравчему, чтобы тот отложил яд подальше.

Пир кончился благополучно. Когда гость уезжал, хозяин поклялся ему в вечной дружбе и выпросил у него зелёную чашечку «на память».

«Теперь и я тоже не буду бояться отравы», – думал он.

Увы! – чашечка не помогла. Его отравил тот же самый кравчий в отместку за жестокое с ним обращение.

¹ Византийский город *Трапезунд* (современный Трабзон в Турции) на южном берегу Чёрного моря, в Средние века был важным портом и торговым центром. Египетская *Александрия* (сохранила название до наших дней) расположена в дельте Нила на берегу Средиземного моря, до открытия в 1497 году морского пути вокруг мыса Доброй Надежды была важнейшим центром торговли с Индией и Китаем.

² *Селадон* – разновидность китайского фарфора, покрытого бледной серовато-зеленоватой глазурью. Так же называются сама глазурь и соответствующий оттенок зелёного цвета. ³

³ *Кравчий* – распорядитель трапезы, придворный, ответственный за стольников, подающих за княжеским или королевским столом еду и напитки.

В те времена за столом никому не полагался отдельный прибор. Все ели из общей миски прямо пальцами, а кубок с вином нередко передавался по очереди от одних губ к другим. Бедняки ели из деревянных плошек, а те, кто побогаче, заводили себе бронзовую или серебряную посуду.

Гончары умели делать глиняные миски и тарелки, покрывали их поливой и обжигали в печах, но эти миски из глины были грубые, тяжёлые и шероховатые. Такой блестящей, звонкой и тонкой, как яичная скорлупа посуды, какой была китайская, в Европе никто не умел делать.

Китайская посуда не спасала от яда, – это были сказки, но от грязи и заразы она могла уберечь. Она была чище металлической и деревянной посуды. С её гладкой, блестящей поверхности легко смывалась всякая грязь. Но этой посуды было так мало в Европе, что, кроме князей, боявшихся отравы, на ней никто не ел. Её берегли в сокровищницах вместе с драгоценностями. Её оправляли в золото¹.

У королевы Изабеллы Католички² хранился белый китайский стаканчик в сокровищнице Альказара³. Его золотая оправка стояла больше, чем несколько испанских деревень.

¹

² Изабелла Католичка – Изабелла I Кастильская (1451–1504), правительница испанских королевств Кастилии и Леона. Она вышла замуж за Фердинанда II Арагонского, правителя королевства Арагон, и этот брак стал началом объединения раздробленной Испании. При их правлении завершилась Реконкиста – возвращение испанцами и португальцами земель на Пиренейском полуострове, завоёванных арабами. Титул католических королей они получили от папы римского в 1496 году, с тех пор к имени Изабеллы добавляют «Католичка», а к имени Фердинанда – «Католик». Четой «католиков» из Испании были изгнаны евреи (1492), в их правление и под их покровительством совершил своё путешествие Колумб.

³ Алькасáр – крепость или дворец, построенные в Португалии или Испании в период правления арабов с XIII по XV век. Сокровищница была частью Севильского Алькасара, где при Изабелле и Фердинанде располагался королевский двор.

Знатные дамы носили черепки разбитой китайской посуды на золотых цепочках вокруг шеи.

Когда какой-нибудь восточный владыка хотел сделать хороший подарок европейскому князю, его послы отвозили в Европу красивую китайскую посуду. Так, султан Абульсет Гамель¹ послал двадцать китайских сосудов венецианскому дожу Малипьеро², а флорентийский правитель Лоренцо³, прозванный Великолепным, получил от египетского султана такой же подарок. Китайская посуда так понравилась Лоренцо, что он призвал к себе итальянских гончаров и просил их сделать такую же. Но сколько ни старались гончары, у них ничего не вышло.

Яичная скорлупа и ракушки

Когда торговцев – индусов и персов – спрашивали, из чего сделана китайская посуда, они начинали молоть всякую ерунду. Одни говорили, что она из той самой глины, из которой, будто бы, сделаны солнце и луна. Другие, подняв руки к небу и закатив глаза, шептали, что эта посуда не только темнеет, но разлетается вдребезги, если на неё попадет яд. Кроме того, она приносит счастье и отгоняет злых духов. Ещё немало чего болтали торговцы, набивая цену за свой товар, а он и так ценился на вес золота.

В XIII веке венецианец Марко Поло⁴ поехал в Китай и прожил там двадцать шесть лет. Он привёз с собой на родину много китайской посуды. Китайцы ему рассказывали, что они делают эту посуду из глины, которую находят в глубине земли. Эта глина лет сорок должна лежать на солнце и дожде, сначала мокнуть, потом сохнуть, потом её опять закапывают в землю, а потом уже делают посуду.

Марко Поло тоже называл китайскую посуду «яо», но, кроме того, он называл «яо» маленькие белые ракушки, которые привёз из Китая. Эти ракушки ходили в Китае как разменная монета. Они были белые и блестящие, как китайская посуда.

¹ Абульсет Гамель – не удалось установить, кого имела в виду автор.

² Паскуале Малипьеро (1392–1462) – 66-й венецианский дож – правитель Венеции, в то время одной из итальянских морских республик.

³ Лоренцо II ди Пьетро де Медичи «Великолепный», управлявший флорентийской республикой в XV веке, был представителем могущественной династии Медичи, на протяжении столетий собиравших одну из первых европейских коллекций произведений искусства и сокровищ, в которой был и фарфор. [5]

⁴ Марко Поло (1254–1324) – итальянский купец. Считается, что он провёл в Китае 17 лет (1275–1292). Описал своё путешествие в Азию в «Книге о разнообразии мира». Есть разные мнения о правдивости сведений, приведённых в книге, и даже о реальности самого путешествия, однако она долго была практически единственным источником знаний по географии, этнографии и истории Индии, Китая и вообще Востока и вызвала огромный интерес европейцев.

В Италии, на морском берегу, тоже были такие белые ракушки. Их называли «порчелла», что значит «свинushка», потому что своей формой и цветом они напоминали поросят¹.

Тут всё уже перепуталось в головах у европейцев. Кто-то решил, что китайская посуда делается из ракушек. Её стали называть «порчеллан», «порцеллан» или «порселен». Так называют её в Европе и сейчас, а мы называем её «фарфор». Это слово пришло к нам с Востока, от торговцев – турок и персов. Они его употребляли, когда говорили о чём-нибудь китайском и называли так китайскую посуду².

В Европе долго думали, что порселен делается из ракушек или из яичной скорлупы.

Триста лет прошло с тех пор, как Марко Поло ездил в Китай, а во Франции писатель Г. Пансироль всё ещё писал так: «Этот порселен – не что иное как масса, сделанная из яичной скорлупы и толчёных ракушек. Китайцы составляют эту массу, размешивают её, и потом глава семьи или старший в роде зарывает её глубоко в землю, в потайное место. Смесь лежит в земле девяносто лет без воздуха и света, после чего наследники и правнуки закопавшего опять выкапывают её и делают из неё драгоценные вазы, белые и такие прекрасные с виду, что ни один архитектор не найдёт в них ошибки. Достоинства их тем более велики, что если положить в них яд – они разбиваются вдребезги»³.

Искусственный порселен

Китайская посуда ценилась так дорого, что, если бы какой-нибудь гончар в Европе сумел её делать, он сразу разбогател бы.

Гончары в Италии и Франции лезли из кожи, стараясь сделать что-нибудь похожее на порселен. Они научились делать красивую глиняную посуду, покрывали её белой поливой, а поверх поливы расписывали кра-

¹ Маленькие белые ракушки, которые Марко Поло в 1292 году привёз из Китая и которые использовали там как деньги, это Каури монета (лат. *Monetaria moneta*) и Каури золотое кольцо (лат. *Monetaria annulus*). В Италии находили ракушки того же семейства, но другого рода – Лурия луриды (лат. *Luria lurida*). 6

² Русское слово «фарфор» пришло в петровскую эпоху из польского языка, оно происходит от турецкого «farfur» (фарфур) и персидского «faḡfur» (фагфур), они, в свою очередь, – от древнеперсидского «bagaruthra», кальки с китайского «tieng-tze» – «сын неба». Это был и титул китайского императора, и название области в Китае, и фарфор из этой области. В англоговорящем мире для обозначения фарфора широко используется слово «China» – Китай.

³ Гвидо Панчиролли (*Пансироль*, Панцироллус, 1523–1599) – итальянский юрист, автор латинского трактата «О достопамятных вещах, ныне исчезнувших». В его записях собрано сразу несколько мифов, сопровождавших представления европейцев о фарфоре, где правдивые сведения тесно переплелись с вымыслом.

сками. Но если она разбивалась, черепок в изломе был темноватый, а не белый, как у китайской посуды. Ведь белая полива накладывалась на глину только сверху, а внутри глина оставалась темноватой, серой или коричневой; черепок же порселена был белый насквозь. Глиняная посуда была тонкая, красивая; она называлась фаянсовой¹, но далеко ей было до порселена. Она не просвечивала ничуть, и краски на ней были не такие яркие.

Наконец в XVII веке французу Луи Потера удалось, смешав песок, мел, селитру, соду, поваренную соль и квасцы, сделать массу, которая, после того как её накалили в печи, стала похожа на порселен. Посуда из этой массы была белая и блестящая, как китайская.

Французы были очень довольны, важничали и хвалились этой посудой. Увы! – она оказалась похожей на китайскую только по виду. Есть и пить из неё было очень неудобно. Поцарапаешь её ножом, – остаётся борозда; станешь пить из чашки, – кусочки от края прямо в рот обламываются. Её ставили под стекло и любовались издали. Эту посуду называли «искусственный», или «мягкий порселен»².

А китайцы сидели в своём Китае и, хитро поблескивая косыми глазами, посылали в Европу чудесные блюда и вазы, одна другой лучше.

Полк солдат – за китайские вазы

Наступили новые времена. Мореход Васко да Гама открыл путь в Китай по морям и океанам мимо мыса Доброй Надежды³.

Португальцы и голландцы снаряжали корабли за восточными товарами в Китай. Они привозили оттуда порселен, или фарфор, – китайскую посуду, белую и светло-зелёную, блестящую и красную, матовую, укра-

¹ Слово «фаянс» произошло от названия итальянского города Фаэнца, где он производился. Внешне фаянсовые изделия могут очень походить на фарфор, однако черепок фаянса плотный, не просвечивающий; глазурь, которой его покрывают, не сплавляется с черепком, как это присуще фарфору.

² В 1673 году во французском городе Руан гончар Луи Потера смог получить мягкий фарфор молочного оттенка. Это был ещё несовершенный, но уже настоящий первый мягкий фарфор в Европе, главным его отличием была глазурь – не глянцева, легко повреждавшаяся. Руанская фарфоровая мануфактура выпускала посуду вплоть до смерти Потера в 1696 году. В основе рецепта такого фарфора лежит фритта – предварительно сплавленная смесь минералов (в том числе селитры и квасцов), в которой нет каолина: по химическому составу он близок к стеклу, гораздо менее прочный и жароупорный.

³ *Васко да Гама* (1460 или 1469–1524) – португальский мореплаватель, командовавший морской экспедицией, которая впервые в истории проплыла из Европы в Индии (в 1498 году). До того как был открыт морской путь в Индию, товары оттуда доставляли через Красное море, часть пути приходилось преодолевать караванным путём до Нила, а затем сплавливать груз по реке до Средиземного моря.

шенную выпуклыми узорами. А фарфор полюбился европейцам теперь ещё пуще, чем прежде.

Князья больше не воевали друг с другом. Они подчинялись королю – единственному владыке страны. Короли окружали себя блеском и роскошью. Они строили себе великолепные дворцы. В парках, среди золочёных статуй, били причудливые фонтаны. Фабрики делали роскошную мебель, узорные паркет, парчу и шелка для королевских дворцов.

Дамы стали носить широченные юбки – роброны, на которые шли десятки аршин золототканых материй. Мужчины наряжались в расшитые шелками кафтаны, в бархат и кружева. Скоро завели моду носить высокие парики на головах, а на ногах – туфли с высоченными каблуками. Каждый старался одеться как можно пышнее, ярче и неудобнее, чтобы казаться важным и красивым.

Но под роскошными платьями не всегда было чистое бельё; кружевные воротники нередко прикрывали немытую шею, потому что тогда мытьё было не очень-то в ходу.

Маленький Людовик, будущий французский король – «король-солнце»¹, как он потом себя называл, – спал в королевском дворце на дырявых простынях, под разлезшимся от ветхости одеялом.

В великолепных дворцах дуло изо всех щелей. Слуги ходили оборванные, как нищие. Бывало, что на несколько человек была одна пара сапог. Кто выходил к господам, тот её и надевал.

А как жили крестьяне и ремесленники, об этом и говорить нечего: целые деревни уходили нищенствовать, чтобы не умереть с голода. Королевские подати и налоги отбирали у них всё.

Зато во дворцах всё должно было блеснуть, шуршать шелками, искриться золотом. Пёстрая, блестящая фарфоровая посуда как нельзя лучше подходила для украшения дворцов. А тут ещё дворяне завели у себя восточный обычай – пить чай и кофе. Сколько чашек, блюдец, кофейников и чайников понадобилось им всем сразу!

Гончары выбивались из сил, чтобы угадать китайский секрет. Их фаянсовая посуда становилась всё красивее, фаянсовые тарелки Руана, Дельфта² и других фабрик ценились очень дорого. Но ещё дороже ценился китайский фарфор.

¹ Людовик XIV (1638–1715) – король Франции из династии Бурбонов, также известный как «король-солнце». Правил Францией с 1643 по 1715 год, т.е. 72 года – дольше, чем какой-либо другой европейский король в истории.

² В Руане работал Луи Потера, а немногим раньше в голландском городе Дельфт начали производить фаянс, очень близкий по свойствам к настоящему фарфору и расписанный в стиле китайских кобальтовых (т.е. расписанных тёмно-синей краской) изделий. В 1645–1680 годы фаянс активно производился – до расширения торговли с Китаем и появления европейских фарфоровых мануфактур.

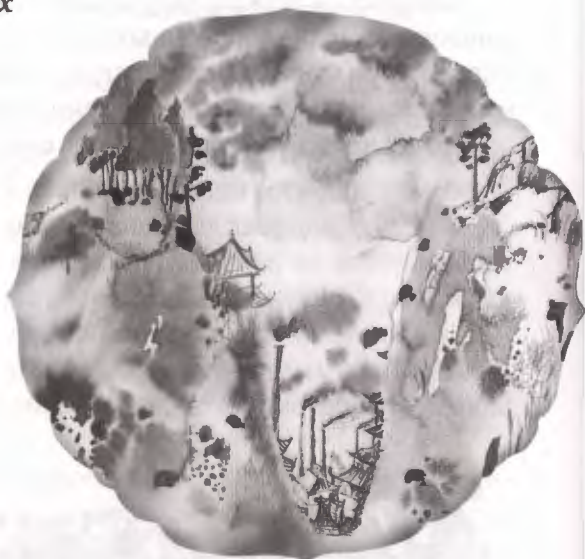
Саксонский король Август Сильный¹ отдал в обмен за несколько китайских ваз полк здоровенных драгун, все молодец к молодцу, прусскому королю Фридриху. «Полк драгун, но без мундиров, без лошадей и без оружия», – так и написано в старинном документе об этой сделке.

Вот до чего доходили короли в своей жадности к фарфору.

¹ 151 китайская ваза, окрашенная в синие и белые цвета, была передана в 1717 году Августом Сильным прусскому королю Фридриху Вильгельму I – в ходе дипломатического обмена – на роту из 600 саксонских драгун (кавалеристов, которые могли сражаться и пешими). Позднее вазы стали называться «драгунскими». (Значок (O) – указание читателю, что на цветной вкладке есть иллюстрация к этому комментарию – под номером 6, соответственно).

Кружится птица в вышине
И видит город – весь в огне,
Там день и ночь пылают печи,
Их трубы теплятся как свечи,
И освещают чёрный дым
Кровавым блеском огневым.
Г. Лонгфелло¹

Отец д'Антреколь

В те времена у монахов была большая власть в руках. Каждый монах принадлежал к какому-нибудь ордену. В ордене были свои начальники – вроде генералов, и другие – вроде полковников. Простые монахи слушались их беспрекословно. Начальники умели натравить одного короля на другого и затеять войну, если это было им выгодно. Им всегда удавалось оттягать у крестьян лучшую землю для монахов своего ордена. Монастырские кладовые были наполнены золотом.

Орден иезуитов² был самым богатым и могущественным из орденов. Орден иезуитов посылал своих монахов во все страны света. Лукавые монахи не только обращали язычников в свою веру, они проникали повсюду, выспрашивали, вынюхивали и тайком доносили своим начальникам обо всём, что видели. Монахи давно пробрались в Китай.

¹ Так описан город Кин-те-чен в стихотворении «Керамос» («Keramos», 1878), или «Глина», американского поэта Генри Уордсворта Лонгфелло в переводе с английского Елены Данько. [7]

² Орден иезуитов – «Общество Иисуса» (лат. Societas Jesu), монашеский орден римско-католической церкви, основанный в Париже и утверждённый указом папы Павла IV в 1540 году. Генеральным настоятелем (генералом) ордена стал Игнатий Лойола, которому ошибочно приписывают фразу «Цель оправдывает средства», якобы выражающую моральное кредо иезуитов. Общество Иисуса стало серьёзной религиозной, политической, экономической силой, однако его образ довольно противоречив – иезуиты действительно считали возможным приспособливать свои моральные правила к обстоятельствам политической жизни. [8] В русском языке иезуитом называют человека хитрого и беспринципного.

Другие европейцы, приезжавшие на высоких кораблях, – грубоватые моряки и жадные купцы, – отпугивали от себя китайцев. Они носили громадные пистолеты у пояса, громыхали высокими сапогами и неистово ругались на своём языке, закупаая у китайцев шелка и фарфоровую посуду.

Тихие речи ласковых монахов нравились вежливым китайцам куда больше. Их бритые головы, широкие рукава ряс, сандалии на ногах и обычай перебирать чётки делали их похожими на самих китайцев. Они не только превосходно говорили на китайском языке, но читали даже китайские книги.

«Сыны Неба» – богдыханы – вели с ними учёные беседы и советовались в разных делах, но зорко следили, чтобы учёные «отцы» не шатались по Китаю без дела и не совали носа, куда не просят. Поэтому иезуитам не удавалось ничего узнать о фарфоровом секрете, а им очень этого хотелось.

Наконец, один из них – отец д'Антреколль¹ добился позволения поехать в город Кин-те-чен², где были самые большие фарфоровые фабрики. Распростёршись ниц перед богдыханом, он сделал «коу-тоу»³, т.е. стукнулся лбом о пол и благодарил богдыхана за милостивое позволение. Ему вручили большие пропускные грамоты с красными печатями на шёлковых шнурках. Потом он сел на раскрашенный корабль с драконом на носу, шедший в Кин-те-чен за фарфором, и отправился вверх по широкой реке Ян-цзе⁴, мимо рисовых полей, где сгибались китайцы в больших соломенных шляпах.

Это было в начале XVIII века, двести с лишком лет тому назад.

¹ Франсуа Ксавье д'Антреколль, или отец д'Антреколль (François Xavier d'Entrecolles, Pere d'Entrecolles) (1664–1741), – иезуитский миссионер, прибывший в Китай в 1698 году, чтобы присоединиться к местной миссии. В 1706–1719 годах он был генералом (т.е. главой) французской миссии в Китае, с 1722 по 1732 год возглавлял французскую резиденцию ордена в Пекине. Он превосходно знал китайский язык, читал и переводил многочисленные труды, его интересовало не только производство фарфора, но и разведение шелковичных червей, создание искусственных цветов и жемчуга, вакцинация против оспы.

² Кин-те-чен – город в провинции Цзянси (Kiang-si) на юго-востоке Китая, древнейший и крупнейший центр производства фарфора в мире, существующий и по сей день. ⁹

³ Коуту – обязательный обряд в китайском дипломатическом этикете, выражение покорности и почтения к особе императора: нужно было трижды встать на колени и девять раз прикоснуться лбом к полу при приближении императора. Был отменён во второй половине XIX века. ¹⁰

⁴ Янцзы (в переводе с китайского – Длинная река) – самая длинная и полноводная река не только в Китае, но и в Евразии, она протекает в юго-восточной части страны и занимает важное место в её культуре. Янцзы позволила создать системы орошения земель и обеспечить развитие сельского хозяйства, а также служила основным транспортным путём до появления в XX веке железных дорог. По реке проходит граница между Северным и Южным Китаем.

Город Кин-те-чен

Когда судно под вечер, после многодневного пути, обогнуло последний речной мыс, и в полукруге высоких гор глазам открылся город, отцу д'Антреколю показалось, что он видит большой пожар или гигантскую печь с бесчисленными отдушинами, из которых вырывались огонь и дым. Это пылали печи, где обжигался фарфор, их было три тысячи. Город казался объятным пламенем¹.

«Вот почему, – писал потом иезуит в Париж, – китайцы везде ставят часовни в честь бога огня, но это не спасает город от частых пожаров».

Река была запружена судами, стоявшими в несколько рядов. Корабль, на котором ехал д'Антреколь, с трудом пробирался к пристани.

На берегу толпились люди. Китайцы-носильщики бежали по сходням, нагружая фарфор на большие суда и принимая какой-то груз с маленьких парусных джонок². Д'Антреколь сошёл на берег и нанял проводника, чтобы тот провёл его к дому мандарина³.

Над городом стоял дым от печей. Узкие улицы, прямые как линейки, выходили в гавань. Каждая улица была длиной в тринадцать ли, поэтому Кин-те-чен назывался также Ши-кан-ли, что значит «город тринадцати ли»⁴.

По улицам сновали люди. Торговцы с грохотом катили свои тележки. Продавцы апельсинов старались перекричать пекарей, жаривших рисовые лепёшки тут же на улице, на маленьких жаровнях. Толстые купцы покрывали на носильщиков с тюками товаров. Китайские дамы под зонтиками мелко семенили своими крохотными ножками на толстых белых подошвах. Их высокие причёски, украшенные цветами и бабочками, задевали бумажные вывески, висевшие поперёк улицы. Ребятишки запускали бумажного змея в виде дракона. Их головы были выбриты, только над ушами и на макушке пушились хохолки волос, как чёрные мышки.

Стоял такой шум и гам, что д'Антреколю показалось, будто он попал на ярмарку.

Вдруг толпа расступилась, и стало тише. Прохожие отошли в стороны. Появился рабочий с двумя длинными досками на плечах. На узких досках лежали в ряд белые матовые чашки донышками вверх. Это токарь нёс свой хрупкий товар в обжигательную печь. Все давали ему дорогу, зная, что, если хоть одна чашка разобьётся, ему придётся за неё платить хозя-

¹ д'Антреколь подробно описал город начала XVIII в. в своём первом письме. 11

² *Джонка* – китайское и японское парусное судно для плавания по рекам и вблизи морского побережья. Отличительные его черты – четырёхугольные паруса из бамбуковых перекладин и циновок, их можно сворачивать наподобие жалюзи.

³ *Мандарин* – данное португальцами название чиновникам феодального Китая, перешедшее затем в русский и западноевропейские языки.

⁴ *Ли* – китайская путевая мера, в древности составляла 300 или 360 шагов, её принятое метрическое значение – 500 м. (Неточность: транскрипция числа 13 – «ши-сан».)

ину. Он шёл, легко ступая ногами в соломенных сандалиях и чуть-чуть покачиваясь на ходу.

Д'Антреколь загляделся на него и думал: «Как этот рабочий следит за каждым своим движением и каждым шагом, чтобы не уронить посуду. Пожалуй, и мне придётся быть таким же осторожным, выведывая секрет фарфора. Один неверный шаг сможет меня погубить».

– Пойдёмте, – сказал ему проводник-китаец, – пойдёмте, уже темнеет! Нам надо дойти до дома мандарина, пока улицы ещё не закрыты.

В сумерках уже зажигались фонари из бумаги и шёлка над лавками торговцев. Их стенки светились красными и зелёными надписями.

Ведя д'Антреколя по темнеющим улицам, проводник рассказал ему, что в Кин-те-чен не пускают никого из чужестранцев. Д'Антреколь первый получил пропуск. Когда стемнеет, все улицы запираются загородками-заставами. Караульные пропускают лишь тех прохожих, кто знает условный знак или тайное слово. Всю ночь по городу ходят отряды полицейских. Они смотрят, хорошо ли работают печи, и не подглядывает ли какой-нибудь чужеземец, как делается фарфор.

Так разговаривая, они взошли на холм, где стоял дом мандарина. Над резной дверью важно покачивался большой бумажный фонарь, белый с синими звёздами.

Мандарин

Раскосые глаза мандарина хитро посматривали на гостя, пока сам мандарин низко кланялся, подгибая коленки. На нём была круглая шапочка с золотым шариком на макушке. Кисть красного шёлка свисала ему на ухо. Синий халат, расшитый золотыми драконами, был перехвачен на животе серебряным поясом. На поясе болтались веер, фарфоровая табакерочка и маленький кинжал в ножнах.

Едва д'Антреколь пытался сказать хоть словечко, мандарин опять начинал кланяться. Наконец д'Антреколь вынул свои грамоты и протянул их кланявшемуся мандарину.

Что тут сделалось с мандарином! Он бросился на пол ничком и стал стучать лбом о соломенные циновки. Красная кисточка упала ему на глаза, а коса извивалась на спине, как змея.

Наконец он встал и сказал:

– Тебя прислал великий дракон, сын неба¹, наш мудрый богдыхан. Да будет счастлив твой приход.

¹ Дракон в китайской культуре – царь зверей, символизирует силу, доброту и власть правителя. Императора именовали драконом, его трон – «местом дракона», драконов вышивали на его одежде. Сын Неба – титул, связанный с почитанием Неба как божества, разрешающего своему сыну править империей – Поднебесной. ¹²

И он наговорил монаху сотню китайских любезностей и пожелал ему пять земных блаженств. А эти пять блаженств были – тугой кошелек, крепкий сон, толстый живот, долгая жизнь и лёгкая смерть.

В углах комнаты в красивых фарфоровых вазах миндаль и яблони поднимали свои лёгкие ветки, усыпанные бело-розовыми цветами. На медном треножнике в очаге кипел чайник.

Мандарин налил чаю в голубые чашки без ручек¹ и угощал гостя орехами с мёдом из зелёной вазы. Эти орехи были выкрашены красной краской – киноварью. У д'Антреколя губы и зубы стали красными, как кирпич. Китайцы считали это красивым².

Вежливо и осторожно мандарин расспрашивал, что привело «посланца дракона» в их город.

Ногти на левой руке у мандарина были отращены на два вершка. Он прятал их в золочёные бамбуковые напёрстки³.

Пока д'Антреколле говорил, мандарин то снимал напёрстки и поглаживал свои зеленоватые ногти, то опять надевал их, а сам пылливо вглядывался в собеседника.

А монах заливался соловьём. Он приехал сюда посмотреть город, он пишет большую книжку о Китае, чтобы его братья европейцы узнали, какая это чудесная страна и какие в ней мудрые мандарины. Какой удивительный порядок в городе Кин-те-чене, как умно управляет им мандарин! (Про фарфор хитрец не вымолвил ни слова.)

От улыбок лицо мандарина расплылось в лепёшку. Хитрые глазки превратились в щёлочки. Ему захотелось, чтобы д'Антреколле написал про него что-нибудь хорошее в своей книжке.

Начертив тушью на бумаге какие-то знаки, он велел слугам взять фонари и проводить гостя в дом, где он мог переночевать.

Опять начались поклоны, приседания, любезности. Д'Антреколле и слуги уже поворачивали в тёмный переулок, а мандарин всё ещё стоял под фонарём на пороге и кланялся. Потом он вошёл в дом, надел плащ и, прицепив сбоку большой меч, пошёл на ночной обход по городу с десятком полицейских.

¹ Маленькая чашечка без ручек (её принято называть пиалá – название пришло из Персии) требует сосредоточенности на процессе чаепития, которому в Китае придаётся особое значение. Пиалы – один из древнейших видов посуды, впервые появились у кочевых племён: чашки без ручек можно быстро сложить одну в другую, что важно при кочевом образе жизни.

² *Киноварь* – краска, изначально получаемая из ртутного минерала киновари, которая дала название яркому оттенку красного цвета. В Китае киноварь считалась средством продления жизни и обретения бессмертия, а красный цвет символизирует счастье и процветание. ¹³

³ Длинные ногти в Китае свидетельствовали, что их владелец не занимается физическим трудом. Для их защиты и демонстрации своего статуса носили специальные наконечники-футляры – хучжи, что в переводе означает «броня для ногтя». ¹⁴

Д'Антреколь шёл по пустым улицам. Огни печей пылали теперь ещё ярче, потому что наступила ночь. В городе было таинственно и тихо, только у печей двигались тёмные фигуры мастеров.

Фарфоровые чудеса

Д'Антреколь поселился в доме старого китайца, хозяина нескольких парусных джонок. Он бродил по городу и каждый день узнавал что-нибудь про фарфоровые фабрики.

В убогих хижинах рабочие жили впроголодь. Рис, заменяющий китайцам хлеб, стоил в Кин-те-чене дорого, его привозили издалека.

Когда д'Антреколь рассказал рабочим, как дорого ценится в Европе их фарфор, они ему не поверили.

Всю прибыль брали себе купцы, а рабочие получали жалкие гроши. Великолепные вазы, которыми восхищалась Европа, – пышные и нарядные, украшенные золотом, – были сделаны бедняками, полуголодными рабочими. Их прилежные пальцы делали чудеса из фарфора.

Двор богдыхана требовал каждый год:

- 31 000 блюд,
- 16 000 тарелок с синими драконами,
- 18 000 чашек с цветами и драконами,
- 200 блюд с написанными словами «фу» – счастье и «чеу» – долгая жизнь.

В приказах богдыхана по фабрикам говорилось, что посуда для двора «должна быть голубая, как небо после дождя в промежутках между облаками, блестящая, как зеркало, тонкая, как бумага, звонкая, как гонг, гладкая и сияющая, как озеро в солнечный день»¹.

Всё это исполняли фабрики Кин-те-чена.

Рабочие умели делать удивительные вещи: посуду белую, как цветы яблони, посуду лиловатую, как аметист, и ещё – красную неблестящую посуду, похожую на коралл, всю в резных узорах². Они делали фонари, расписанные пурпурными пионами, которые чудесно светились, если внутри зажечь огонь. Другие фонари – в виде рыб и драконов с горящими глазами.

¹ Это описание относится к разновидности фарфора циньбай (Qingbai) – посуде из белой глины, покрытой глазурью разных оттенков голубого цвета. ◉

² Описанные изделия относятся к керамике исин (Yixing), а точнее к её разновидности ци-ша (Zi sha – «лиловая глина»), она делалась из особых сортов глины, так что изделия имели цвет от лилового до красновато-коричневого и не глазурировались ◉. Другая разновидность исин – чжу-ша (Zhu sha – в переводе «киноварная глина»), это изделия насыщенного красного цвета с прихотливой резьбой. ◉

Д'Антрекооль видел там один фонарь – большую фарфоровую кошку с горящими глазами¹. Он рассказывал в письмах, что крысы боялись её больше, чем живых кошек.

Ещё там были корбочки с кружевными фарфоровыми стенками, в которые сажали пойманных бабочек. Были чашки, у которых сквозь дырочки в первой – кружевной – стенке виднелась вторая – сплошная. На ней были нарисованы горы, дома и китайки с корзинами цветов.

Из таких чашек можно было пить какой угодно горячий чай, не обжигая руки, потому что от кипятка нагревалась только внутренняя сплошная стенка, а кружевная оставалась прохладной.

Некоторые чашки были с таким фокусом², что, когда вы начинали пить, вода вдруг бурлила и брызгала вам в нос.

А однажды мандарин показал д'Антрекооль чудесную белую чашу.

Когда в неё наливали воду, на её стенках вдруг появлялись, словно выплывали, голубые рыбы. Выливали воду – чаша опять становилась белой.

Но больше всего славилась в Китае фарфоровая нанкинская башня. Её девять этажей поднимались вверх на 80 метров. Стены были выложены белыми фарфоровыми плитками. Плитки у окон и дверей были жёлтые и зелёные. На них извивались выпуклые драконы. На острых выступах башни висели фарфоровые колокольчики. Их было восемьдесят штук. Они нежно звенели от дуновения ветра³.

Трудные заказы

Но были вещи, которые даже китайские искусные мастера не могли исполнить. Из фарфора можно было делать большие вазы и блюда, но плоские пластины обязательно гнулись и кривились при обжиге, если они были больше одного квадратного фута.

Богдыханы, как назло, заказывали такие пластины. То им нужны были фарфоровые плиты для облицовки дворцов, длиной в 3 фута, а шириной в 2½ фута, то фарфоровые ящики, имевшие 4 фута в длину и 2 фута в высоту⁴.

Одному богдыхану даже пришлось в голову заказать фарфоровый орган с четырнадцатью трубками, издававшими разные тона.

¹ Такие фонари предположительно использовались в качестве ночников, а возможно, и для отпугивания мышей и крыс. (И)

² Существовала традиция изготовления посуды с «секретами», основанными на законах физики. Описанная здесь чашка устроена по принципу «фонтана Герона», греческого математика и механика Герона Александрийского (I в н.э.). (И)

³ Фарфоровая башня – 78-метровая пагода буддийского храма в течение нескольких столетий признавалась одним из главных архитектурных чудес города Нанкина и всего Китая. Она была построена в 1422 году и облицована белым фарфоровым кирпичом. В 1856 году снесена во время крестьянского восстания. (И)

⁴ Фут – единица измерения длины, равная 30,48 см.

Рабочие делали фарфоровые флейты и флажолеты¹, но орган им не удалось исполнить.

Вместо органа они сделали богдыхану другой инструмент из фарфоровых пластинок, висевших рядами. Ударяя по ним палочкой, можно было разыгрывать целые пьесы, потому что каждая пластинка издавала свою ноту, как клавиша в рояле².

Это тоже трудно было сделать. Для того чтобы пластинки звучали разными нотами, их надо было делать разной толщины и обжигать при разной температуре: одни – при очень высокой, другие – при более низкой.

Богдыхан не принял этого инструмента – подавай ему орган, да и только!

У «великого дракона» и сердце было драконье. Над неисполнимыми заказами рабочие мучились по три, по четыре года. Они тратили свои деньги на дрова и глину и впадали в ещё большую нищету. С отчаяния они просили мандаринов отменить заказы. Но мандарины старались выслужиться – получить павлинье пёрышко на шапочку в знак милости императора. Они били рабочих палками по пяткам и заставляли их приниматься опять за ту же работу.

Если «великий дракон» умирал, все китайцы в знак печали не стриглись и не брились в течение ста дней. Их головы и подбородки зарастали чёрной щетиной, а рабочие втихомолку радовались: ведь наследник богдыхана – новый «дракон» – всегда отменял прежние заказы.

Одному богдыхану приспичило заказать вазу, такую большую и такую нескладную по форме, что она трескалась каждый раз, как рабочие ставили её в печь. Тогда приходилось начинать работу сызнова. У рабочих болели пятки от побоев.

В последний раз поставили они в печь проклятую вазу. Пламя из топки освещало их усталые, измученные лица. Они были уверены, что ваза опять лопнет – и тогда им не миновать казни. С горя один из них бросился в печь и сгорел.

Ваза вышла прекрасно.

Восхищённый богдыхан позвал рабочих, чтобы их наградить. Они пришли, но одного среди них не хватало. В печи лежала горсточка пепла.

Китайцы были уверены, что ваза не треснула потому, что рабочий принёс ей свою жизнь в жертву. Его прославляли, в его честь воздвигали часовни. С тех пор он сделался у китайцев героем, покровителем всех фарфоровых мастеров.

¹ Флажолёт – старинная флейта, звук из неё извлекают, держа вертикально, как, например, блок-флейту. Фарфоровые музыкальные инструменты делают и сейчас.

² На Международной ярмарке фарфора в 2012 году в Цзиндэчжэне музыканты играли на таком фарфоровом инструменте.

Этого беднягу звали Пу-тсаи.

«Но жалкие почести, оказанные ему после смерти, не соблазнили никого больше последовать его примеру», – написал д'Антрекооль в своём письме в Париж, рассказав историю бедного рабочего.

Као-лин и пе-тун-тсе

Однажды старый Сунг, хозяин д'Антрекооля, вернулся домой в дурном настроении. Его морщинистое лицо стало совсем серым, он бормотал что-то себе под нос, потом стал громко стонать и плакать. Охая, он взял круглое зеркальце и прибил его снаружи над входом в дом.

– Что случилось? – спросил д'Антрекооль.

– Злые духи хотят меня погубить, – заплакал старик, – они преследуют меня на пристани. Они придут в дом по моим следам, увидят своё отражение в зеркале, испугаются (потому что они очень страшные) и убегут.

– А что тебе сделали духи?

– Они опрокинули мои джонки на реке. Они подняли ветер, и мои джонки потонули вместе с прекрасным грузом!

Старик сел на порог и стал горестно причитать, покачиваясь вперёд и назад.

– Мои дорогие сыновья сами грузили као-лин на крепкие днища, мои прилежные сыновья сами делали пе-тун-тсе! Они послали джонки с као-лином и пе-тун-тсе вниз по реке из Фулианга, чтобы старый Сунг мог продать этот груз на фарфоровые фабрики!

Чтоб их бедный отец мог успокоить свою старость и купить себе бронзового бога! А злые духи опрокинули мои джонки! О, мой као-лин! О, пе-тун-тсе! Ловкий мастер не сделает из вас прекрасной посуды! Вы лежите на дне, над вами плавают рыбы, но рыбы не умеют делать фарфор! Старый Сунг не купит себе бронзового бога!

Тут старик вдруг замолчал и подозрительно взглянул на д'Антрекооля.

Монах уже привык, что китайцы всякую неудачу приписывали злым духам; рассказ старика его не удивил. Но когда Сунг заговорил о фарфоре, у монаха замерло сердце. Так вот из чего делают фарфор! Као-лин и пе-тун-тсе! Као-лин – это значит «высокий хребет»¹, а пе-тун-тсе – маленькие белые кирпичики, что же это такое?

Старик утрумо ушёл в угол и стал зажигать благовонные палочки перед носом глиняного идола с десятью руками. От него ничего больше нельзя было добиться.

¹ Каоли́н в переводе с китайского означает «высокие горы». Такими горами окружён Кин-те-чен, город не случайно был расположен вблизи месторождений сырья для фарфорового производства.

Кукольный театр

А д'Антрекооль уже напал на след. Он болтался целыми днями у пристани. Зорко наблюдая за джонками, прислушиваясь к отрывочным словам матросов и купцов, он узнал, что као-лин – мягкая белая глина, её добывают в горах, носящих имя «Высокий хребет»; пе-тун-тсе – маленькие белые кирпичики, их тоже привозят джонки. Д'Антрекооль узнал, что рабочие раскалывают в горах твёрдый горный камень и делают из него кирпичики. Но как же из кирпичиков делают фарфор?

Однажды д'Антрекооль увидел на площади смешную будку, увешанную пёстрыми флагами с бахромой. Перед ней стояла толпа народа, ребяташки пролезали вперёд к сидевшему возле будки музыканту, который играл на длинной флейте, а ногой с зажатой между пальцами палочкой ударял по маленькому барабану, стоявшему рядом с ним. Вдруг занавеска спереди будки раздвинулась, и в отверстии появилась куколка, которая смешно передвигала ногами, подымала руки и вертела головой как живая. Налетевший ветерок распахнул занавеску шире, и д'Антрекооль увидел над куколкой руки хозяина, который ловкими пальцами дёргал и перебирал нитки, протянутые к кукле, заставляя её двигаться. Самого кукольника не было видно за занавеской.

Д'Антрекооль остановился и стал смотреть.

Куколка, двигавшаяся между занавесками, изображала молодую китаянку; она пела песенку (т.е. вместо неё чей-то голос пел за занавеской) и танцевала. Потом на сцену вышла другая кукла – отец китаяночки. У него были длинные чёрные усы и борода и высокая шапка на голове. Тут пришла ещё третья куколка – молодой бедно одетый китаец. Д'Антреколь понял, что молодой китаец сватает китаянку, а отец соглашается её отдать только за очень большой выкуп. Потом старый китаец и китаяночка ушли, а молодой остался и стал жаловаться, что он беден и не может дать выкупа. Ничего у него нет, кроме синей фарфоровой вазы, которую ему оставила на память его умершая мать.

Он ушёл за занавеску и принёс эту вазу. Вдруг появилась кукла, изображавшая европейца-купца. Он был рыжебородый, в треугольной шляпе, качался, как пьяный и громко ругался. В толпе засмеялись и зашептались довольные китайцы. Видно, кукла была похожа на европейца. Европейец стал приставать к молодому китайцу, чтоб он продал ему вазу, а тому не хотелось продавать подарок покойной матери, хотя деньги были нужны. Европейец предлагал ему денег всё больше и больше. Потом они оба ушли, и на сцене никого не было, потому что кукольник приготавливал других кукол.

Музыкант опять начал игру.

В это время один из китайцев, стоявший впереди д'Антреколя в толпе, обернулся к другому и сказал:

– А ты слышал, как один «рыжебородый» (рыжебородыми в Китае звали европейцев) хотел устроить фарфоровую фабрику у себя на родине? Он купил у нас много-много пе-тун-тсе и увёз с собой. Но у него ничего не вышло, потому что он не взял с собой као-лина.

– Конечно, – ответил другой китаец, по виду купец, – фарфор нельзя делать без као-лина. Фарфор без као-лина – всё равно, что тело без костей.

Тут они оба рассмеялись и стали смотреть на сцену, где опять затаńczyвали куколки.

Д'Антреколлю было не до кукол. Его не интересовало – продал или нет молодой китаец свою вазу и женился ли он на китаяночке. Д'Антреколь вернулся в свою комнату и там, записав в свой тайный дневник всё, что слышал про као-лин и пе-тун-тсе, задумался.

«Должно быть, као-лин придаёт крепость фарфору так же, как кости придают крепость телу, – размышлял он. – Но как это может быть? Ведь као-лин – мягкая глина, а пе-тун-тсе – твёрдый камень?»¹

Он думал всю ночь и не додумался.

А дело было вот в чём: пе-тун-тсе, твёрдый горный камень, становился прозрачным, как стекло, если его накаляли в огне. Он плавился и расте-

¹ Сначала предполагалось, что пе-тун-тсе – местный минерал на основе слюды и кварца, «фарфоровый камень», а «маленькие белые кирпичики» – брикеты из порошка этого минерала. Позже стали считать, что в виде кирпичиков на производство доставляли любые разновидности глины.

кался в обжигательной печи. Као-лин – белая глина – становился твёрдым и очень белым, если его обжигали. Китайцы смешивали пополам као-лин и пе-тун-тсе, делали из этой массы посуду и обжигали в печи при температуре около 1300 °С. Тогда получался фарфор.

Но д'Антреколлю это было невдомёк. Он решил проникнуть на фабрики, чтобы узнать, что там делается.

В мастерских

Проходили годы. Мандарин уже не раз менял свою шапочку с золотым шариком на другую – с меховой опушкой, давая знак горожанам, что наступила зима. В Кин-те-чене никто не смел переменить летнее платье на зимнее, пока этого не сделает сам мандарин.

Чёрная ряса отца д'Антреколля мелькала по всему городу. Он входил в богатые дома и в хижины бедняков. Он старался быть добрым с рабочими и давал деньги самым бедным из них. К нему привыкли, ему доверяли. Он даже пробрался в некоторые мастерские. Как удалось ему это?

Однажды он пришёл к мандарину и прямо сказал ему, что хочет посмотреть, как делают посуду на фабрике. Мандарин остоленел:

– Но ведь вы знаете, что мы никого не пускаем в мастерские?

– О, дорогой друг, – сказал хитрый монах, – ведь мне и так всё уже известно. Я знаю, из чего делается фарфор: из као-лина и пе-тун-тсе; знаю, откуда привозят и то, и другое.

Он сделал учёное лицо и прибавил:

– Фарфор без као-лина всё равно, что тело без костей.

Мандарин удивился ещё больше.

– Откуда вы это знаете?

– Сам «великий дракон» в Пекине позволял мне читать китайские старинные книги, в которых это написано, – важно соврал д'Антреколле.

Тут мандарин ещё раз проникся уважением к его учёности, не зная, что д'Антреколле ничего не читал, а только повторяет ему слова, подслушанные на пристани и на площади перед кукольным театром. Мандарин позволил д'Антреколлю пойти в мастерские, но сам пошёл вместе с ним.

Это были большие бараки, обнесённые забором, на окраине города. Там кипела работа. На одном дворе в больших чанах промывали као-лин и разбивали пе-тун-тсе в порошок. Потом смешивали то и другое в больших каменных ямах. Размешанное тесто раскатывали в пласты и уносили в подземные погреба. Там масса вылёживалась годами, становясь нежнее и мягче.

На другом дворе из массы делали посуду. Гончары сидели на скамейках и ногами крутили гончарные круги. Их ловкие руки лепили сосуды, вазы и чашки. Капли пота блестели на их смуглых спинах. Косы были

завязаны в узлы на макушках. Ни один волосок, ни одна пылинка не должны были попасть в массу. Они могли испортить всё дело.

Один рабочий придавал форму сосуда комку белой глины, другой подрезал её ножом, третий обтачивал сосуд внутри, четвёртый – снаружи, пятый полировал, шестой глазурировал, и так дальше.

Каждый сосуд проходил через руки семидесяти рабочих.

«Это удивительно, – писал в своём дневнике д'Антрекооль, – как быстро и ловко передают они сосуды из рук в руки. Никто не делает лишних движений».

Глазурь, от которой фарфоровая посуда становилась гладкой и блестящей, была налита в большие чаны. Её делали, растирая в порошок зеленоватый горный камень и размешивая порошок в воде. Маленькие сосуды окунались в чаны с глазурью, а большие вазы обдувались глазурной пылью. Глазуровщики дули в маленькие трубочки с чашечками на концах. В эти чашечки был положен глазурный порошок. От дуновения он распылялся по стенкам вазы.

Д'Антрекоолью казалось, что нет народа более прилежного и ловкого, чем китайцы.

Четыре сокровища мудрых

– Я хочу сделать вам подарок, мой учёный друг, – сказал однажды мандарин, – вот, четыре сокровища мудрых.

И он подал д'Антрекоолью бумагу, кисточки, тушь и дощечку для растирания туши.

Бумага была тонкая, шелковистая. Кисточки были сделаны из волос хвоста самой пушистой лисицы. Тушь лежала в зелёной нефритовой коробочке, обёрнутая в кусочек шёлка. В её чёрную, матовую поверхность была вделана маленькая жемчужина в знак того, что это самая лучшая, самая чёрная, драгоценная китайская тушь.

Дощечка была простая белая, зато фарфоровый стаканчик, в котором стояли кисточки, сиял синим рисунком. На нём были нарисованы старые китаец и китаянка. Они сидели и улыбались. У их ног ещё один старый китаец, одетый в детское платье, из-под которого торчали его длинные ноги, играл детской погремушкой. В корзине расцветали лилии.

– Мы любим, когда дети почитают родителей, – сказал мандарин. – Здесь нарисован китайский мудрец Лао-лай-тцзе¹. Когда ему было семьдесят лет, а отец и мать его были уже совсем старые, он одевался в детское

¹ *Лао-лай-тцзе (Лао-Цзы)* – китайский философ, современник Конфуция, считается основателем религиозно-философского учения даосизм, один из переводов его имени – Старый Младенец.

платье и играл перед ними на полу, чтобы их позабавить. Тогда старикам казалось, что они всё ещё молоды, что их сын всё ещё малютка, и они были счастливы.

– Неужели это сделано человеческой рукой? – воскликнул д’Антреколь, восхищаясь ярко-синим цветом рисунка и его нежными переливами под блестящей глазурью.

Мандарин засмеялся.

– Хотите посмотреть, как это делается? Пойдёмте сейчас к нашим живописцам!

Д’Антреколь, конечно, согласился.

Живописцы

Живописцы сидели рядами на скамейках. Их косы висели вдоль спин. Около них стояли чашки с красками и кисточками. Первый брал вазу, рисовал узор вокруг горлышка и передавал другому, тот рисовал горы, третий – людей, четвёртый – цветы, пятый расцвечивал рисунок золотом.

Когда ваза доходила до конца ряда, она была уже вся расписана, а мастера уже передавали другую из рук в руки.

В углу на отдельной табуретке стояла большая ваза. Живописец обдувал её серой краской из трубочки, как это делали глазуровщики. Потом ножичком он проскребал на сером белые узоры. Пылинки краски падали на лист бумаги, подложенный под вазу. Живописец бережно собирал их и опять пускал в дело.

– Эта серая краска после обжига станет ярко-синей, – сказал мандарин, – мы делаем её из серого камня – кобальта¹. Эта краска очень дорога, в два раза дороже золота. Она у нас – самая лучшая, поэтому мы бережём каждую пылинку.

– Давно ли китайцы научились делать фарфор? – спросил д’Антреколь, когда они вышли за ворота.

– Старые люди говорят, – улыбнулся мандарин, – что фарфор изобрёл мудрец Хуанг-ти пять тысяч лет тому назад. Хуанг-ти придумал компас, научил людей арифметике и мореплаванию, а его жена – Луи-тсе – показала китайцам, как надо разводить шелковичных червей², но...

¹ Кобальт – серебристый металл, в природе встречается в составе минералов, поэтому китайцы считали его камнем. Соединения кобальта придают яркий синий цвет стеклу, эмалям, из него делали краску для росписи фарфора. Белые изделия, расписанные кобальтом, производились ещё во времена династии Тан (VII–X века), именно они – самая популярная разновидность китайского фарфора.

² Хуан-ди, или «Жёлтый император», – мифический основатель и правитель первого китайского государства, предок всех китайцев, научивший их наукам и ремёслам. Он изобрёл предметы быта и одежды, инструменты, установил летоисчисление.

Тут слова мандарина были прерваны грохотом разбитой посуды.

Живописец, нёсший большую вазу, расписанную серой краской, споткнулся и упал. Ваза осколками усыпала землю.

Мандарин пришёл в бешенство. Он выхватил свой маленький кинжал и бросился к бледному, дрожащему рабочему.

– Я убью тебя, мошенник, негодяй, разиня! – кричал он. – Я продам твоих детей в рабство! Ты мне заплатишь за эту вазу!

Вежливый мандарин стал похож на разъярённого быка. Живописец валялся в пыли, обнимая его ноги. Из ворот выглядывали рабочие с перекошенными от ужаса лицами. Они ждали, что мандарин заколет несчастного или прикажет забить его палками до смерти, – ваза была дорогая.

Д'Антреколь быстро сообразил, что ему надо делать.

– Не горячитесь, уважаемый друг, – он положил руку на плечо мандарина, – и простите беднягу. За вазу плачу я.

Он вынул кошелек и передал его старшему мастеру.

Мандарин оторопел от неожиданности. Рабочие кланялись д'Антреколю до земли; бедняк, разбивший вазу, целовал край его рясы. Д'Антреколь увёл мандарина под руку.

Так он завоевал себе друзей в живописной мастерской.

Глиняные коробки

Д'Антреколь писал длинное письмо своему начальнику, отцу Орри¹, в Париж. Там было описано всё, что он видел на фарфоровых фабриках, одного только не хватало – как устроены печи и как обжигается в них посуда. Должно быть, обжиг был самым главным секретом, потому что мандарин не позволял д'Антреколю входить во дворы, где были печи.

После случая в живописной мастерской д'Антреколь однажды под вечер вошёл в хижину того бедняка, который разбил вазу. Бедняк опять кланялся д'Антреколю до земли и приказывал жене и детям целовать следы его ног. Он считал монаха своим спасителем.

– Слушай, – сказал д'Антреколь, – я хочу посмотреть, как обжигают фарфор на фабриках.

Бедняк побледнел от испуга.

– Хорошо, – сказал он наконец, – будьте готовы, когда луна взойдёт.

Вечером д'Антреколь сидел на балконе своего домика. Над апельсиновыми деревьями всходила луна. Вдруг маленькая тень неслышно появилась на дорожке. Это был мальчишка в рваной рубашке.

– Идёмте, господин, – зашептал он, – отец ждёт вас у печи.

¹ Луи-Франсуа Орри́ (Louis-François Orry) управлял иезуитскими миссиями в Китае и Индии.

Они пошли не по улицам, уже запертым заставами, а через дворы и чужие огороды. Монаху приходилось подбирать рясю и перелезать через изгороди.

Всё было тихо. Опять пылали огни печей.

У какой-то высокой стены мальчишка остановился и бросил за неё камешек. Тотчас же в самом низу стены зашуршали камни, и открылась дыра. Мальчишка полез в неё на четвереньках, шепнув д'Антреколле:

– Следуйте за мной, господин!

Пришлось почтенному монаху встать на коленки и по-собачьи лезть в дыру. Кррр-ах! – рукав рясы оставил лоскут на остром камне.

Во дворе его подхватили под руки и поставили на ноги. Он узнал своего знакомого, разбившего вазу.

В углу двора пылала печь. Высокая труба сыпала искры в темноту. Перед огненной топкой молчаливо двигались тёмные фигуры. Это истопники делали своё таинственное дело.

Во дворе было ещё две печи. Они не топились. Из одной вынимали уже готовую посуду, а в другую ставили ещё не обожжённый фарфор.

Рабочие подвели д'Антреколле к этой печи.

Под навесом перед печью лежали круглые глиняные коробки из красной шершавой глины. Необожжённая, неблестящая, покрытая сероватыми красками посуда заключалась в эти коробки и в них ставилась в печь. Коробки не давали ей задымиться в огне, и благодаря им она нагревалась не сразу, а мало-помалу.

Маленькие чашки ставились по несколько штук в каждую коробку. Для больших ваз были приготовлены целые столбики из коробок, поставленных одна на другую. Только нижняя коробка была с доньшком, а остальные были просто глиняные круглые стенки, стоявшие одна на другой и слепленные вместе серой глиной.

Коробки с фарфором ставили в печь, заполняя её до самого верха. Потом отверстие печи закладывали кирпичами и замуровывали извёсткой, оставив только внизу место для топки. Туда бросали большие охапки дров.

Д'Антреколле подошёл к печи, которая горела уже восьмой день. Семь дней печь топили не очень жарко, а на восьмой подбрасывали дрова так, чтобы огонь становился очень сильным.

Дрова громко трещали, огонь вылетал в двадцатифутовой трубе, искры снопами сыпались в темноту. В печи хрупкая белая масса превращалась в твёрдый, блестящий фарфор силой огня и искусством прилежных мастеров.

Вверху печи были проделаны маленькие окошечки, прикрытые черепками. Истопник влезал на печь, заглядывал в эти окошечки и железной палкой отодвигал крышку с верхней глиняной коробки. Отсветы

огня прыгали по его лицу. Сквозь нестерпимый блеск он старался разглядеть фарфор.

Вначале фарфор накалялся докрасна, потом сиял жёлтым светом и наконец пылал ослепительным белым огнём. Тогда кончали топить.

Печь остывала двое суток, потом её размуровывали и вынимали фарфор.

У третьей печи уже стояли твёрдые, сиявшие красками вазы и красные матовые чашки, похожие на коралл. При свете фонаря, висевшего на столбе, рабочие открывали одну коробку за другой и вынимали из них ещё тёплую посуду.

Д'Антреколле хотел видеть всё. Он тоже влез на печь, которая топилась, и заглянул в окошечко. Ослепительный блеск ударил ему в глаза. Вытерев рукой выступившие слёзы, он опять приложил один глаз к окошечку.

Вдруг мальчишка кубарем скатился со стены, где он всё время сидел, и что-то забормотал рабочим.

– Мандарин, мандарин идёт с обходом!.. – зашептали испуганные рабочие, а по переулку уже слышались шаги, звон оружия, и кто-то стучал в ворота.

Опрометью бросился д'Антреколле к забору, но рабочие подхватили его под руки, подтащив к печи, посадили на землю и покрыли его сверху столбиком из коробок, приготовленных для большой вазы.

– Они уже в переулке, они вас увидят! – шептали рабочие и прикрыли столбик глиняной крышкой.

Во двор уже входил мандарин с десятком полицейских.

Мандарин подошёл взглянуть, как топится печь. Потом он осмотрел готовую посуду, разбранил рабочих за то, что две чашки лопнули и, подойдя к третьей печи, сел на груды черепков и стал смотреть, как рабочие ставят коробки с посудой в печь.

Он был в двух шагах от д'Антреколя. У того замирало сердце и холодный пот выступал от страха, что мандарин его найдёт. Какой стыд, какой позор! Учёный друг мандарина, как мальчишка, пролез под забором и сидит на корточках, с оторванным рукавом, в глиняной коробке! Ему захотелось плакать. Рабочим тоже было не до шуток. Кто знает, как бы разъя-

рился мандарин, если бы нашёл д'Антреколя! Может быть, он посадил бы рабочих в тюрьму, надев им на шеи деревянные колодки, или поджарил бы их на медленном огне! Ведь они пустили чужеземца к обжигательной печи!

С такими мыслями рабочие ставили коробки в печь, незаметно замедляя работу. Наконец все коробки были поставлены, остался только один столбик – высокий, казалось, заключающий вазу.

Там сидел д'Антреколь.

Рабочие дрожащими руками уже взялись за глиняные стенки, чтобы нести в печь эту удивительную вазу.

Вдруг у другой печи с грохотом посыпались черепки, раздались дикие крики, и двое рабочих, сцепившись, покатались на землю. Они бешено дрались.

Мандарин вскочил, полицейские бросились к дерущимся. Отчего-то потух фонарь, звенела какая-то посуда, от других печей бежали рабочие. Драчуны подкатились под ноги полицейским и повалили их на себя. Мандарин кричал:

– Сумасшедшие, смотрите за огнём в печи!

В этой суматохе д'Антреколя вытащили из-под коробок и протолкнули в дыру в заборе. Мальчишка уже ждал его в переулке.

Во дворе зажгли фонарь, и тогда стало видно, что полицейские тузят друг друга, а драчуны уже смирно стоят у печей.

Мандарин приказал бить их палками по пяткам за драку во время работы. Он не знал, что суматоха была нарочно затеяна рабочими, что-

бы спровадить д'Антреколя и спасти товарищей от ещё большего наказания.

Д'Антреколь слышал глухие палочные удары и стоны рабочих за стеной. Мальчишка опять повёл его по чужим задворкам.

В темноте безмолвно пылали печи.

Вернувшись домой, д'Антреколь наскоро нарисовал чертёж печи и закончил своё письмо к отцу Орри. Он написал ему всё, что узнал про обжиг, но о своих приключениях хитрый монах умолчал. Зачем ему было рассказывать всему свету, как он сидел в глиняной коробке и пролезал в дыру под забором?

Он отправил своё письмо в Европу на португальском корабле. Это было в 1712 году.

Заплывшие жиром глазки отца Орри закатились от восторга, когда он прочёл письмо. Наконец-то секрет фарфора попал в руки иезуитов!

Он созвал учёных монахов в свою прохладную келью и торжественно прочёл им письмо. Но учёные отцы только поскребли в затылках:

– Легко сказать – као-лин и пе-тун-тсе, а как это зовётся по-христиански?

Отец Орри рассердился:

– Говорят вам, као-лин – это белая глина, а пе-тун-тсе – твёрдый горный камень!

– Белых глин много на свете, а горных камней – и того больше! – ответили монахи, поклонились отцу Орри и стали перебирать чётки.

Тогда он передал письмо королевским химикам и физикам. Они долго ломали себе головы.

– А может быть, у нас таких глин и камней вовсе не водится? – сказали наконец королевские учёные. – В Китае – одна земля, а у нас совсем другая.

«Тьфу!» – подумал отец Орри и написал д'Антреколю, чтобы он прислал ему куски као-лина и пе-тун-тсе как образец.

Прошло восемь лет, пока д'Антреколь прислал второе письмо с образцами. Но образцы тоже не помогли французам. Ещё долго французские учёные сидели над письмами монаха и старались сообразить, как делается фарфор. Эти письма д'Антреколя сохранились до сих пор, но не им суждено было открыть европейцам китайский секрет¹.

Известно, что д'Антреколь отправил два письма в Европу – в 1712 и в 1722 годах. Их тексты сохранились, они очень подробно излагают все сведения о материалах и процессе производства фарфора. Первое письмо больше и информативнее, второе включает дополнения и исправления к первому. д'Антреколь не только описывал увиденное, но и использовал сведения из китайских книг. По одной из версий, он нечаянно перепутал названия глин и пропорции каолина и пе-тун-тсе, так что по его инструкциям воспроизвести фарфор было невозможно. ¹⁷

Берлин в волнении

Пока д'Антрекооль бродил по Кин-те-чену, смотрел на пылавшие печи и распивал чай у мандарина, в Европе тоже не дремали.

Ещё не успело первое письмо д'Антрекооля попасть в холёные руки отца Орри, ещё только объезжало оно на португальском корабле мыс Доброй Надежды, – а уже в Германии произошло событие, нашумевшее на всю Европу.

Дрезденская посудная фабрика¹ вдруг выпустила чашки из настоящего белого фарфора.

Кому и как удалось раскрыть старинную тайну?

Сначала этого никто не знал. А мы, если хотим узнать, как это случилось, должны вернуться назад – к 1701 году.

В один серый октябрьский день Берлин был в большом волнении. Толстые бюргеры оживлённо беседовали на улицах:

– Слыхали, сосед? Тысяча талеров тому, кто приведёт к бургомистру этого шалопа! Тысяча талеров за мокроносого мальчишку, хе-хе!

– Ого! – отвечал сосед, куrivший у окна трубку, – мальчишка-то не простой, он делает золото!

– Кто делает золото? Никто не может сделать золото! – пищал глуховатый старичок, набивая нос табаком.

– Аптекарь Цорн² говорит, что мальчишка наколдовал ему золота на полдуката³!

¹ Так называли Мейсенскую фарфоровую мануфактуру, где впервые в Европе был создан настоящий фарфор. Город Майсен (Мейсен) расположен в немецкой земле Саксонии неподалёку от Дрездена.

² Фридрих Цорн – известный берлинский аптекарь.

³ Дукат – серебряная, а затем золотая монета, имевшая хождение в большинстве европейских государств, впервые выпущенная в Италии в XII веке. Использовалась до начала XX века.

– Не может быть! – поднимала брови нарядная горожанка. – Я сколько раз видала его в аптеке. Лентяй и ротозей, каких немало, да вдобавок заспанный всегда, как тюлень!

– Потому он и был заспанный, что ночи напролёт варил своё золото, – объяснял сосед, важно подняв палец к носу.

Аптекарские ученики в плащах и круглых шапочках спорили за кружками пива громче обыкновенного.

– Он кипятил ртуть в колбе и вдруг видит: на дне – золото! – говорил один, тараща глаза от волнения.

– Ерунда! – кричал другой, – это нищий грек, старый Ласкарис¹, пода-рил ему пузырёк с волшебной тинктурой²; она любой металл превращает в золото.

В аллее «Под липами»³ останавливались кареты с гербами на дверцах. Расфранчённые господа выходили навстречу друг другу и шептались. Высокие парики кивали, трости с серебряными набалдашниками постукивали в землю в такт шёпота.

– Слыхали, барон? Наше новоиспечённое величество сильно нуждается в червонцах. Оно не упустит молодца, который делает золото!

– Как же, как же!... Уже послана за ним погоня, двенадцать человек с лейтенантом во главе!...

– Можно ожидать войны, барон. Можно ожидать войны с Саксонией из-за мальчишки.

– Слыхали? Слыхали? – шуршали сухие листья, кружась по аллее.

Виновник всех этих слухов, девятнадцатилетний юноша, оценённый в тысячу талеров⁴, тем временем трясся на плохой лошадёнке по дороге в саксонский город Виттенберг.

Когда ему попадались на пути прусские солдаты в голубых мундирах, он гнал лошадь без памяти, словно убегал от смерти. Но, переехав саксонскую границу, он успокоился и, вынув из дорожного мешка какое-то письмо, ласково его погладил.

¹ *Ласкарис* – полумифический персонаж, алхимик и оккультист, живший в конце XVII – начале XVIII века. Считалось, что он выдавал себя за греческого эмигранта и выбрал в качестве псевдонима распространённую греческую фамилию. По преданию Ласкарис передал И.Ф. Бёттеру некий порошок, с помощью которого тот совершил золочение серебряных монет и снискал себе славу алхимика.

² *Тинктура* – экстракт, специальная настойка. В алхимии красной тинктурой называли философский камень, мифическое вещество, превращающее металлы в золото и продлевающее жизнь.

³ «Под липами» – буквальный перевод названия Унтер-ден-Линден, главного берлинского бульвара.

⁴ *Талер* (первоначально – йоахимсталер, от названия города Йоахимсталь, где он чеканился) – немецкая крупная серебряная монета. В России XVII века имел хождение под названием «ефимок» (Ефим = Йоахим), позднее талеры стали переценивать в первые русские рубли. От слова «талер» произошёл также «доллар».

На сером конверте было написано: «Господину Кирхмайеру, ректору Виттенбергского университета».

Заходящее солнце ударило лучами в верхушку сельской колокольни. Круглое окошко под крышей вспыхнуло золотом, как червонец.

– Золото! – прошептал юноша, вздрогнув, как будто вспомнил что-то страшное. Потом он тряхнул головой, усмехнулся и подхлестнул лошадь.

Вдалеке уже виднелись красноватые башни Виттенберга, города учёных профессоров и весёлых студентов¹.

Алхимики

– Глупости! – сказал бравый майор Тиманн своей плачущей жене, – никогда я не поверю, чтобы Ганс варил золото. Он способен скорее «сорить» золотом, чем «сварить» хоть одну золотую крупинку! – и майор сердито топорщил свои седые усы, стараясь скрыть волнение.

Его пасынок Иоганн Бёттгер с четырнадцати лет учился в Берлине у аптекаря Цорна. Мальчик был способный, но на беду занялся алхимией.

Химия тогда была в загоне – зато алхимия, «высшая химия»², как её называли, считалась великой наукой. Алхимия учила, как делать золото.

Не только горячие головы студентов, но и пожелтевшие лбы старых учёных склонялись над очагами, где в колбах выпаривалась ртуть. Дрожащие пальцы подсыпали в неё серу, изъеденные дымом глаза жадно впивались в колбу, надеясь на её дне увидеть красноватую жидкость – волшебную тинктуру или порошок, философский камень, дающий людям вечную молодость и все металлы превращающий в золото.

Смешивая ртуть с серой, алхимики получали киноварь, красноватую сернистую ртуть. Киноварь ничего не превращала в золото. Тогда алхимики говорили, что работа была начата в несчастливый день, и начинали её сызнава.

Они верили в колдовство, а физику и химию знали плохо. Они окружали себя тайной и назывались «адептами».

¹ Немецкий город *Виттенберг* был крупным центром культурной, научной, политической жизни. В 1517 году на двери Замковой церкви Мартин Лютер вывесил 95 тезисов, ознаменовав начало Реформации, так что сейчас к его названию добавляют Лютерштадт – город Лютера.^[18] В XVI–XVIII веках там располагался Виттенбергский университет, объединённый в 1817 году с университетом города Галле, и тоже носящий ныне имя Мартина Лютера.

² Алхимию часто описывают как псевдонауку, предшествовавшую и замещавшую химию в Средние века, целью которой был поиск «философского камня» – вещества, превращающего любой металл в золото и необходимого для создания эликсира бессмертия. Более верно представлять алхимию как средневековый способ познания мира, совмещающий естественно-научные и философские подходы.^[19]

Некоторые «адепты» думали, что солнце и звёзды – это расплавленные глыбы золота. Стоит начертить волшебные знаки и прочитать заклинания – золото начнёт капать с неба прямо в колбы алхимиков.

Настоящие учёные смеялись над ними. Химик Лемери¹ говорил про них так: «Начало алхимии – хвастовство, продолжение её – пачкотня с золой, а конец – нищета и чахотка».

Молодой Бёттгер начал с хвастовства. Он был очень способный и легко запоминал всякую премудрость, даже если она была чепухой на самом деле. Алхимики скоро сделали его «адептом».

Как же не похвалиться перед товарищами, что он «адепт», как же не похвастаться, что он умеет варить золото? Он показывал им кусочек золота, будто бы сваренный им самим.

Ему поверил даже его учитель – аптекарь Цорн.

Опасное занятие

Слух о молодом алхимике дошёл до ушей прусского короля Фридриха². С этой персоной шутить было опасно.

В те времена короли сильно нуждались в червонцах. На постройку великолепных дворцов, на кафтаны, усыпанные бриллиантами, не хватало денег, собранных налогами. Королевские подати разоряли в конце крестьян и ремесленников.

Каждому королю хотелось заполучить философский камень и у себя дома легко и просто делать червонцы, превращая в золото железо или свинец. Они тоже не знали физики и химии.

Короли приглашали алхимиков в свои дворцы, давали им деньги на опыты и ждали золота.

Алхимики исправно ели и пили за королевским столом, гадали по звёздам и варили румяна для придворных дам, но золото не появлялось.

Чтобы пустить пыль в глаза своему покровителю, алхимик приглашал его на свои опыты. Придворная знать наполняла мрачную лабораторию алхимика. На полках тускло мерцали пыльные колбы, скелет скалил из угла свои желтоватые зубы, чучело совы простирало крылья над очагом.

Алхимик в мантии, расшитой странными знаками, опускал в сосуд ртуть, серу и свинец, который должен был превратиться в золото. Он кипятил всё это на огне, помешивая смесь медной палочкой. Палочка

¹ Никола́ Лемери́ (1645–1715) – французский химик, аптекарь и врач, преподаватель, создатель учебника «Курс химии», яростный противник алхимических учений.

² Бранденбургский курфюрст (т.е. князь, имевший право избирать императора) Фридрих III, получив прусскую корону, принял имя Фридрих I, правил в начале XVIII века и был известен своей страстью к роскоши, расточительством, приверженностью всему французскому.

была пустая внутри, в ней было спрятано золото. Оно незаметно проскальзывало в сосуд.

Когда опыт кончился, алхимик показывал всем кусочек золота на дне сосуда. Все ахали, покровитель давал алхимику денег, чтобы он сварил золота побольше.

Чтобы алхимик не убежал со своим секретом, его нередко сажали в тюрьму и выпытывали у него тайну философского камня.

За сто лет до Фридриха Первого саксонский курфюрст замучил пытками в тюрьме алхимика, шотландца Ситона¹, за то, что Ситон не мог открыть ему секрет, которого он сам не знал.

Сам Фридрих Первый уже отправил на виселицу нескольких алхимиков, которые не могли сообщить ему несуществующую тайну.

Услышав о молодом алхимике Бёттгере, Фридрих потребовал его к себе. Но Бёттгеру не хотелось попасть на виселицу. Посланцы короля не нашли Иоганна ни в аптеке, ни в его каморке на чердаке.

Тогда Фридрих отправил за ним погоню и пообещал тысячу талеров тому, кто приведёт беглеца.

Не мудрено, что мать Бёттгера плакала, а майор кусал усы, беспокоясь за участь юноши.

Однажды вечером в их домик постучали. Кто-то подал лоскуток бумаги и ушёл. На лоскутке было нацарапано: «Не беспокойтесь обо мне, дорогая матушка! Я жив и здоров, и учусь в университете. Будьте и вы здоровы». Подписи не было, но мать узнала каракули сына и успокоилась, а майор сказал:

– Он всегда был дельный парень, твой Ганс!

Они никому не рассказали про письмо.

Гонцы поскакали

Германия состояла тогда из отдельных маленьких государств. У каждого из них были свой король, своя столица и свои послы при дворах соседних государей. Бёттгер бежал из прусского королевства в саксонское. Саксонским королём в то время был Август Сильный, а город Дрезден был его столицей.

Август Сильный был не прочь стать королём и в соседней с ним Польше и поэтому часто уезжал в Варшаву, польскую столицу. Тогда вместо него Саксонией управлял министр Фюрстенберг².

¹ Александр Сётон (Сетониус) – шотландский алхимик XVI века, прозванный Космополитом за свои странствия, замучен саксонским курфюрстом Кристианом II.

² Князь Антон-Эгон фон Фюрстенберг-Хайлигенберг (1656–1716) был с 1697 года наместником Саксонии, т.е. замещал курфюрста Августа Сильного в период его пребывания на королевском троне Речи Посполитой (Польши).

В тот день, когда мать Бёттгера и майор Тиманн получили письмо от Иоганна, князь Фюрстенберг сидел в Дрездене и читал секретное письмо, присланное ему из Берлина.

Саксонский посол писал ему о Бёттгере: «Мы можем себя поздравить, что молодой алхимик находится у нас в Саксонии. Он, наверное, сделает нам много золота и пополнит пустую королевскую казну. Следует за ним присматривать!..»

Через час срочный гонец с письмом от Фюрстенберга скакал в Варшаву, где саксонский король, Август Сильный, добивался польской короны.

Августу нужны были червонцы не меньше, чем Фридриху. Алхимик пришёлся кстати. «Задержать его, следить за ним и узнать у него секрет золота», – поспешил ответить король своему министру Фюрстенбергу.

А Фридрих посылал своих гонцов в Дрезден, требуя выдачи ему молодого алхимика как преступника, бежавшего от суда.

Короли были готовы драться из-за алхимика, как собаки из-за кости. Из Дрездена Фридриху не отвечали.

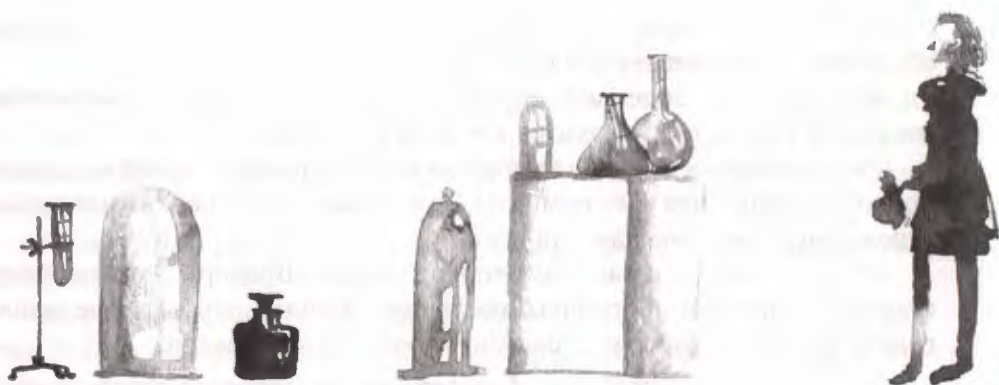
Похищенный студент

Старый Кирхмайер¹, ректор Виттенбергского университета, сразу принял в число студентов весёлого, быстроглазого юношу, привёзшего ему письма от берлинских учёных.

Каждый день Бёттгер, насвистывая весёлую песенку, проходил по сводчатому коридору университета.

В анатомической палате он резал мёртвые руки и ноги и смотрел, как переплетаются между собой мышцы.

¹ Георг Вильгельм Кирхмайер (1673–1759) – философ, оратор, языковед, профессор риторики в Виттенбергском университете.

Он забыл чудеса алхимиков и хотел стать врачом.

В лаборатории он возился с весами и ретортами¹, легко решая задачи, над которыми другие студенты потели подолгу.

– Способный студент. Ясная голова и золотые руки, – говорили про него старые профессора.

Вдруг он исчез так же неожиданно, как и появился. Товарищи его узнали от соседей, что ночью приезжали закутанные в чёрное люди, посадили студента в карету и увезли неведомо куда.

Реторты, оставленные Иоганном в лаборатории, покрылись пылью. Его шаги не звенели больше по каменным плитам коридора.

Он никогда не вернулся в университет.

Дом с гербом

Карета, подпрыгивая, везла Иоганна куда-то в темноту. Его спутник в маске держал наготове большой пистолет и молчал как убитый. По сторонам скакали верховые. Бёттгер не знал, куда его везут.

Под вечер другого дня карета остановилась в большом городе перед домом с каменным гербом на воротах. Бёттгера провели в кабинет князя Фюрстенберга, обтянутый жёлтым шёлком.

Ласковый и вкрадчивый Фюрстенберг, сверкая бриллиантами на пальцах, сказал Бёттгеру, что король Август хочет узнать у него секрет золота. Бёттгер будет жить во дворце и варить золото для короля. Если он вздумает бежать – его посадят в тюрьму.

Бёттгер, бледный, с дрожащими губами, отказывался варить золото. Бёттгер хотел вернуться в университет и учиться. Бёттгер бегал по кабинету, ломая руки, и требовал, чтобы его отпустили на свободу.

¹ Ретóрта – химический сосуд в виде круглой ёмкости с длинным изогнутым в сторону горлышком.

Фюрстенберг только улыбался в ответ:

– Если вы не откроете нам секрет золота, вас постигнет участь других обманщиков. Вы знаете какая?

Бёттгер знал – виселица. Ему показалось, что петля уже затягивает его горло. Рыдая, он бросился в кресло и закрыл лицо.

Фюрстенберг осторожно взял его за плечо и, распахнув дверь, показал приготовленные для него комнаты. Золочёные ножки бархатных кресел отражались в зеркале паркета.

– Не забудьте, что вас зовут теперь «барон Шрадер», – сказал Фюрстенберг, – никакого Бёттгера больше нет. Так надо, чтобы вас не нашли гонцы прусского короля. Спокойной ночи, барон Шрадер!

Математик Чирнхауз

Вальтера фон Чирнхауза¹ знали все в Дрездене. Заметив на улице его высокую фигуру с тростью в руке, каждый дрезденец спешил приветливо поклониться и пожелать ему доброго утра, чтобы получить в ответ ласковую улыбку.

Математика Чирнхауза знали по всей Европе. Он был учёный и мудрый изобретатель. Великий физик Лейбниц был его другом.

В доме Чирнхауза стояли сделанные им зажигательные зеркала, имевшие полтора метра в поперечнике. Их медная, полированная поверхность отражала солнечные лучи так, что они давали температуру более высокую, чем дровяные печи.

Возьмите увеличительное стекло и поймайте им солнечный луч. На бумагу под стеклом упадёт светлое, яркое пятнышко. Вы увидите, что бумага скоро задымится, а подставленный под стекло палец почувствует, что светлое пятнышко жжётся. Это происходит оттого, что лучи солнца, проходя через стекло, преломляются и все собираются в одно пятнышко.

Так же были устроены зеркала Чирнхауза, но они были гораздо сильнее. На их огне можно было расплавить горсть монет за несколько минут.

В дедовском имении Чирнхауз устроил стеклянный завод и делал на нём стёкла для микроскопов и телескопов.

Когда Вальтер фон Чирнхауз получил записку от Фюрстенберга с приглашением прийти на ужин и познакомиться с молодым алхимиком, он недовольно поморщился. Ему не хотелось идти. Он не верил в чудеса алхимии. Но потом он подумал: «Ещё один злополучный алхимик попал в беду. Может быть, я смогу помочь ему чем-нибудь».

Он надел свою треугольную шляпу, взял трость и пошёл во дворец.

¹ Эрэнфрід Вальтер фон Чирнхауз (1651–1708) – немецкий философ, физик, математик, экспериментатор, наряду с Иоганном Бёттгером считается изобретателем европейского белого фарфора. ^[20]

Барон Шрадер

– Позвольте представить вам моего молодого друга, барона Шрадера, – сказал Фюрстенберг своим гостям, когда в залу вошёл стройный юноша в розовом кафтане. Накрытый стол сверкал серебром и хрустальными бокалами. Канделябры поднимали над ним жёлтые свечи в своих бронзовых руках.

«Барон Шрадер» был бледен, брови сдвинуты, у рта лежала горькая складка.

– Мы рады вас видеть в Дрездене, дорогой барон, – говорил ему толстый Пабст¹, начальник саксонских рудников. – Мы слышали, что вы владеете великим сокровищем – секретом философского камня.

– Сокровищем? – усмехался барон, – единственное сокровище на свете – это свобода. А у меня её нет – я пленник.

– Шш!.. – вмешивался любезный Фюрстенберг, – вы не пленник, вы – наш гость, милый барон, – и он то и дело подливал вина в бокал барона.

Понемногу вино зашумело в голове юноши. Щёки его зарумянились. Он стал горячо и запальчиво говорить, что алхимики не делают настоящих опытов, не знают свойств металлов. Они – невежды.

– Нам нужна наука, а не колдовство! – воскликнул он.

Чирнхауз одобрительно кивал головой. Пабст предложил «барону» руду и горные камни для опытов из своих рудников.

– Если вам нужна высокая температура для ваших опытов, я дам вам мои зажигательные зеркала, и – давайте работать вместе, – сказал Чирнхауз.

Бёттгер вспыхнул от удовольствия. Учёный Чирнхауз хочет работать с ним, молодым студентом! Ему стало весело.

Фюрстенберг и Пабст обращались с ним как с важной персоной. Вино приятно шумело в голове. Он выпивал стакан за стаканом, хохотал, хлопал Фюрстенберга по плечу, хвастался тем, что знает секрет философского камня, и обещал наварить золота для короля на сто тысяч талеров.

Чирнхауз смотрел на него умными, печальными глазами.

Когда гости простились, и барон нетвёрдой походкой ушёл к себе в спальню, Фюрстенберг задержал математика у двери.

¹ Готфрид Пабст фон Огайн (1656–1729) – государственный инженер горной промышленности, специалист по плавлению металлов. С 1701 года ему было приказано наблюдать за Бёттгером и предоставлять необходимое лабораторное оборудование и образцы почвы и горных пород. До 1704 года по приказу курфюрста Бёттгер содержался под стражей в так называемом «золотом доме» – лаборатории алхимика XVII века Иоганна Кункеля. Первая встреча изобретателя фарфора с Августом Сильным, как и знакомство с Чирнхаузом, состоялась в 1704 году. (10)

– Что вы скажете про алхимика? – спросил он.

– Способный малый, но хвастун, – ответил Чирнхауз и вздохнул. Ему было жаль мальчика, из которого мог бы выйти хороший учёный, если бы в его жизнь не замешался дурацкий философский камень.

В капкане

Иоганн Бёттгер проснулся в большой кровати с тяжёлыми, шёлковыми занавесками. Голова у него болела. Холодное утро хмуρο глядело сквозь решётку окна.

Он вспомнил вчерашний день и застонал. Своим глупым хвастовством он ещё крепче запер двери своей тюрьмы. Он наобещал князю золота – целые горы. Теперь его уже не выпустят. Когда откроется, что он не знает секрета золота, – его повесят.

– Но я не могу, не хочу, я убегу от них! – крикнул он. Вскочив с постели, он подбежал к окну и ухватился за чугунную решётку.

– Что угодно барону? – спросил дюжий лакей, выступая из-за портьера. Он подслушивал под дверь. Бёттгер пришёл в бешенство.

– Вон отсюда, мерзавец! Шпион!

Бёттгер запустил в лакея сапогом и швырнул на пол умывальный таз с кувшином.

Вместо одного лакея стало два. Они крепко держали бывшего юношу.

– Ну, ну, – сказал Фюрстенберг, с улыбкой перешагнув через кувшин и лужу на полу, – зачем же так бушевать? – Он велел лакеям уйти.

– Отпустите меня на свободу! За что вы держите меня, я не преступник! – кричал ему Бёттгер.

Фюрстенберг стал серьёзным:

– Свобода в ваших руках, дорогой! Откройте мне секрет золота, и вы будете свободны в тот же час. Не упрямитесь, барон! Лаборатория ждёт вас.

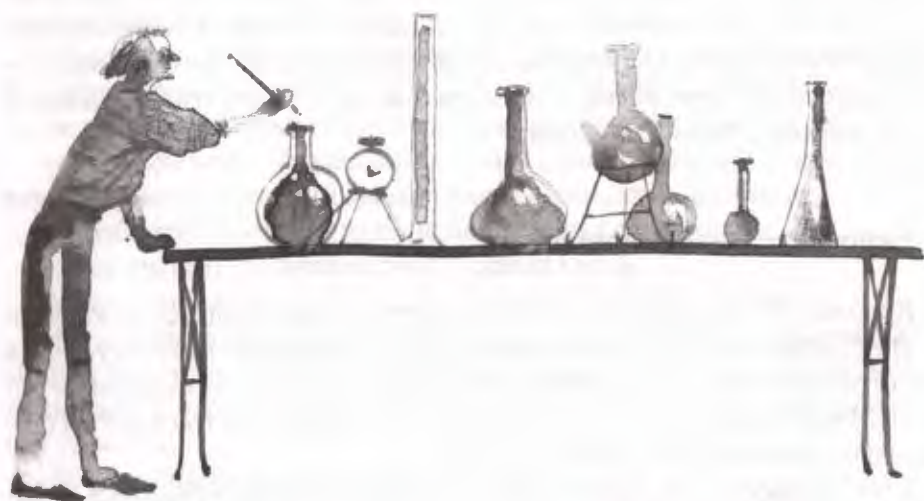
Волшебная тинктура

Три дня работал Бёттгер в лаборатории. На четвёртый день он позвал Фюрстенберга. Положив в сосуд ртуть, он стал её выпаривать, подбавляя к ней какую-то красноватую жидкость.

О чудо! Через два часа варки на дне сосуда оказался неправильный кусочек золота!

Фюрстенберг от души обнял алхимика.

– Дайте мне вашу тинктуру, барон, я отвезу её королю Августу в Варшаву! Я сам сделаю при нём опыт. Даю слово, что из Варшавы я привезу вам свободу. А пока не выходите никуда из дворца и ждите моего приезда!

Фюрстенберг уехал в Варшаву. Если бы он знал, что золото в сосуде появилось не из волшебной тинктуры, а из единственного червонца, зашитого в подкладку старого плаща! Того самого плаща, в котором аптекарский ученик бежал из Берлина. Если бы он знал, что Бёттгер подбросил червонец в сосуд, надеясь ослабить надзор и улизнуть подальше от искателей волшебной тинктуры!

Непочтительная левретка

Король Август сидел на голубом диване в своём варшавском кабинете. Он спустил на ковёр свою любимую остромордую левретку, когда Фюрстенберг появился в дверях, отвешивая глубокие придворные поклоны. Фюрстенберг поставил серебряную коробочку на тонконогий столик, стоявший перед королём, и сказал:

– Вот философский камень, над которым сотни лет трудились алхимики. Это сокровище принадлежит теперь вашему величеству!

Бледные глаза Августа сверкнули, нос хищно заострился на толстом лице.

– Вы достали это у алхимика? – хрипло спросил он.

– Да, и я перед вами повторю его опыт. Ваше величество увидит, как простая ртуть превратится в золото.

– Посмотрим, – сказал Август, положив коробочку обратно, – а теперь займёмся делами.

Они перешли к дубовому столу. Фюрстенберг подавал королю бумаги. Август обмакивал гусиное перо в серебряную чернильницу и размашисто подписывал.

Остромордая собачонка на ковре искала блох, потом она стала ловить свой хвост.

Вдруг стук и визг заставили короля обернуться. Собачонка кружилась по ковру, поджимая ушибленную лапку. Тонконогий столик лежал на полу. Серебряная коробочка раскрылась, из разбитого пузырька красноватая жидкость вытекала на ковёр тёмной лужицей.

– Наша тинктура! – горестно воскликнул Фюрстенберг.

Отсрочка

Бёттгеру не удалось бежать. За ним следили всё так же зорко. С ужасом он ждал возвращения князя.

«Моя тинктура, конечно, не сделала золота в Варшаве. Обман раскрыт – меня ждёт виселица!» – с отчаянием думал он. Его не радовали ни

бархатные камзолы, сшитые ему придворным портным, ни роскошные обеды, приготовленные княжеским поваром. От страха у него тряслись колени, когда Фюрстенберг вернулся и позвал его к себе.

– Бедняга, – подумал Фюрстенберг, глядя на дрожащего алхимика, – он побледнел и исхудал в неволе от тоски, – и князю стало совестно, что он не уберёт пузырька с тинктурой от противной собачонки.

– Дорогой мой, – сказал он, – король просит вас ещё раз сделать тинктуру. Пузырёк, который вы мне дали, – кха!.. гм!.. разбился.

– Разбился? – Бёттгер чуть не подпрыгнул от радости.

– Вот письмо его величества! – сказал князь.

У Бёттгера затанцевало сердце. Опасность пока миновала.

Август писал ему, что алхимик может не торопиться с работой. Пусть «барон Шрадер» работает, как ему хочется. Все его желания будут исполняться. Но, пока секрет золота ещё не в руках короля, барон не получает свободы.

Бёттгер был рад, что получил отсрочку.

Призрак виселицы

Бёттгер стал прилежно изучать руду и горные камни, которые давал ему Пабст. Чирнхауз часто приходил к нему, и они работали вместе.

Дрезденские учёные стали собираться во дворце по вечерам. «Барон Шрадер» показывал им свои опыты и делился с ними своими новыми знаниями. Скоро все увидели, что «барон Шрадер» – умный и способный химик – на пути к большим научным открытиям. Увлечённый наукой, Бёттгер опять забыл про алхимию. А когда он вспоминал, что король скоро снова потребует золота, ему становилось страшно, и опять казалось, что петля стягивает горло. Тогда, чтобы забыться, он устраивал праздник. Толпа молодёжи наполняла залы дворца. Нарядные пары танцевали на вощёном паркете. Веселей всех бывал молодой хозяин, нарядный барон Шрадер. Он выдумывал всё новые развлечения: маскарады, игры, весёлые пиры.

Молодому дворянчику, фон Шенку, Фюрстенберг поручил устраивать праздники для «барона Шрадера». Фон Шенк метался как уторелый, исполняя прихоти «барона». «Барону» ни в чём не отказывали, кроме свободы.

Иногда среди весёлой пирушки Бёттгер бледнел, смотрел куда-то стеклянными глазами и вдруг приказывал слугам тушить свечи, а гостям – убираться прочь.

Он запирался в своей комнате. Если к нему входили, он впадал в бешенство. Самые неподходящие вещи летели в головы вчерашних собутыльников.

Его мучил призрак виселицы.

Август требует золота

Прошёл год. Август напомнил алхимику, что он обещал сделать золото.

В одну туманную ночь алхимик исчез из дворца. Погоню послали за ним во все концы. В глухом городишке Энсе беглеца схватили и привезли обратно под конвоем. Август требовал золота.

Тогда алхимик отцепил шёлковый шнур от портьеры, перекинул его через дубовую балку в потолке лаборатории и на конце сделал петлю. «Лучше умереть самому, чем каждый день ждать казни», – решил он.

Его вынули из петли и привели в чувство.

Август требовал золота.

Замок Альбрехтсбург

Прошло ещё два года. Уже не во дворце, а в старинном замке Альбрехтсбурге жил Бёттгер¹. Крепкая дверь с засовом отделяла его от всего мира.

Весёлая жизнь во дворце кончилась. На голых стенах его кельи проступала зелёная плесень. Тут же коптела чугунная печка для его опытов.

В подземельях Альбрехтсбурга трое рабочих складывали большие печи.

В них должно было вариться золото для короля. Август требовал золота.

Страстная тоска по свободе, по вольному миру заставляла Бёттгера цепляться за секрет золота, от которого зависела его свобода. Он лихорадочно работал, делая всё новые составы и пробуя их. Порою он сам верил в успех и тогда обещал Августу, что скоро будет много золота.

Но золото не появлялось. От неудачи он приходил в отчаяние. Только мудрый Чирнхауз утешал и успокаивал его. Чирнхауз уговаривал Августа, чтобы он не требовал золота от Бёттгера и позволил ему заниматься настоящей наукой – химией, которая не имела ничего общего с философским камнем и прочей чертовщиной.

Август хлопал Чирнхауза по плечу:

– Эх, вы, математики! Разве вы понимаете что-нибудь, кроме ваших плюсов и минусов? Не мешайтесь в чужие дела!

Август воображал, что он умнее всех математиков на свете.

Август требовал золота.

¹ В конце 1705 – начале 1706 годов Бёттгер и Чирнхауз работают в королевской резиденции – замке Альбрехтсбург.

Господин с тремя лакеями

Шведский король Карл XII захотел отнять у Августа польскую корону. Он взял Варшаву и вторгся со своими войсками в Саксонию.

Шведы подступили к Дрездену. Отряд саксонских солдат подскакал однажды к неприступной крепости Кёнигштейн¹, поднимавшей свои каменные башни над Эльбой. Они привезли с собой сокровищницу короля, спасая её от шведов, и ещё привезли они в карете какого-то господина с тремя лакеями.

Этого господина сразу посадили под замок. Два раза в неделю офицер выводил его на полчаса погулять по крепостному валу. С каждым разом лицо господина становилось бледнее, и всё тяжелее шагал он, опираясь на палку. Должно быть, ему всегда было холодно, потому что три лакея сложили в его комнате огромную печь. Из её трубы день и ночь валил дым. А, может быть, ему совсем не было холодно, может быть, он варил что-то в этой печи.

Шведам говорили в Дрездене, что алхимик короля бежал в Баварию и след его потерян.

Прошёл год. Шведы ушли из Дрездена. В Кёнигштейн приехали важные господа в каретах за таинственным господином. Те, кто видел, как его сажали в карету, рассказывали потом, что он был бледен, рыдал и бился и не хотел ехать, хотя господа привезли ему великолепный, вышитый золотом камзол в подарок от самого короля Августа.

Нотус

В Дрездене на берегу Эльбы строился павильон² с большими печами. Горожане гадали, что такое там будет?

В павильон привезли таинственного «господина с тремя лакеями». Его звали теперь Нотус.

Тогда пошёл слух, что в печах павильона он будет варить золото.

¹ В 1706 году шведский король Карл XII нанёс тяжёлое поражение Августу Сильному, после чего тот был смещён с польского престола. Спасаясь от наступающих на Саксонию шведских войск, Бёттгер и Чирнхауз перебираются в крепость Кёнигштейн, расположенную на левом берегу Эльбы, а ещё через год – в дрезденский замок Юнгфернбастай.

² Уже после открытия рецепта красного фарфора, в 1707 году, в центре Дрездена была оборудована лаборатория, где под руководством Чирнхауза продолжились работы по поиску глины, подходящей для изготовления белого фарфора. Сейчас на этом месте расположена терраса Брюля – набережная Эльбы и главный дрезденский променад, а на ней установлен памятник Иоганну Бёттгеру.

Так оно и было. Август требовал золота. Бёттгер (теперь его звали Нотус) работал изо всех сил, но у него ничего не выходило. Он накалял свои печи как только мог, думая, что золото появится при большой жаре. Тигли, в которых он плавил металлы, лопались или плавились от такой жары.

Надо было сделать тигли, которые выдержали бы самый большой огонь. Бёттгеру, по его требованию, прислали разные глины, и он пробовал их обжигать. Оказалось, что красная нюрнбергская глина выдерживает самый сильный огонь. После обжига она становилась крепкой, звонкой и была красивого красного цвета.

Бёттгер показал Чирнхаузу тигли из нюрнбергской глины.

– Да ведь из этой можно делать красную фарфоровую посуду! Вот настоящее дело для вас! – воскликнул Чирнхауз.

Мудрый советчик

Чирнхауз пошёл к королю и опять стал уговаривать его, чтобы он не требовал золота от Бёттгера. Уже шесть лет стряпал алхимик в своей кухне, а золота всё ещё не было.

– Саксония разорена войной, – говорил Чирнхауз, – но в её земле лежат огромные богатства: руда, уголь и разные глины. Будем добывать их, устроим фабрики и заводы. Саксонские леса дадут нам топливо, горные реки завертят колёса наших мельниц. У нас есть стеклянный завод, устроим ещё и посудную фабрику. У нас есть прекрасный химик; он найдёт нужные глины, составит глазури и краски. Он уже сейчас может делать красную фарфоровую посуду!

При слове «фарфор» Август наострил уши. Он тратил бешеные деньги, покупая китайский фарфор. Это он отдал прусскому королю полк солдат за несколько китайских ваз. Он купил новый дворец у графа Флемминга и наполнил его драгоценным китайским фарфором. В башне этого дворца до сих пор стоят лучезарные синие вазы, за которые Август заплатил своими солдатами¹.

«Фарфор не хуже золота! – подумал Август. – Если у меня будет фарфоровая фабрика, все короли в Европе лопнут от зависти, а золото рекой потечёт в мою казну без всякого философского камня».

Он приказал устроить фарфоровую фабрику.

¹ Дворец графа Флеминга в центре Дрездена сейчас называется Японским дворцом, в нём размещён Дрезденский этнографический музей. И покупка дворца, и обмен драгун на вазы произошли лишь в 1717 году, а подобная беседа Чирнхауза с Августом могла состояться в 1704–1706 годах. 21

Химик Иоганн Бёттгер

«Барон Шрадер», «господин с тремя лакеями» и «Нотус» улетели в трубу вместе с философским камнем.

На их месте в павильоне над Эльбой работал весёлый, поздоровевший химик Иоганн Бёттгер. Его звали теперь его настоящим именем. Ему даже устроили садик около павильона. Ему даже позволили выходить на улицу.

В свободное время он сажал золотистые гаарлемские тюльпаны в чёрные грядки.

На дверях павильона Бёттгер написал весёлой рукой:

Благословляю этот дом,
Тут стал алхимик гончаром!¹

Он был рад, что развязался с проклятым философским камнем. Август требовал теперь не золота, а фарфора.

Бёттгер и Чирнхауз плавил пробы глин. Зажигательные зеркала сверкали на солнце с восхода до заката.

Работы было по горло. Надо было найти хорошую огнеупорную глину, из которой можно было бы делать круглые коробки – капсели, как их называли, для посуды. Её нашли.

Надо было придумать новые печи для обжига посуды. Их строили в Альбрехтсбурге.

Надо было научить рабочих точить посуду – за это взялся мастер Эгтебрехт.

Ошалелый, растрёпанный Бёттгер не спал по трое суток. Его помощники засыпали, стоя у печей.

Он не мог оторваться от милой работы.

Красная посуда

Король Август и Фюрстенберг приехали в Альбрехтсбург.

В подземелье, при свете факелов, Бёттгер и его рабочие вынимали известку и кирпичи, которыми было заложено отверстие большой печи. Это был первый обжиг красной посуды. Печь топили пять дней, потом она остывала трое суток.

¹ Gott, unser Schöpfer hat gemacht / aus einem Goldmacher einen Töpfer («Бог, наш Творец, превратил того, кто создаёт золото, в горшечника»). Перевод с немецкого Елены Данько (предположительно).

Король хотел видеть, как посуда выйдет из печи. У Бёттгера дрожали руки от нетерпения, он яростно отбрасывал кирпичи, заглядывая в тёмное отверстие печи.

«Что там в капселях? Настоящая красная посуда, или, может быть, одни бесформенные черепки?» – У него пересохло во рту.

Вот последний кирпич отброшен; Бёттгер вынимает шершавую капсель и открывает её.

На её дне стоят хорошенькие красные чашки. Ни одна не лопнула, ни одна не погнулась в печи, они твёрдые и звонкие. От них струится теплота, как от живого тела.

Август и Фюрстенберг рассматривают чашки, – они довольны.

Бёттгер велит принести ведро с холодной водой. Он вынимает чашку из середины печи, ещё совсем горячую – и окунает её в холодную воду. Если чашка лопнет... но она не лопается; она такая же твёрдая и звонкая, только от воды заблестела и стала ещё красивее.

– Настоящий фарфор! – говорит Фюрстенберг.

– Да! – отвечает ему чашка чистым звоном.

Победа!

Когда красная посуда выходила из обжига, она была не блестящая, а матовая. Зато её можно было полировать и гранить, как драгоценный камень. Тогда она блестела. Её можно было расписывать золотом и разными красками. Бёттгер составил чёрную глазурь. Он делал совсем чёрные вазы и расписывал их серебром¹.

Фабрика выпускала не только чашки, тарелки, кувшины и вазы, но и маленькие лепные фигурки.

Прежде всего сделали статуэтку самого Августа. Эта фигурка сохранилась до сих пор². Август стоит одетый в латы, плащ его развевается, голова гордо откинута, брови нахмурены. Так и кажется, что он сейчас потребует, чтобы вы сварили ему золота, или отправит вас на виселицу.

Ещё делали из глины смешных человечков – паяцев и карликов. Они кривлялись и строили рожи³.

¹ К 1705 году Чирнхаузу и Бёттгеру удалось получить красный фарфор (нем. rothes Porcelain), это была прочная непористая керамика, звенящая при постукивании и выдерживающая высокие температуры, единственное, что отличало её от настоящего фарфора – непрозрачность. ²²

²

³ Такие фигурки называли «пагодами», изначально они изображали китайское божество Хотэя, так называемого «смеющегося Будду». ²³

На пасхальной ярмарке¹ в Дрездене богатые купцы и дамы в кружевах наперебой покупали посуду и фигурки из красного бёттгеровского фарфора. Слава о нём пошла по всей Германии.

Завет Чирнхауза

Дело двигалось, фабрика работала.

Чирнхауз и Бёттгер придумывали вместе, как бы сделать белую фарфоровую посуду.

Нежданно Чирнхауз заболел и умер.

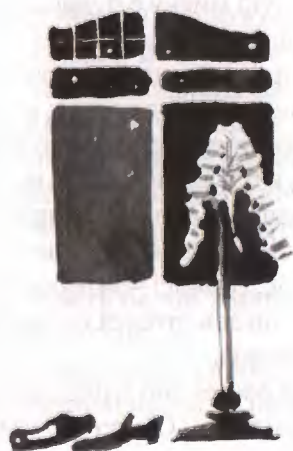
Умирая, он шептал: – «Победа, победа!» – потому что каждый день приносил маленькой фабрике какое-нибудь открытие.

Каждый день Бёттгер с сияющими глазами показывал своему другу и учителю новую посуду, то чёрную глазурованную, то красную, отполированную новым способом.

Они вместе обсуждали, как сделать, чтобы на глазури не было трещинок, и как составить настоящие, китайские краски, которые обжигались бы в огне и не смывались водой.

Но Чирнхауз умер, и работа остановилась. Бёттгер заперся в своей комнате и грустил на долгие недели. Он совсем забросил фабрику. Мастера работали без него. Дни и недели не приносили с собой ничего нового.

«Надо продолжать работу», – писал Фюрстенберг безутешному химику, а Бёттгер писал в ответ: «Я не могу одолеть моего горя, лишившись высокого и любимого друга».

¹ Два главных христианских праздника – Рождество и Пасха – в Европе по традиции сопровождаются ярмарками. Известно, что в 1710 году на ярмарке в Лейпциге продавались изделия из красного фарфора и демонстрировались первые изделия из белого фарфора.

Иногда Бёттгер подходил к полочке на стене и брал в руки маленький бокальчик. Этот бокальчик сделал Чирнхауз из какой-то беловатой глины и завещал его Бёттгеру.

Бокальчик был мутно-прозрачный, похожий на стекло, а стенки у него были кривые и помятые.

Вздыхнув, Бёттгер ставил его на полку. Нет, это не похоже на китайскую белую посуду. Но если бы Чирнхауз был жив, если бы им работать как прежде – вместе, – они, наверное, разгадали бы китайский секрет! Они нашли бы такую белую глину, которая выходила бы из огня белой и твёрдой, а не мутной и помятой, как этот бокальчик.

Бёттгер бросался на кровать и закрывал глаза. Он тосковал.

Пудренный парик

Придворный лакей, с гербом Августа на ливрее, передал Бёттгеру записку из дворца. Король желает поговорить с директором фабрики. Король ждёт его в своём кабинете в полдень; он хочет знать, какую новую посуду сделал Бёттгер за последний месяц.

Никакой новой посуды не было.

Бёттгер сидел в кресле и равнодушно смотрел в окно. Там над башнями Альбрехтсбурга подымался дым из обжигательных печей.

Придворный парикмахер Френцль, подпрыгивая и напевая, пудрил Бёттгеру высокий кудрявый парик, в котором химик должен был явиться на приём к королю.

Френцль смазал парик жиром, чтобы к нему приставала пудра. Потом, взяв большую миску с пудрой, он обмакивал в неё кусок пакли и паклей накладывал пудру на локоны.

– А в городе, ваша милость, – болтал парикмахер, – в городе говорят: хороша наша красная посуда, а далеко ей до китайской. Вот, говорят, понаедут на весеннюю ярмарку голландские купцы, понавезут с собой китайские вазы, и блюда, и чашки, накупит опять король для графини Козель¹...

– Замолчишь ли ты, Френцль?! В ушах трещит от твоей болтовни, кончай скорее! – Досада перекосила бритое лицо химика.

– Сейчас, сейчас! – заторопился парикмахер. – Вот только виски подпудрю! – и он завертелся вокруг химика, ловко прилаживая к вискам его крутые локоны.

Бёттгер рассеянно сгрёб пальцами щепотку пудры, посыпавшей складки пудермантеля². Он устало глядел в окно, где всё ещё дымили трубы, и

¹ Графиня Анна Констанция фон Козель (1680–1765) была фавориткой короля Августа, за участие в политических интригах отставлена от двора, а затем заключена в крепость Штольпен, где провела в заточении последующие 50 лет жизни.

² Пудермантель – парикмахерская накидка, защищающая одежду от пудры.

невольно вертел пудру между большим и указательным пальцами. Пудра скатывалась в липкий комочек.

Вдруг химик вздрогнул, брови его сдвинулись, глаза остро вцепились в белый комочек.

Он вскочил так быстро, что Френцль не успел отдернуть руки, и большой парик сбился химику на левое ухо.

– Чем ты меня пудришь, бездельник? – загрохотал он, схватив парикмахера за плечи, – откуда ты взял эту пудру?

Парикмахер разинул рот и задрожал.

– Да отвечай же, чёртов подмастерье! – кричал Бёттгер и потряхнул беднягу так, что у него подогнулись коленки, и он, охнув, сел на пол.

– Ну! – Бёттгер стоял над ним красный и задыхающийся.

– Но я думал, – хныкал парикмахер, – вашей милости известно... французская пудра дорога, у нас все пудрятся этим... все пудрятся шнорровской землёй!

– Шнорровская земля! – воскликнул Бёттгер и схватил миску с пудрой. Он то подносил пудру к окну, то пересыпал её между пальцами, то пробовал на язык, то растирал на ладони¹. Потом он круто повернулся и в развевающемся пудермантеле, с париком, сбитым на левое ухо, выбежал из комнаты. Тяжёлая дверь лаборатории громко захлопнулась за ним.

Френцль всё ещё сидел на полу и таращил глаза, когда слуга внёс в комнату парадный камзол, треуголку и короткую придворную шпагу. Постучав в дверь лаборатории, он сказал:

– Ваша милость, в полдень – приём у короля.

Ответа не было. Слуга пожал плечами и, хитро подмигнув Френцлю, постучал себе пальцем по лбу. «Наш химик помешался», – решили оба.

Что такое была эта шнорровская земля? Купец Шнорр ехал однажды верхом из Дрездена в местечко Ауэ. Подъезжая к мосту через речку, он заметил, что сам он, и лошадь его, и тюк с товарами покрыты белой пылью, словно выпачканы мукой. Он оглянулся. Копыта его лошади оставляли белые следы на земле, а немножко поодаль было на дороге место, сплошь покрытое белой пылью, словно кто-то рассыпал там десятки мешков с мукой. У края дороги виднелся холмик, должно быть, размытый дождями, целый холмик белой земли.

Шнорр повернул лошадь и подобрал горсть белой пыли. Она была мягкая, чуть-чуть липкая; ни дать, ни взять – пудра.

На другой день Шнорр приехал с мешками. Набрал в них белой земли и увёз в город, а там истолок землю в ступке и пустил в продажу вместо пудры. Её охотно покупали.

¹ Появление состава саксонского фарфора по-разному описывается в немецкой литературе. Ряд исследователей считает, что недостающий компонент фарфорового состава был получен в результате случайных лабораторных опытов Бёттгера и Чирнхауза. Настоящая же шноррская земля была открыта позже – в 1710–1711 годах.

Тогда было время пудренных париков, и пудры выходило у всех больше, чем у нас зубного порошка¹.

Эта шнорровская земля была не что иное как белая каолиновая глина, та самая, из которой в Кин-те-чене делали фарфор.

Вертя комочек пудры в руках, Бёттгер заметил, что она лепится, как глина, и тяжелее, чем обычная пудра.

«А вдруг это – та самая белая глина, которую искал Чирнхауз!» – мелькнула у него мысль. Он бросился в лабораторию поскорее сделать пробу и забыл, что строгий Август сидит в своём кабинете и нетерпеливо стучит пальцами по золотой табакерке, поджидая невежливого химика.

В тот день Август его не дождался.

«Подобный цветку нарцисса»

Шесть чашек, шесть белых фарфоровых чашек стояли перед Бёттгером, отражаясь в красной полированной доске стола, как в зеркале.

Солнце золотом струилось сквозь жёлтые занавески в окнах малой залы королевского дворца.

Шесть учёных мужей в высоких париках с орденскими лентами через плечо, шесть учёных советников Августа прикладывали лорнеты к глазам и рассматривали работу Бёттгера.

Чашки протяжно звенели, если по ним щёлкали пальцем. Их доньшки казались желтоватыми и чуть-чуть прозрачными, если их разглядывали на свет. На их блестящей белой поверхности не оставалось ни царапинки, ни трещинки, если по ней скребли ножом.

Это был настоящий фарфор, – не хуже китайского².

Скрипя гусиным пером, учёный секретарь собрания записывал на латыни на большом листе с королевским гербом:

«Сего числа господин Иоганн Бёттгер показал нам сделанный им фарфор, полупрозрачный, молочно-белый, подобный цветку нарцисса».

Да, это был настоящий белый фарфор!

¹ Слово «парикмахер» пришло из немецкого и означает «мастер по изготовлению париков». Парики и пудра для них стоили огромных денег. Светлоокрашенных яков, шерсть которых шла на парики, разводили на Сицилии, это было специальное «париковое стадо». Но этих светлых «волос» всё равно было мало. Поэтому из Китая в Европу (в первую очередь – в Париж) стали ввозить белую китайскую пудру из риса. Необходимость пудрить волосы отпала благодаря изобретению французского парикмахера Мюльета – он придумал парики из тонких белых нитей.

² В лабораторном журнале Бёттгера 15 февраля 1708 года сделана запись о получении после обжига белых полупрозрачных неглазурованных пластин – это и был первый настоящий белый европейский фарфор. 24

Бёттгер сделал эти чашки из шнорровской земли, прибавив к ней алебастр¹. Шнорровская земля заменяла собой белую глину – као-лин, а алебастр служил плавким прозрачным веществом – вместо китайского пентун-тсе.

Старинный секрет был раскрыт.

Если бы Чирнхауз увидел эти чашки, как бы порадовался он новой победе! Какой ласковой улыбкой осветилось бы его строгое лицо! О, Чирнхауз помог бы Иоганну составить краски, чтобы расписать эти белые фарфоровые чашки; он нашёл бы причину, почему на некоторых из них выступили маленькие чёрные точки! Но Чирнхауз уже давно был в могиле.

Бёттгер ходил по зале, пока придворные учёные шептались над его чашками и, скрывая свою зависть, поздравляли его, суля королевские милости и награды.

Король? Король отнял у него свободу, король шесть лет держал его как в тюрьме за бессмысленной работой – варкой золота. Сколько раз король грозил ему виселицей! Чего ещё ждать ему от короля?

Бёттгер почувствовал, как он ужасно устал, устал до смерти. Теперь король всю жизнь не отпустит его от себя из боязни, что изобретатель фарфора продаст свой секрет другим королям и те тоже откроют у себя фарфоровые фабрики.

Свободы не будет, из этого проклятого круга нет выхода. Тоска сдавила горло изобретателю.

Он повернулся и вышел из дворца, нахлобучив шляпу.

Игра

Не глядя ни на кого, Бёттгер быстро шёл по улицам на окраину города, туда, где в кривом переулке примостился подозрительный кабачок.

Хозяин, толстый пьяница с воровским лицом, встречал Бёттгера как старого знакомого. Одноглазый банкомёт в дырявом атласном кафтане, с грязными кружевами на манжетах, метал засаленные карты на стол, покрытый лужами пива и остатками еды.

Обтрёпанные занавески на окнах не пропускали дневного света. Здесь изобретатель играл в карты с продувными парнями и пил вино, стакан за стаканом.

Не беда, что в карманы одноглазого банкомёта переходили червонцы, данные химику на постройку новых печей на фабрике, на жалование фабричным рабочим.

Изобретатель хотел забыться в пьяном веселье, в азартной игре. Не вспоминать больше, что молодость прошла над проклятым философским камнем, что он раб короля – до самой смерти.

¹ Алебастр – минерал, природный гипс, подвергнутый обжигу.

Забыться – это было самое главное! А король? Пусть же платит король за отнятую у него молодость, чёрт побери!

И Бёттгер ставил на карту червонец за червонцем. Под вечер распахивалась дверь, открывая заревое небо. Приземистый человек с хитрыми глазами входил и садился за столик позади Бёттгера. Его пристальный взгляд заставлял химика обернуться.

Бёттгер выпивал залпом стакан и стучал кулаком по столу.

– А, шпион? Шпион его величества? Пррр-о-клятая собака уже прнюхала, что я... – говорил он заплетающимся языком и ронял тяжёлую голову на стол.

Шпионы короля следили за каждым его шагом.

Тюрьма или Фабрика

Замок Альбрехтсбург был окружён глубоким рвом. Подъёмный мост¹, скрипя железными цепями, опускался над ним только для тех, кто знал условный знак или тайное слово. Никто чужой под страхом смерти не смел проникнуть в замок. Там шла тайная работа – выделка фарфора.

Когда новый мастер или рабочий поступал на фабрику, ему завязывали глаза и долго вели по каменным коридорам, пахнувшим плесенью. Потом снимали повязку с его глаз.

¹ Замок Альбрехтсбург расположен вблизи города Мейсена (Meissen), на берегу реки Эльбы, с 1710 по 1863 год там действовала Мейсенская фарфоровая мануфактура. Альбрехтсбург строился как королевская резиденция, а не как военная крепость, к тому же он расположен на высоком холме, поэтому у него не было традиционных оборонительных сооружений – рва и подъёмного моста. ◀

Он видел себя в большой подземной зале с каменными сводами. Мишистые стены освещались красноватым светом факелов. В углах царила темнота.

За длинным столом сидели неведомые люди в масках и чёрных мантиях. Справа от стола стоял священник с бледным, суровым лицом, поднимая в руке распятие. Слева виднелась дыба, висели кандалы, и палач затыкал за пояс блестящий топор.

Посередине на возвышении стоял чёрный гроб. Череп и скрещённые кости были нарисованы на нём белой краской¹.

– Клянёшься ли ты, что не выдашь никому тайны фарфора? – спрашивал ужасным голосом чёрный человек, подымаясь из-за стола.

– Клянусь! – отвечал мастер, у которого начинали дрожать колени и холодела спина от всей этой чертовщины.

– Повторяй за мной, – говорил человек. – Клянусь, что я не выдам тайны фарфора ни отцу моему, ни сыну, ни брату, ни жене, ни другу, ни врагу, ни за деньги, ни за ласку, ни ради спасения жизни. Я не открою этой тайны ни священнику на исповеди, ни врачу на моём смертном одре.

Мастер повторял всё это слово за словом, хотя у него от страха заплетался язык.

– Клянись на распятии! – говорил священник и прижимал холодный металл креста к губам мастера.

Тогда чёрный человек обращался к другим, сидевшим неподвижно, как статуи.

– Вы слышали, братья, как поклялся этот человек? Что ждёт его, если он нарушит клятву?

– Смерть! – восклицали «братья» и, вскочив на ноги, они все как один, выхватывали блестящие кинжалы и, потрясая ими в воздухе, кричали: – Смерть!

– Смерть! – гудел палач, размахивая топором.

Потом они бросались на полумёртвого от страха мастера и, схватив, кто за ноги, кто за руки, укладывали его в гроб. Лёжа в гробу, мастер трижды повторял слова клятвы, и трижды «братья» махали кинжалами и вопили: – Смерть!

Потом наступала темнота. Кто-то натягивал повязку на глаза мастера, выволакивал его из гроба и опять вёл по коридорам на свежий воздух.

Когда с него снимали повязку, его глаза резал дневной свет, в ушах ещё звучали крики «смерть» и страшное лязганье кинжалов. Одурелый входил он в мастерскую и не сразу понимал, что ему говорил старший мастер.

¹ Ритуал посвящения в «тайну фарфора» – художественное преувеличение, его детали Елена Данько заимствует то ли из приключенческих романов, то ли из легенд о тайных обществах. Похожую сцену посвящения в антропософском кружке Андрея Белого Данько описывает в автобиографии (см. с. 107).

А мастерские были устроены так, что рабочие одной мастерской не знали, что делается в соседних, и никогда не видались с другими рабочими.

Тот, кто промывал глину, понятия не имел, что в эту глину подбавляют, чтобы сделать фарфор.

Токаря, точившие посуду из массы, не знали, из чего составлена масса, и как обжигается посуда в печи.

Только три человека – Бёттгер и его помощники, доктор Бартоломэи и Штейнбрук¹, – знали всё, что творилось на фабрике.

Всё это делалось для того, чтобы сохранить в тайне секрет фарфора, чтобы никто, кроме Августа, не мог устроить у себя фарфоровую фабрику.

Искусители

С тех пор как фабрика в Альбрехтсбурге стала выпускать белую посуду, такую же твёрдую и прекрасную, как китайская, с тех пор как Бёттгер нашёл синюю кобальтовую краску, которой можно было рисовать узоры на белых чашках; с тех пор как он научил мастеров делать блюда и чаши с кружевными стенками и лепные фигуры, – Август стал есть и пить на своём фарфоре и от гордости ещё выше задрал свой острый нос на толстом лице, а все другие короли и князья только и видели во сне, как бы им узнать секрет фарфора и завести свои фабрики.

Их шпионы, переодетые то бродячими торговцами с тюками за спиной, то нищими, то печниками, ищущими работы, так и шныряли вокруг Альбрехтсбурга и, облизываясь как коты на масло, следили за клубами дыма, поднимавшегося над старинными башнями.

Они подкарауливали рабочих, выходявших из замка по праздникам, угощали их добрым пивом в кабачках и старались выведать, что творится на фабрике.

Особенно охотились они за «арканистами»²; так назывались рабочие той мастерской, где составлялась фарфоровая масса.

Одного «арканиста» итальянские шпионы напоили сонным зельем, уложили в карету и увезли. Он очнулся только за итальянской границей.

Ему дали денег и велели устроить фарфоровую фабрику в Милане, но из этого ничего не вышло. «Арканист» не знал секрета фарфора.

¹ Мельхиор Штайнбрук (1673–1723) был инспектором фарфоровой мануфактуры и зятем Бёттгера.

² Арканист (от лат. *арсана* – тайные средства) – так называли знатоков тайн или таинственных средств, алхимиков, стремящихся разгадать секрет философского камня, так же стали называть и разгадывающих секрет фарфора, а затем и тех, кто им владел, гораздо позже этим термином стали обозначать мастеров и технологов фарфорового производства.

Иные рабочие, усталые от своей фабрики-тюрьмы, были не прочь бежать из Альбрехтсбурга. Они обещали шпионам открыть секрет фарфора, если им дадут денег и свободу.

Они убегали из замка, захватив с собой запас фарфоровой массы, сколько им удавалось утащить с фабрики мимо яростных сторожей.

Попав ко двору князя или епископа (как это было в Берлине, в Фульде и в Бранденбурге), рабочий делал несколько чашек и тарелок из украденной массы. Его покровитель уже трубил повсюду, уже хвастался своей «собственной» фарфоровой фабрикой, которая заткнёт за пояс саксонскую фабрику короля Августа. Слухи об этом доходили в Саксонию.

Разгневанный Август призывал к себе Бёттгера и кричал, что теперь всё потеряно, секрет утащили у него из-под носа! Никто больше не станет покупать саксонскую посуду. Где слава, где деньги, которые обещал Бёттгер?

Бёттгер устало хмурился.

– Они не знают нашего секрета, государь. У них ничего не выйдет, – отвечал он. Так оно и случалось.

Бежавший рабочий делал несколько чашек из украденной массы, а когда его запас кончался, он не знал, что делать: составлять массу сам он не умел. Скоро его прогоняли прочь.

Но Август приказывал ещё строже следить за рабочими. Ни одна пылинка массы не должна была выходить за ворота Альбрехтсбурга. Рабочих били плетью и сажали в подземелье, если находили кусочки массы в их карманах, если подозревали, что они хотят бежать.

Порядки на фабрике становились ещё жесточе.

Бёттгер устало хмурился. Он понимал, что рабочим хотелось на волю из фабрики-тюрьмы. Он сам был рад удрать от Августа хоть на край света.

Зеркало

Бёттгер был уже не похож на весёлого студента в дырявом плаще, постукавшего когда-то в дверь старого Кирхмайера.

Его лицо обрюзгло. Серые мешки набухли под глазами. От бессонных ночей над очагом алхимика в едком дыму серы, от бессонных ночей за попойками его веки стали красными и воспалёнными. Глаза слезлились, щурились от дневного света. Светлые кудри сменил высокий парик на лысой голове.

В редкие хорошие дни, когда он составлял новую массу или чертил планы новых печей, его взгляд становился острым, ловкие руки безошибочно отвешивали на весах нужное количество глины и алебаstra, шаги по-юношески легко звучали в подземельях Альбрехтсбурга. Но это бывало редко. В остальное время он был вялым, тучным человеком, вне-

запно приходившим в дикую ярость, если его помощники ошибались в работе. В остальное время его дрожащие пальцы просыпали на карточный стол червонцы Августа и расплёскивали бокалы с вином.

Он устроил себе пышную квартиру, увесил её стены французскими гобеленами, покрыл полы пушистыми коврами. Он заказывал себе золочёные кафтаны, и его манжеты были из лучшего бельгийского кружева. Бёттгер торопился жить, наверстать ушедшую молодость.

Ему помогал тратить деньги молодой ювелир Конрад Гунгер. Он приносил Бёттгеру золотые табакерки, кольца и другие побрякушки и соблазнял его покупать эти вещи.

Конрад Гунгер охотно садился за карточный стол, когда не хватало партнёра. Конрад Гунгер всегда был рад устроить попойку. Конрад Гунгер умел провести за нос купцов, когда они приходили к Бёттгеру требовать уплаты долгов. Он занимался делами Бёттгера больше, чем своим ювелирным ремеслом.

Конрад Гунгер привёл однажды в дом Бёттгера приезжего итальянского графа, игрока в карты. Они начали крупную игру.

Длинные пальцы графа в фальшивых бриллиантах не раз передвигали по зелёному столу столбики золотых монет из кармана Бёттгера. Игра длилась всю ночь.

Бёттгеру не везло. Он проиграл сначала свои деньги, потом деньги, которые надо было отдать рабочим на фабрике, он проиграл дорогой перстень – подарок Фюрстенберга. Он хотел бросить игру.

– Не волнуйтесь, господин Бёттгер! – учтиво говорил итальянский граф, – не стоит бросать игру из-за такого пустяка. Давайте играть на слово. Мы с вами сочтёмся.

Бёттгер хотел отыграться, он стал играть на слово. Скоро он проиграл столько, что не смог бы выплатить долг и в три года.

Свечи, треща, догорали в канделябрах, над их дымящими фитилями горбился не снятый нагар. Бёттгер встал из-за стола и отошёл к окну. За тяжёлой портьерой розовело небо.

Проигрыш был огромный. Король не согласится его уплатить. Итальянский граф опозорит Бёттгера. Это был долг чести, игра на честное слово.

Тупая тоска опять мучила Иоганна. Выхода не было.

– Не надо грустить, уважаемый хозяин, не надо грустить! – пропищал тонкий голос за его спиной, – тому, у кого в руках великий секрет, грустить не приходится. Все пути к богатству и славе перед ним открыты.

Бёттгер вздрогнул и обернулся. Маленький человек в рыжем парике, молчавший весь вечер и не игравший в карты, стоял перед ним и буравил его взглядом острых, настойчивых глаз.

– Кто это? – мелькнуло у Бёттгера в голове. – Ах, да! Это – секретарь графа.

А тот не сводил с него глаз и выводил высоким фальцетом:
– Что значит жалкий проигрыш для того, кто владеет великим секретом? Богатство и слава в его руках.
– Что вы хотите сказать? – рванулся к нему Бёттгер.
Лицо рыжего человека сморщилось.
– Приходите завтра к обедне в церковь Екатерины на Старой площади, – быстро прошептал он и отошёл.
Полусонный граф рассовывал по карманам червонцы. Гости расходились, только Гунгер¹ спал в углу на диване, глупо раскрыв рот.
Свечи догорели, на столе валялись карты и стояли бокалы с остатками вина. Бёттгер нагнулся, чтобы поднять упавшую на ковер карту. Это был червонный король, похожий на Августа. Бёттгер бросил его под стол.
Утренний полусвет проходил в окна. Бёттгер сделал несколько шагов в пустой комнате, и вдруг ему навстречу из простенка вышел тучный, немолодой человек в парчовом кафтане. В сумерках утра его лицо казалось обрюзгшим и серым. Бёттгер остановился, тот остановился тоже.
– Да ведь это моё отражение в зеркале, – сказал Бёттгер вслух и хотел расхохотаться над своей ошибкой. Но смех не прозвучал. Глаза у его отражения были грустные. От носа ко рту шла глубокая складка. Он тоже вышел из комнаты, где на стенах висели гобелены и блестела золочёная мебель, за которую не было заплачено купцам. На нём был такой же дорогой кафтан.
– Так вот каким я стал! – сказал Бёттгер и сел у зеркала в кресло. Вся прошлая жизнь стала проходить перед ним.
Где теперь его мать, майор Тиманн и учитель Цорн? Иоганн не видал их ни разу с тех пор, как девятнадцатилетним мальчиком бежал из Берлина.
Разве Август отпустит его когда-нибудь на свободу, в родные места? Иоганн вспомнил, как однажды, в воскресенье, мать надела на него новую курточку, и майор Тиманн повёл его с собой на ярмарку. Иоганну было семь лет. Майор купил ему у торговца в лотке розового пряничного коня, которого было жаль есть, такой он был хорошенький!..
Колокол ударил к ранней обедне. Бёттгер вспомнил рыжего человека. Что значили его слова? Всё равно – хуже, чем есть, быть не может. Он решил пойти к обедне и, взяв шляпу, вышел из дома.

Донос

«В ночь со второго на третье декабря в доме у директора королевской фабрики Иоганна Бёттгера была крупная игра.

Иоганн Бёттгер проиграл большую сумму денег итальянцу, называющему себя графом Бураттини. Третьего декабря, в восьмом часу утра,

¹ Иоганн Гунгер ещё появится в нашей книге – в следующей, четвёртой главе.

Иоганн Бёттгер вышел из дому. Я последовал за ним как обычно. Придя на Старую площадь, он вошёл в церковь Екатерины, где в левом приделе к нему подошли итальянец Бураттини, называющий себя графом, и другой итальянец, называющий себя секретарём графа. Удалившись в затенённый колоннами угол, они стали беседовать. По словам, долетевшим до меня, я понял, что итальянцы предлагали Иоганну Бёттгеру бежать из Саксонии и продать секрет фарфора за 100 тысяч талеров, обещая ему уплату долгов в Дрездене и милость одной коронованной особы. Они передали Иоганну Бёттгеру письмо, прочитав которое, он задумался и обещал дать ответ нынче ночью. Все трое условились встретиться ночью на Каменном мосту и разошлись. Иоганн Бёттгер направился в Альбрехтсбург, а итальянцы – в трактир, где они проживают.

Я последовал за Иоганном Бёттгером и, показав караулу пропуск его величества, прошёл на фабрику. Придя на фабрику, Иоганн Бёттгер снял свой кафтан и, надев рабочее платье, пошёл в мастерские. Это дало мне возможность вынуть из кармана его кафтана полученное им от итальянцев письмо и доставить его вашему величеству...»

Август скомкал донесение шпиона и схватил приложенное письмо, на котором стояла печать прусского короля и собственноручная подпись: «Фридрих».

– Схватить эту гадину, заковать, на виселицу его; нет, сначала на дыбу! Вот где измена, вот – в самом сердце фабрики! Бёттгер – предатель, клятвопреступник! Вот его благодарность за всю нашу любовь к нему! – кричал Август прямо в лицо Фюрстенбергу, задыхаясь от гнева и бегая по кабинету. Он остановился и топнул ногой. – А вы – вы всегда защищали его! Я бы давно вздёрнул его на виселицу, этого шарлатана-алхимика, но вы говорили: «Нет, он себя ещё оправдает!» Вот он оправдал себя, ваш талантливый химик!

Август передохнул и разразился снова:

– Мало того, что мы дали ему свободу ходить по улицам; мало того, что я платил его долги; мало того, что он жил как принц, что я ежедневно осыпал его благодеяниями, ему этого было мало! Он предал меня тем же пруссакам, от которых я когда-то спас его жизнь. Я отогрел змею на своей груди!

Август растрогался своей добротой и был готов пустить слезу. Фюрстенберг смущённо молчал. Может быть, он вспоминал тот вечер, семнадцать лет тому назад, когда молодой студент, рыдая, просил отпустить его на свободу – учиться в университете и клялся, что он не знает секрета золота. Может быть, Фюрстенберг не был уверен, что Август ежедневно осыпал химика благодеяниями.

– Но, ваше величество, – сказал он наконец, – ведь мы не знаем, что ответит Бёттгер агентам прусского короля. Может быть, он ещё откажется. Подождём до ночи!

– Как! – заорал Август. – Мы будем ждать, чтобы он сегодня передал им рецепт массы? Вы с ума сошли? Арестовать его немедленно, посадить в тюрьму! Вы слышите?

Фюрстенберг, опустив голову, вышел из комнаты.

Снова тюрьма

Когда Бёттгера ввели в тюремную камеру, и замок глухо защёлкнулся за ним, он невесело усмехнулся: «Не привыкать стать!» Решётчатое окно и покрытые плесенью стены напомнили ему келью в Альбрехтсбурге, где он варил золото. Здесь не было только чугунной печки для опытов, да на его руках теперь гремели кандалы. Зато Август не требует больше ни золота, ни фарфора. Можно отдохнуть.

Давнишняя знакомая – виселица не отпустит его на этот раз. Она всю жизнь охотилась за ним. Бёттгер устал бегать от неё.

Агенты прусского короля, выдававшие себя за итальянцев, были арестованы. Они показали, что Бёттгер согласился передать им секрет фарфора. Теперь ему не удастся убежать от виселицы. Зато можно отдохнуть.

В ушах у него звенело, голова была как свинцовая. Сторож внёс кружку с водой и кусок хлеба. Замок опять защёлкнулся.

С трудом передвигая ноги, Бёттгер отошёл от окна и лёг на деревянную койку. Стены камеры закружились перед ним, пришлось закрыть глаза.

Он постарался вспомнить, о чём он думал, когда удар колокола напомнил ему о рыжем человеке. Он думал тогда о чём-то хорошем, ах, да! – о розовом пряничном коне.

Как было весело на ярмарке! Карусели вертелись под музыку. Иоганн сидел верхом на белом лебеде и, замирая от страха и восторга, мчался куда-то. Разноцветные флаги и золочёные тряпки вихрем неслись вместе с ним.

Карусель остановилась, а ему всё ещё казалось, что всё плывёт кругом в сияющем вихре под волшебную музыку.

У лотка, пахнувшего корицей и ещё чем-то сладким, майор Тиманн купил Иоганну розового пряничного коня с чёрными изюминками вместо глаз. Потом они вошли в лавку и выбрали синюю шаль с пунцовыми розами – для мамы. Купец ловко складывал её вчетверо, чтобы с поклоном отдать её майору, как вдруг Бёттгер вспомнил, что это был не купец, а аптекарь Цорн.

Бёттгер ясно увидел перед собой аптекаря в чёрной шапочке на макушке. Он учил Иоганна скатывать пилюли из муки с водой.

– Бери осторожнее, мальчик, двумя пальцами, – услышал Бёттгер знакомый голос аптекаря, – бери и катай комочек. Вот так – раз, два!

Из пальцев аптекаря выкатился круглый шарик. Иоганн тоже хотел катать пилюли, но вспомнил, что у него заняты руки, он всё ещё держал розового коня, и пилюли у него не выходили. Впрочем, это были не пилюли, а шнорровская земля, которую он собрал из складок пудермантеля.

Вот кто был настоящим изобретателем фарфора, – аптекарь Цорн! Ведь это он выучил Иоганна когда-то скатывать пилюли. Без него Иоганн не скатал бы шарика из шнорровской земли, не нашёл бы белую глину. Смешно, что это не приходило ему в голову раньше! Иоганн громко захохотал.

Потом ему показалось, что он лепит большую вазу с фигурными ручками. Ваза превратилась в голову Августа, и вышло так, что Иоганн держит короля за уши.

– Пора на виселицу, – сказал Август и превратился в червонного короля. Он созвал своих червонных вальтеров, и они, пища, потащили Иоганна куда-то.

Вдруг раскрылась дверь, и вошёл Чирнхауз. Карты с шипением рассыпались. Чирнхауз сел к Иоганну на койку и взял его за руку. Тогда стало хорошо и спокойно. Чирнхауз всё знал и всё простил Иоганну. Теперь было не страшно. Можно было спросить Чирнхауза, отчего на фарфоре выступают иногда чёрные точки?

Утром сторож вошёл в камеру. Хлеб и вода стояли нетронутые. Узник громко бредил, смеялся и плакал и метался по койке.

– У него горячка, – сказал присланный от Фюрстенберга старый врач. Так прошло много дней и ночей.

Бёттгер умер¹, не дождавшись суда. Он навсегда избавился от виселицы.

А фабрика продолжала работать и выпускать прекрасный фарфор на зависть всем королям в Европе.

В земное недро ты, химия,
Проникни взора остротой
И что содержит в нём Россия,
Драги сокровища открой.
М. Ломоносов¹

Слухи о Петре

Когда Бёттгер был ещё молод и под именем «барона Шрадера» стряпал золото в дворцовой лаборатории, ему не раз приходилось слышать о русском царе, великане-Петре.

Русский царь Пётр помог Августу стать королём Польши. Не мудрено, что имя Петра было на устах у всех королевских придворных.

Про Петра было что рассказать. Его царство – огромное, полудикое русское царство на востоке – доходило до таинственного Китая, а запад его граничил с Польшей.

Самоеды в мёрзлых тундрах, и калмыки из горючих прикаспийских степей, и хохлы, и казанские татары – звали Петра своим царём.

Ходили слухи, что в его столице – Москве – медведи и волки среди бела дня рыщут по улицам; зато в домах у бояр так много золота, и серебра, и драгоценных камней, что их складывают в бочки.

Но не этому дивились германцы, а тому, что Пётр был самым странным государем на свете. Он откалывал такие штучки, на которые не решился бы ни один самый захудалый князёк в Европе из боязни уронить своё княжеское достоинство.

Пётр одевался в грубое платье голландских ремесленников. Он пил пиво и играл в шашки с простыми шкиперами. Он женился на прачке, а своим первым министром сделал уличного торговца пирожками Сашку Меншикова².

¹ Строки из «Оды, в которой Её Величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском Селе августа 27 дня 1750 года» (1750 или 1751), прославляющей науки и их пользу для общества и государства.

² Пётр I благодаря своей разносторонней деятельности и в народных представлениях, и особенно в глазах иностранцев приобрёл репутацию неординарного, эксцентричного человека, разительно отличавшегося от других правителей. 26

Царь Пётр работал как мастеровой. Он столярничал, чертил планы, строил корабли.

– Надо работать! – говорил он, и его дубинка учила лентяев и неженков, как надо работать.

Но самое смешное бывало, когда царь Пётр приезжал в Европу. Он не умел изящно кланяться и боялся поскользнуться на дворцовых паркетах. Если на него смотрели, он от смущения нахлобучивал парик себе на глаза или поворачивался спиной к смотревшему.

– Русский дикарь, – говорили про него королевские придворные.

Этот русский дикарь всех засыпал вопросами. Этот невиданный царь хотел знать, что из чего и как сделано.

– А из чего у вас делаются чернила? – спрашивал он. – А чем у вас вырывают зубы? А из какого дерева вы строите мачты на кораблях? А чем вы лечите коров, если они не дают молока? Ну-ка, я взгляну, как у вас делают кирпичи, да заодно покажите мне, из какой крупы варят кашу для солдат.

Разве короли могли ответить ему на эти вопросы? Они с усмешкой поглядывали на сильные, мозолистые руки Петра и чистили щёточкой бриллиантовые перстни на своих белых, изнеженных пальцах.

Пётр хмурил брови над чёрными, быстрыми глазами и уходил из дворцов на корабельные верфи, на фабрики и в мастерские.

Когда Бёттгера под именем «господина с тремя лакеями» привезли из Кёнигштейна в освобождённый от шведов Дрезден, он узнал, что шведов прогнали из Саксонии русские войска царя Петра.

Немудрено, что, когда дрезденская фабрика стала выпускать прекрасную белую посуду, Август приказал Бётттеру приготовить кофейный сервиз в подарок жене Петра – Екатерине¹.

¹ В действительности речь идёт не о подарке Августа Сильного Петру I и Екатерине I, а о подарке его сына Августа III – внуку Петра I, будущему императору Петру III, и его жене, будущей императрице Екатерине II. 27

Бёттгер наблюдал за исполнением этого заказа и вспоминал то, что слышал о Петре от мудрого Чирнхауза.

– Россия – полудикая, отсталая страна, – говорил Чирнхауз. – В ней нет ни заводов, ни фабрик, ни университетов. Царь Пётр – великий строитель и преобразователь. Он устраивает у себя в России и фабрики, и кораблестроительные верфи, и школы. Он даже выстроил новый город в устье реки Невы. Дельные головы, зоркие глаза и умелые руки – вот что ценит Пётр в своих помощниках, а богатство и знатность ему не очень нравятся, – и Чирнхауз вздохнул, вспомнив об изнеженном и капризном Августе.

Городок Санкт-Питер-Бурх

В болотистых лесах, на берегу Невы строился новый город. Солдаты царя Петра отвоевали это место у шведов. «Работные людишки»¹ царя Петра пядь за пядью отвоевывали это место у зыбких, болотистых топей, у непроходимых лесов.

Они рыли каналы, проводили дороги, возводили мосты над широкой Невой. Немало погибло здесь солдат от яростной шведской картечи, а ещё больше погибло «работных людишек» от голода, холода и цинги², от непосильной работы под безжалостными плетью царских надсмотрщиков.

Царь Пётр не жалел людей. России был нужен этот городок в устье Невы для выхода кораблей в суровое Балтийское море. России был нужен этот городок как окошко в Европу.

На удивление Западу выросал на Невском берегу невиданный новый город, прорезанный каналами, – Санкт-Питер-Бурх³.

Рядом с убогими землянками «работных людишек» стали вырастать каменные дворцы царя и его вельмож.

Украсить эти дворцы фарфоровыми вазами, как у королей в Европе, – вот чего захотелось Петру.

Он выписал из Голландии расписные цветочные горшки из голландского фаянса и голубые узорные изразцы для печей.

Но больше всего ему хотелось устроить в Санкт-Питер-Бурхе свою русскую фарфоровую фабрику. Он стал приглашать мастеров из Германии.

¹ Работными людьми называли рабочих на промыслах и в промышленности, включая крепостных крестьян-отходников, сезонных работников, уходивших на заработки, и вольных наёмных работников.

² Цинга – болезнь, вызванная недостатком витамина С в пище, чаще всего ею страдали моряки в дальних плаваниях.

³ Таково одно из первоначальных названий города Санкт-Петербурга. Специального акта, определяющего написание названия, принято не было, поэтому название «Город Святого Петра» (небесного покровителя императора Петра I) встречается в документах XVIII века более чем в 30 различных вариантах.

Король Август, обязанный Петру многим, не посмел перечить, когда его мастер Эггебрехт собрался в далёкую Россию, чтобы устроить там фарфоровую фабрику¹.

Не понравилось мастеру Эггебрехту в городке Санкт-Питер-Бурхе, или не нашёл он там подходящих фарфоровых глин, а может быть, Август тайком приказал ему не находить их, – только он скоро вернулся домой, ничего не устроив царю Петру.

Тогда Пётр послал своих глашатаев по московским площадям. Они созывали народ барабанным боем и выкликали охотника, который взялся бы устроить Петру фабрику для выделки белой посуды по примеру «саксонского порцелина».

Бородатый купчина Афанасий Гребенщиков вызвался устроить такую фабрику. В местности Гжель под Москвой было много разных глин².

Из этих глин хотел Гребенщиков делать «порцелиновую» посуду. Но у него выходила не фарфоровая, а фаянсовая посуда, непрозрачная, не звонкая и темноватая в черепке.

Когда Пётр умер, царица Екатерина и царица Анна Иоанновна не стали заботиться о том, чтобы устроить фарфоровую фабрику.

Для царских дворцов ведь можно было покупать какую угодно дорогую, самую великолепную фарфоровую посуду – китайскую или саксонскую.

Стоило ли открывать свою фабрику? Стоило ли вообще заботиться о русской промышленности, когда можно было и так жить, утопая в роскоши, веселясь и пируя каждый день?

Преемники Петра не любили работать. Старая петровская дубинка, отставленная в угол, не раз скучала по их спинам.

¹ Петер Эггебрехт – мастер фарфорового дела, работавший в Голландии на Дельфтской фабрике, получил исключительную императорскую привилегию заведовать бёттгеровской фабрикой, а в 1718 году был «выписан» – т.е. приглашён – Петром I в Россию на службу «яко надворный порцелинный мастер» для устройства фарфорового производства. Сведений о пребывании Эггебрехта в России не сохранилось. Организовать производство ему не удалось, возникло лишь предложение Мануфактур-коллегии сократить расходы на ввоз из-за границы белой посуды и сосредоточиться на поисках подходящих глин в России.

² Указом Петра I в 1723 году Мануфактур-коллегия, ведавшая вопросами промышленности, наделяла особыми привилегиями тех российских предпринимателей, кто займётся производством керамической, или ценинной, посуды – изготовленной из белой глины. А уже в 1724 году купец Афанасий Кириллович Гребенщиков открывает в Москве первый завод, производивший майолику – глазурованную керамику, «Ценинной и табачной трубки фабрику». Помимо курительных трубок и изразцов там начинают производить и разнообразную посуду. Сырьё для производства добывали в подмосковной местности Гжель, объединявшей несколько деревень, под этим названием керамика и приобрела известность.

Три студента

Однажды, проезжая немецкий город Марбург, Пётр говорил тамошнему физику – профессору Вольфу¹ о том, как нужны дельные, энергичные учёные молодой русской стране. Пётр умер. Прошло почти десять лет с его смерти, когда петербургская «Десіянс-Академія»² послала к профессору Вольфу трёх русских студентов, чтобы он сделал из них опытных физиков и химиков. Это были Михайло Ломоносов, Дмитрий Виноградов и Густав Рейзер³.

Студенты выехали из Петербурга на корабле в глухую осеннюю пору. Суровые ветры хозяйничали на студёном Балтийском море. Сизые, вздувшиеся валы ударяли в борт корабля и перекатывались через палубу. В бурю студенты сидели в маленькой тёмной каюте и прислушивались к скрипу мачт и глухим ударам валов. Где-то там, за водяными бурными пучинами, остался Кронштадтский порт, а ещё дальше – родная Россия. Мальчикам вспоминались то детство в деревне, то школьные годы в Москве⁴.

Когда погода утихала, они выползали на корму и, сидя на свёрнутых канатах, следили за пенистым следом корабля на воде или толковали о том, что ждёт их в Германии.

– Только бы не держали нас опять взаперти, как в Москве, – говорил Виноградов, худенький вихрастый мальчик лет пятнадцати. – Смерть надоело под замком сидеть.

– Эх, обидно мне, что я немецкого языка не знаю, – вздыхал рослый, широкоплечий Ломоносов. – Сколько времени пройдёт, пока я по-немецки выучусь и лекции смогу слушать!

¹ Христиан фон Вольф (1679–1754) – выдающийся просветитель, учёный, философ, известный энциклопедической образованностью. В университете Марбурга (основан в 1527 году, в начале XVIII века – одно из самых авторитетных учебных заведений Европы) он преподавал высшую математику, астрономию, алгебру, физику, оптику, механику, архитектуру, логику, метафизику, философию, политику, право естественное и международное, право войны и мира, географию. Помог организовать Петербургскую академию наук, переписывался с Петром I, вёл переговоры с европейскими учёными, чтобы привлечь их к работе в Академии.

² Десіянс-Академія (Académies des sciences) – Академия наук была основана в 1724 году указом Петра I, совмещала функции научного и учебного учреждения.

³ В 1736 году трое лучших студентов Академии наук были направлены в Германию учиться. Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) стал первым русским учёным-естествоиспытателем мирового уровня; Дмитрий Иванович Виноградов (1720–1758) вошёл в историю как основоположник фарфорового производства в России, Густав Ульрих Рейзер (Райзер, русское имя Евстафий Викентьевич) (1718–?) получил чин обер-бергмейстера, работал в горной промышленности на Урале.

⁴ М.В. Ломоносов и Д.И. Виноградов были одноклассниками в Славяно-греко-латинской академии в Москве, первом в России высшем учебном заведении, основанном в 1687 году по инициативе Симеона Полоцкого.

– Да куда тебе спешить?

– А как же не спешить? Если бы ты, как я, взрослым парнем припёрся в Москву, чтобы грамоте учиться, да на тебя малые ребята в школе пальцами показывали бы: «Смотри-де, болван лет в двадцать пришёл латыни учиться», – так и ты бы заспешил! Счастливые вы оба, Рейзер по-немецки как по-русски говорит, а у тебя, Митя, времени впереди много, – говорил Ломоносов. Ему было уже 22 года.

При слове «школа» лукавые огоньки сверкнули в глазах Виноградова.

– А помнишь, Миша, – сказал он, – как в школе бывало? Холод, пальцы мёрзнут, герр Лерер ходит по классу в шубейке и палкой дерётся. Всё ему кажется, что мы между собой разговариваем, а это у нас в животах с голоду бурчит. Помнишь, он только крикнул: «Силенциум!»¹, – а у тебя в животе – «ку-ка-реку!» Ой, умора! Попало тебе тогда палкой по пальцам!

Виноградов звонко расхохотался. Ломоносов тоже не удержался от улыбки.

– Так! – воскликнул Рейзер, хлопнув себя по колену грифельной доской, на которой он молча писал какие-то цифры. – Так, я сейчас высчитал, из тех денег, что Академия будет нам давать на квартиру, стол и ученье, у нас ещё рублей сто в год останется! Можно будет и книжки покупать, и одеться получше!

– Неужто сто рублей останется? – радостно удивились Виноградов и Ломоносов. От такой огромной суммы у них закружились головы.

– Эх, поживём, братцы! – воскликнул Ломоносов, – не то что в Академии на алтын² в месяц!

– Завтра придём в гавань! – сказал им шкипер в вязаной фуфайке, проходя на корму, чтобы осмотреть якорь.

На рассвете корабль подошёл к Травемюнде³. Студенты, затаив дыхание, смотрели на встававшие из утреннего тумана зубчатые башни, острые колокольни и чешуйчатые купола церквей, так непохожих на русские.

Крутобокие корабли из Индии и Америки выгружали на пристань неведомые товары. На каменных плитах набережной сутились голландцы в полосатых чулках, рыжие англичане и даже жёлтые, раскосые китайцы. Крестьянки в полосатых юбках с белыми чепцами на головах погоняли ослов, запряжённых в тележки с овощами. Пастор в треугольной шляпе и белом воротнике большими шагами переходил площадь.

¹ Тихо! (от лат. silentium – молчание, безмолвие).

² Алтын – русская монета и единица денежного счёта. Равнялась трём копейкам. Ломоносов вспоминал это время: «Несказанная бедность. Имея один алтын в день жалования, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку квасу, протчее на бумагу, обувь и другие нужды» (цит. по Морозов А.А. Михаил Васильевич Ломоносов. 1711–1765. М.: Мол. гвардия, 1950. С. 19).

³ Травемюнде – портовый город на северном побережье Германии.

Виноградов так зазевался на дюжего матроса-негра на соседнем корабле, что упустил шапку из рук. Она нырнула в зеленоватую воду за бортом.

А матросы уже крепили причал, сбрасывали сходни на берег, и новая жизнь встречала студентов шумом, суетнёй и чужим непонятным говором.

У профессора Вольфа

Профессор Вольф закрыл книгу и сдвинул очки на лоб, когда перед его домом застучали колёса почтовой тележки. Он вышел на крыльцо и сердечно обнял приехавших запыхлённых студентов.

– Надеюсь, что вам будет хорошо жить у меня и вы оправдаете надежды своей страны, станете хорошими учёными, – сказал он.

Пока Рейзер бойко барабанил ему по-немецки приветствие от русской «Десианс Академіи», два других студента молча глазели.

Ломоносов вдумчиво уставился глазами в лицо старого профессора. Он рассматривал его розовые щёки, его светлые глаза, окружённые морщинками, и седые волосы, торчавшие из-под бархатной шапочки. Он старался за добродушной внешностью угадать знаменитого учёного, прославленного большими знаниями и острым умом.

На мальчишеском лице Виноградова быстро сменялись любопытство, застенчивость и лукавая усмешка. Он успел разглядеть, что из кармана учёного физика торчит томик латинских стихов, что в дверь выглядывает какая-то старушка в крахмальном переднике, в маленькой гостиной на окошке вьётся зелень, на ковре играет котёнок, а в растворённую дверь видны книжные полки, физические приборы и рабочий стол профессора.

Старая Эмма провела студентов наверх в светлую комнатку, где их ждали миски и кувшины для умыванья и три белых кровати.

На другой день началось ученье.

Профессор Вольф от души хотел сделать из этих студентов дельных и энергичных учёных, в которых так нуждалась Россия.

Студенты были на редкость способные. Освоившись с немецким языком, они с жадностью ловили каждое слово лекций. С горящими глазами, забыв обо всём на свете, они проделывали опыты под руководством профессора.

Их любовь к науке обещала, что в будущем они сами станут двигать науку дальше! Сколько мыслей, проектов и мечтаний таили в себе их встрёпанные мальчишеские головы!

Профессор Вольф сам молодел и увлекался, когда работал с ними. Но они доставляли ему так много хлопот! С тем же безудержным пылом, который влагали они в ученье, эти шалопаи могли ночи напролёт бесноваться на улицах! Как вечер, так не сиделось им дома.

Взволнованные новой жизнью, свободой, лишними деньгами, они хотели не только учиться, но и веселиться всласть.

Вечером, дочитав любимую главу из Вергилия¹, профессор Вольф долго ворочался в своей постели. До него доносились с улицы то шум драки, то взрыв смеха, то удалая песня.

– Ах, сорванцы, ах, шалопаи, ах, ветрогоны! Ну что с вами делать? – вздыхал старый профессор.

¹ Публий Вергилий Марон (70 год до н.э. – 19 год до н.э.) – выдающийся древнеримский поэт. Речь, видимо, идёт о его поэме «Букколики» – она единственная из произведений Вергилия делится на главы (эклоги).

Проказники

Третий год учения подходил к концу.

– Нет, Митя, не пойду; довольно пошалопайничали, пора и честь знать, – говорил Ломоносов, садясь у окна и собираясь читать, несмотря на быстро наступавшие сумерки. – И так уже молва по городу – русские студенты бродяги, шалуны, бездельники. Не хочу я старого Вольфа огорчать.

– Вот мы и вздуем долговязого Отто за то, что он русских студентов порочит и старику на нас наябедничал. Уж я расквашу ему нос за русских студентов, – горячился Митя Виноградов, грозя кулаком воображаемому врагу. – Вот и Рейзер со мной пойдёт!

– Что до меня, – отозвался белокурый Рейзер, занятый чисткой своей куртки, – то я пойду из дому просто потому, что старая Эмма не даст нам больше свечи в комнату. Она боится, что мы сожжём дом. Не сидеть же, право, весь вечер в потёмках!

– Ну пойдём, Миша! – взмолился опять Виноградов. Он подошёл к Ломоносову и потихоньку вынул у него книгу из рук. – Да что с тобой случилось? Давай гулять, пока можно. Вот вернёмся в Петербург, небось, оттуда никуда не удерёшь! Посадят нас опять на хлеб и воду, а по субботам будут пороть для «успения в науках». Постой... слышишь?

За окном над островерхими крышами Марбурга вставал тонкий молодой месяц. Город затихал. Вдруг издали донеслось стройное пенье. Это студенты гурьбой проходили по улицам.

Внизу у калитки кто-то свистнул. Митя Виноградов ответил радостным свистком, прыгнул на окно, свесил ноги и, уцепившись за водосточную трубу, скользнул вниз. За ним молчаливо последовал Рейзер.

Широкоплечий Ломоносов, колеблясь, остановился перед окном, но когда песня опять грянула, и он различил звонкие голоса своих товарищей, махнул рукой и тоже прыгнул в окно.

В нижнем этаже у полуоткрытой ставни стоял старый профессор и перед сном курил трубку. Он видел, как три студента один за другим перебежали палисадник и скрылись за забором. Он не остановил их, но брови его озабоченно сдвинулись.

Отъезд

На другой день профессор не вышел пить кофе. Он в своём кабинете разбирал иностранную почту. Мальчики сидели за столом тихие, как мышки, виновато опустив головы. Густав Рейзер сонно хлопал глазами. У Мити Виноградова на лбу синела огромная шишка. Михайло Ломоносов был совсем грустный и, кончив уроки, засел в угол со своей тетрадью. Он морщил лоб, кусал перо и зачёркивал что-то в тетрадке. Он писал стихи.

Весь день мальчики особенно прилежно сидели над книгами, а на кухне старая Эмма отражала натиск горожан, пришедших к профессору с жалобами.

Старый сторож ратуши, стуча своей деревянной ногой, рассказал ей, что ночью студенты зажгли фейерверк на голове у памятника курфюрсту, плясали кругом и орали песни. Он хотел затрубить в рожок, чтобы созвать других ночных сторожей, но только дунул – из рожка вылетел едкий порошок и засыпал ему глаза. Пока он прокашлялся и прочихался – студентов и след простыл.

Экономка бургомистра жаловалась, что студенты напугали её до полу-смерти. Ночью в её окошко заглянула страшная морда с огненными глазами.

– Добрый вечер, – сказала морда и влетела в комнату. Это была выдолбленная тыква с зажжённой свечой внутри. Студенты насадили её на палку и подняли в окошко набожной старухи.

Лавочник принёс счёт за разбитое стекло, парикмахер – за чёртиков, нарисованных на вывеске, и, наконец, в кабинет профессора ворвался сам разъярённый юстиц-рат¹ и потребовал высылки из Марбурга студента Виноградова, разбившего нос его единственному сыну – долговязому Отто!

Вечером профессор позвал в свой кабинет Ломоносова. «Ну, верно отчитывает Михайлу!» – решили Виноградов и Рейзер.

Ломоносов вернулся от профессора бледный и заплаканный. Профессор получил приказ от Академии отправить бесшабашных студентов в Фрейберг к профессору Генкелю, который должен был обучить их горному делу и взять их в ежовые рукавицы.

«Студенты уехали отсюда двадцатого июля утром, – писал Вольф в Петербургскую академию. – Из-за Виноградова мне пришлось много хлопотать, чтобы предупредить его столкновения с разными студентами. Отъезд их освободил меня от многих хлопот... Когда они увидели, сколько за них уплачивается денег, они стали раскаиваться и не только извиняться предо мной, но и уверять, что они впредь хотят вести себя совершенно иначе и что я нашёл бы их совершенно другими людьми, если бы они только ныне явились в Марбург. При этом особенно Ломоносов от горя и слёз не мог вымолвить ни слова»².

В Фрейберге у профессора Генкеля³ их ждали строгая жизнь и занятия с металлами и минералами, за которые они взялись теперь с удвоенным жаром, уже не отвлекаясь ни на какие проказы.

Они изучили, как строить печи для выплавки металла из руд, как разрабатывать рудники, распознавать разные породы камней и рыть шахты.

¹ Юстиц-рат (нем. Justizrat) – советник юстиции, высокопоставленный представитель судебной системы.

² 28

³ В 1739 году студенты переехали во Фрайберг для изучения металлургии у берг-физика Иоганна Генкеля.

Кипа кружев

На Невской першпективе¹ близ моста через речку Фонтанную толпился разночинный люд. Там к высоким воротам, усыпанным сияющими площадками, подлетали раззолоченные придворные кареты.

– Посторонись, дай дорогу! – во всю глотку кричали скороходы в развевающихся лентах и перьях, огромными скачками бежавшие впереди карет.

Султаны из перьев колыхались над головами лоснящихся лошадей, золочёные колёса громыхали по дощатой мостовой, алые кафтаны гайдуков², стоявших как статуи на запятках³, развевались по ветру.

– Царица, царица едет! – крикнул кто-то, и дюжие квартальные осадили толпу. На дороге появилась карета, сверкавшая как солнце. В её золочёные стенки были вделаны зеркала. Зеркала сверкали даже на спицах колёс. За стеклом виднелась кипа кружев и лент, усыпанных бриллиантовыми блёстками. Это была царица Елизавета, дочь Петра.

– На колени! – рявкнул квартальный⁴ и бухнулся на землю, а за ним и остальные – торговки, мастеровые, инвалиды, и толстый купчина, и захожий мужичонка с узелком на батожке⁵, – полегли брюхом в студёные грязные лужи, которых по осени было немало на Невской першпективе.

Карета с кипой кружев пролетела в ворота.

Во дворце хрустальные люстры сверкали огнями свечей. На мраморных хорах играл оркестр крепостных музыкантов графа Разумовского. Царица Елизавета праздновала окончание постройки этого великолепного дворца⁶. В только что отделанных залах толпились придворные. То-то было блеска, сверканья и шелеста шелков!

Бархатный занавес, распахнувшись, открыл сцену. С потолка на верёвке спустили краснощёкого парнишку в рыжем парике с лирой в руках. Он изображал Аполлона – греческого бога. Звонким голосом пропел он стихи,

¹ *Невская першпектива* – одно из исторических названий Невского проспекта, главной улицы Санкт-Петербурга, соединяющей Адмиралтейство и Александро-Невскую лавру (другие названия: першпективная дорога к Невскому монастырю, Большая першпективная дорога, Большая Невская першпектива).

² *Гайдук* – (здесь) слуга, лакей высокого роста, который ездил на запятках или верхом возле экипажа.

³ Место для слуги, лакея сзади и снаружи старинных экипажей.

⁴ *Квартальный надзиратель* – представитель полиции, следивший за порядком в определённом городском квартале.

⁵ *Батожок*, батог – палка, использовавшаяся как трость или посох, или же палка для телесных наказаний (битьё батогами). Здесь имеется в виду узелок с вещами на палочке для удобства переноски.

⁶ Анахронизм: Елена Данько описывает празднование окончания строительства Аничкова дворца на Фонтанке (продолжалось с 1742 по 1751 год, в 1757 году Елизавета пожаловала его своему фавориту графу Алексею Разумовскому). В описываемых обстоятельствах приводимый ниже разговор с графом состояться не мог, ведь в 1748 году Виноградов уже формально возглавлял фарфоровую мануфактуру.

восхвалявшие Елизавету; затем опять с потолка спустились на верёвках девять девушек в разноцветных платьях. Кто с дудочкой, кто с циркулем, кто с маской в руках. Это были девять муз. Они тоже пропели поздравление Елизавете и протанцевали какой-то танец, боязливо косясь за кулисы, откуда француз-танцмейстер грозил им здоровенной дубинкой.

Столы ломились от множества блюд. Чего тут только не было! Индейки, начинённые орехами, телячьи уши, разварные медвежьи лапы, лосиные губы, жареная рысь и селёдочные щёки! У царицы и её министров приборы были из чистого золота. Посреди стола красовалась золотая горка с бриллиантовой буквой «Е». Банкет длился три часа.

Наевшись и напившись, гости стали хвалить драгоценные вещи, которые были во дворце, – и шёлковую французскую мебель, и мраморные статуи, и хрустальные люстры, а потом стали рассказывать, какие ещё бывают диковинки на свете.

Кто-то сказал царице, что у одного купца в Амстердаме есть зелёная обезьянка, такая маленькая, что в орех входит.

Царица, причудница и капризница, обернулась к графу Воронцову¹:

– Вот бы нам достать эту мартышку для украшения дворца!

– Будет исполнено, матушка-царица! – склонил Воронцов свой пудренный парик.

– А что же вы, барон, ничего о нашем дворце не скажете? – спросила Елизавета молодого саксонского посла, который весь вечер молчал и ничего не хвалил. – Думаю, что у вас в Саксонии такого блеска и роскоши и во сне не увидишь.

Саксонец вспыхнул:

– Точно, государыня, золотом и драгоценными камнями русский двор богаче всех дворов в Европе. Точно, государыня, не на золотых блюдах кушает саксонский король, а на простых фарфоровых, которым, однако, по красоте и благородству нет равных ни у кого. Я же – если и видел у вас фарфоровую посуду – так вся эта посуда саксонская, помечена саксонским гербом – двумя мечами², а русской такой не видал.

Чёрные брови Елизаветы сдвинулись. Ей стало обидно.

– Почему, граф, до сей поры в Петербурге порцелиновой фабрики не заведено? – гневно спросила она графа Разумовского.

– Будет исполнено, матушка-царица! – ответил Разумовский, пряча улыбку румяных губ в кружевной воротник. – Будет исполнено, на своём порцелине кушать будешь и другим государям в подарок пошлешь, матушка.

Так прихотливая царица решила судьбы зелёной обезьянки амстердамского купца и русской фарфоровой фабрики.

¹ Михаил Илларионович Воронцов (1714–1767) – граф, государственный канцлер, друг и покровитель Ломоносова. Данько подчёркивает его угодливость и недалёкость, историки же расходятся в оценке его характера и способностей.

² Клеймо в виде двух скрещённых мечей стало маркой мейсенского фарфора. 29

Плошки, шипя, догорали над воротами. Гайдуки и кучера толпились у сеней, поджидая господ. За воротами чёрной зияющей пустыней казалась Невская перспектива. Сквозь деревья редко-редко где сверкал огонёк.

Там и по всей огромной России «работные людишки» кровавым потом зарабатывали гроши, голодая и холодая, чтобы отдать их жестоким сборщикам налогов, чтобы сверкающая царица выстроила себе ещё один великолепный дворец, чтобы она заказала себе пятую тысячу платьев (у неё уже тогда было их четыре тысячи), чтобы граф Разумовский задавал роскошные пиры на золотой посуде.

На деньги, истраченные на один такой пир, можно было прокормить целую деревню в течение года.

Молодые учёные

Тёплым летним вечером по сходням голландского корабля сошли на петербургскую набережную два молодых человека с тощими дорожными мешками. Это были Виноградов и Рейзер. Они привезли из Германии изрядный запас знаний, большую охоту работать для русской страны и голодные молодые желудки.

Жадными глазами смотрели они на Петербург. В закатных лучах берега Невы казались нарядными. Пылали окна меншиковского дворца на Васильевском острове, кроваво краснели кирпичные стены Новой Голландии на противоположном берегу. Вдали золотился адмиралтейский шпиль¹.

Товарищи пошли разыскивать своего друга Ломоносова. Он вернулся на родину на два года раньше их и теперь уже работал в Академии наук.

В академическом доме сырая, тёмная лестница привела их к двум каморкам, где жил Ломоносов.

В облаках табачного дыма из-за стола, заваленного бумагами, встал им навстречу хозяин, радостно протягивая руки. За окном блестела Нева.

Когда гости уселись на колченогих табуретках, Рейзер окинул взглядом убогую каморку и сказал:

– Что ж, Михайло, говорят, ты теперь на царской службе, в славуходишь, а по жилью твоему сказать этого нельзя. Студенты в Германии и те почище живут.

¹ Перечислены заметные архитектурные сооружения в центре Петербурга: дворец Меншикова, облик которого сложился к 1727 году, здание Адмиралтейства на левом берегу Невы, отличавшееся от современного, но, как и сейчас, увенчанное металлическим шпилем с корабликом. Новой Голландией с 1730-х годов называют остров, образованный рекой Мойкой, Крюковым и Адмиралтейским каналами, за сходство с иностранным портом – на верфях Адмиралтейства и канале строили корабли. К 1738 году на острове появились деревянные амбары для хранения корабельного леса. Постройка каменных сооружений началась в 1763 году, так что кирпичных стен молодые учёные, вернувшиеся в Россию в 1744 году, видеть не могли.

Ломоносов усмехнулся.

– У Академии денег нет. Знаешь, чем жалование платят, не мне одному, а и старым учёным? Книгами. Бери книжки из типографии и продавай на рынке. А книжки у нас – товар неходкий. Грамотных людей мало. Кто до книжек охоч – студенты да профессора – у тех у самих денег нет, а купцы наши только божественные книжки читают, а не научные. Вот и сидим с книжками – да без денег.

– Миша, а помнишь, ты мечтал в Петербурге химическую лабораторию устроить, вышло из этого что-нибудь? – волнуясь, спросил Виноградов и, не дожидаясь ответа, прибавил: – Возьми меня в лабораторию, больно хочется мне по химии работать. Я, знаешь, у Генкеля опыты начал.

Ломоносов безнадежно махнул рукой:

– Подавал я заявления, просил Академию позволить мне лабораторию устроить. Подумай, первая была бы лаборатория в России. Ведь нам, химикам, работать негде – ни весов, ни приборов, ничего нет!..

– Ну и что же?

– Один ответ: денег нет. Нет денег у нас на науку, Митя! Ничего тут не поделаешь! Я как рыба об лёд бьюсь, чтоб академиков расшевелить. Они – как мухи сонные, только о наградах да чинах думают!.. Эх, говорить не стоит!..

Молодые люди сидели как в воду опущенные.

– Зачем же нас учили, – тихо спросил Виноградов, – если работать нельзя?

Ломоносов засмеялся:

– Можно работать, Митя, только трудно очень. Ещё мало у нас образованных людей – и вельможи наши, которые все дела вершат, сами едва грамотные. Ну, да ладно! Хотите, я лучше свои новые стихи прочту?

– Прочитай, прочитай, голубчик!

Ломоносов взял с полки толстую тетрадь серой бумаги и стал читать. От чтения глаза его оживились. Размеренные, звучные строфы говорили о прекрасной земле, об её глубоких морях, о бесчисленных звёздах, о чудесных науках, которыми занимаются люди. Он прочёл:

О вы, счастливые науки!
Прилежны простирайте руки
И взор до самых дальних мест.
Пройдите землю, и пучину,
И степи, и глубокий лес,
И нутр Рифейский, и вершину,
И саму высоту небес.
Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно...

В земное недро, ты, химия,
Проникни взора остротой,
И что содержит в нём Россия
Драги сокровища открой...¹

У Виноградова замирало сердце. Жить было хорошо. В окно была широко видна заря, и шпиль Адмиралтейства золотился в наступающих белых сумерках.

Шут

«... Я от всех доселе выписанных иностранных бергмейстеров ни одного не знаю, который бы Виноградова во всех частях горной науки чем перешёл, но многие ему и в равенство не пришли», – писал президент петербургской берг-коллегии, проэкзаменовав молодого Виноградова.

Берг-коллегия ведала горным делом, добычей руды из земли, выплавкой из неё металлов, поисками полезных минералов и глин.

Виноградов, поразивший петербургских учёных своими знаниями, получил звание бергмейстера². Но занятия ему пока не дали.

Пользуясь свободными летними днями, он бродил по Петербургу. Белые ночи не давали ему спать. Повсюду в городе он видел одно и то же.

Одинокими островками богатства и благополучия были немногие дворцы и дома вельмож – островками в огромном море нищеты и дикости.

Чем дальше отходил он от Адмиралтейства, чем больше углублялся в болотистые, лесистые дороги за заставами – тем резче бросалась в глаза ужасная нищета петербургских «рабочих людишек».

Хмурые, кривые землянки ютились над болотами. На верфях работали грязные, полуголые плотники. С зари до зари стучали они топорами, чтобы вечером упасть там же, где работали, на старые рогожи и забыться тяжёлым сном. Вдоль Невы бурлаки тянули баржи бечевой³. Спутанные, свалявшиеся от грязи космы волос падали им на глаза. На шеях наливались от натуги жилы, готовые лопнуть. Они кашляли кровью.

Там на людях возили камень и песок для построек. Здесь нищие с голодными глазами, одетые в ужасные лохмотья, показывали свои язвы, вымаливая грош. За заставами торчали колья. На них щерили синие губы страшные головы казнённых. А во дворцах светились огни, звучала

¹ Строки из «Оды, в которой Её Величеству благодарение от сочинителя приносится за оказанную ему высочайшую милость в Сарском Селе августа 27 дня 1750 года».

² *Бергмейстер* – горный инженер, здесь – чин, присвоенный за заслуги в изучении горного дела – устройства шахт и рудников, металлургии.

³ *Бечева* – толстый канат с лямками. Идущие по берегу реки бурлаки впрягались в него и тянули суда вверх по течению.

музыка и золочёные кареты подлетали к подъездам, высаживая из своей мягкой глубины сверкающих бриллиантами придворных.

Виноградов бродил по городу и думал: «говорят, у царицы Анны Иоанновны был шут. Он одевался так: одна нога в драном лапте и грязной онуче¹, другая – в шёлковом чулке и атласной туфле с серебряной пряжкой. Одна половина платья из рогож и дерюги, другая – из парчи и бархата. И на голове у него с одной стороны были шёлковые завитые кудри над нарумяненной щекой, а с другой щетинились грязные космы над измазанным сажей лицом. Не весь ли Петербург такой царский шут?»

Виноградов приходил к Ломоносову. Вместе с другими молодыми учёными они спорили, читали, делали опыты. Иногда Ломоносов читал свои новые стихи.

Тогда Виноградов забывал о страшном шуте.

Барон Черкасов

Виноградов получил приказ ехать в Москву и явиться к барону Черкасову, управляющему кабинетом её величества.

В доме Черкасова на Тверской было темновато и душно. Сени были заставлены огромными сундуками. По углам шептались какие-то старухи в старинных шушунах².

Барон Черкасов³, чернобровый толстяк, вышел к Виноградову в засаленном шёлковом халате, с лицом, ещё опухшим от вчерашнего кутежа.

¹ Онуча – длинная широкая полоса ткани, которой обматывают ступню и голень при обувании в лапоть.

² Шушун – старинная русская женская распашная одежда в виде кофты или короткополой шубки, реже в виде рубахи или сарафана

³ Барон Иван Антонович Черкасов был кабинет-секретарём, т.е. возглавлял личную канцелярию императрицы Елизаветы. Ему поручили организацию фарфоровой фабрики и надзор за ней.

Он хмуро взглянул на молодого учёного и приказал подать себе квасу. Он не подумал пригласить Виноградова сесть.

– Её императорскому величеству угодно порцелиновую фабрику в Петербурге учредить, – хмуро сказал Черкасов, отхлебнув квасу. – Для той фабрики выписали мы из Стокгольма немецкого мастера, в порцелиновом деле зело искусного. Чтобы порцелиновой секрет в русских руках был, и сей мастер не вздумал бы оного таить или с ним уехать, а нас на бобах оставить, порешили мы тебя к этому делу приспособить. Смотри, учись, примечай, как мастер посуду делает и (тут Черкасов стукнул кулаком по столу) чтобы к Пасхе её величеству фарфоровый презент был готов!¹ Ступай!

Виноградов молча повернулся к двери.

– Нет, постой! Возьми в канцелярии бумаги и там узнаешь, что тебе надлежит делать!

И барон Черкасов, довольный тем, что одно дело свалил с плеч, отправился подсчитывать свои карточные долги и готовиться к званому обеду.

Виноградов пошёл в его канцелярию, где запуганный писец с гусиным пером за ухом сказал ему, чтобы он ехал в Гжель.

Гжель

Испокон веков гжельские гончары свозили в Москву горшки, миски, кувшины своего изделия. Они наполняли московские базары весёлыми шутками и звоном блестящей красно-коричневой посуды.

В гжельских оврагах под Москвой залегали разные годные для гончарного дела глины. Здесь брал глину для своей фаянсовой посуды и купец Афанасий Гребенщиков. Он встретил Виноградова, приехавшего на телеге из Москвы, у избы, отведённой для приезжих.

– Ну, здравствуйте, – сказал он, – за глиной приехали? Так-так, фарфоровую фабрику строить будете? Ну, ну, – поглядим! Мы люди тёмные да неучёные, а вы на немецкий манер выучены. Вам и книги в руки!

Гребенщиков поглаживал свою седую бородёнку, и глаза его недоброжелательно и хитро поблескивали из-под косматых бровей.

Виноградов вспомнил, что Гребенщиков сам хотел делать фарфор, да у него не вышло. Теперь он был недоволен, что это поручено другим.

– А что, немецкий мастер приехал? – спросил Виноградов.

– Как же, как же! Сидит спесь, ножки свеса, тебя ждёт! – уже совсем недружелюбно ответил Гребенщиков и пошёл в избу. Виноградов последовал за ним.

– Ах, майн герр!¹ – бросился к нему навстречу худой человек с вязанным шарфом на шее. – Ах, майн герр! Как я рад, что вы наконец приехали. Никто здесь по-немецки не понимает, какие-то дикари кругом; старик этот, между нами говоря, просто плутует со мной, – тараторил по-немецки незнакомец.

– Моё имя – Гунгер, Конрад Гунгер², – сказал он, пожимая протянутую руку Виноградова... – Я – арканист, изобретатель саксонского фарфора. Будем друзьями!

– Как? – спросил Виноградов, – ведь изобретателем фарфоровой массы, я слышал, называли Иоанна Бёттгера?

– Мы с ним вместе, вместе работали, – заторопился Гунгер, – ах, какой это был друг! Бывало, обнимет меня и скажет: «Если бы не ты, Конрад, я бы никогда не сделал фарфора». Увы! Его уже нет в живых! – Гунгер вытер глаза грязноватым платком.

– Что же, будете ямы смотреть? – грубовато спросил Гребенщиков. – Не ровён час, снегопад начнётся, тогда несподручно будет глину доставать.

Они втроем вышли из избы и отправились к ямам, откуда добывалась глина.

«Мылянка» и «песчанка»

В большом сарае они поставили кадки и чаны для промывания глины. Виноградов объездил и обошёл все окрестные ямы, где только добывалась глина. Куски сухой глины были сложены под навесом.

¹ *Mein Herr* (нем.) – мой господин, уважительное обращение.

² Христофор *Конрад Гунгер* был позолотчиком из немецкой земли Тюрингии. Познакомившись в Дрездене с Бёттгером, пытался вывести секрет фарфора. Затем выдавал себя за арканиста, получил рекомендации как специалист по организации фарфорового производства. Однако секрета фарфора он, вероятно, так и не узнал. Гунгер умел преподнести себя знатоком, обрисовать заказчикам заманчивые перспективы. Он не смог устроить завод ни в Вене, ни в Венеции, ни в Швеции, но всё же в 1744 году был приглашён в Россию для поиска местного сырья и устройства завода. Д.И. Виноградов был назначен помощником арканиста. ^[31]

Они искали такую глину, из которой можно было бы делать фарфор. Белая глина из деревни Жировки, которую звали «мылянка», показалась Гунгеру подходящей.

– Это для фарфора, – сказал Гунгер.

Виноградов удивился. При промывании от этой глины очень трудно было отделить песок; от другой глины, «песчанки», песок отделялся легко.

– Вы ничего не понимаете, молодой человек, – сухо сказал Гунгер. – Позвольте мне лучше знать, я устраивал фарфоровые фабрики и в Вене, и в Венеции и в Стокгольме. Ваша «песчанка» годится только для кирпичей, – и он передал Гребенщикову через Виноградова, чтобы тот приготовил и отправил в Петербург две тысячи пудов¹ «мылянки» и шесть тысяч пудов «песчанки».

Гребенщиков замахал руками:

– Да в уме ли он, твой немец? Да у нас такой уймы глины никогда не копали, да где же её копать-то зимой?

Гунгер требовал, Гребенщиков не соглашался. На помощь пришёл Виноградов. У гончаров, гжельских крестьян, была с лета накопана глина, сколько нашли, столько и купили и отправили в Петербург.

Дорога

Гунгер и Виноградов, кончив промывание глин, тоже выехали в Петербург, в крепкие рождественские морозы по санному пути. Они ехали девять дней.

Гунгер зябко кутался в шубу и не уставал бранить Россию и русских. Ему казалось, что с ним все плохо обращаются.

– Не забудьте, что я арканист саксонского короля, – говорил он, – я привык, чтобы меня уважали. Любой король в Европе будет благодарен, если я предложу ему свой секрет.

Потом Гунгер начинал клевать носом и, неожиданно проснувшись от толчка на ухабе, говорил:

– Я подал просьбу царице Елизавете, чтобы она пожаловала мне золотую медаль за изобретение. Как вы думаете, получу я эту милость?

– Но ведь мы ещё не сделали фарфора из русских глин, – отвечал Виноградов.

Кругом простирались снежные равнины. В снегу серели редкие убогие деревушки. Днём путникам попадались по пути крестьяне на худых лошадаёнках, уныло тащивших в город какую-то поклажу.

¹ Пуд – русская мера веса, равная 16,3 килограмма. Мастер заказал примерно 32 600 кг и 97 800 кг глины.

Конвойные солдаты вели каторжников. Цепи гремели на их посиневших от мороза руках. У иных из них лица были заклеены железом, а ноздри вырваны¹.

Встретив партию каторжников на одном почтовом дворе², Виноградов спросил одного арестанта, за что его заклеили.

– Не только заклеили, батюшка, батогами со спины кожу трижды спустили. Я на барины руки поднял, – ответил каторжник.

– С чего же ты так?

– А он моего сынишку велел собаками затравить. Собаки, презлющие, на медведя ходили. Сынишка в дворовых служил у барина, да не угодил чем-то, так за то.

По ночам над снежными равнинами вставали звёзды. Вдалеке завывали волки. Сидя в санях рядом с дремавшим Гунгером, Виноградов думал об огромной, несчастной русской стране.

Иногда, глядя на небо, он вспоминал стихи Ломоносова и потихоньку твердил их про себя:

Лицо своё скрывает день,
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы чёрна тень,
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна звёзд полна;
Звездам числа нет, бездне – дна³.

Тогда жить становилось легче.

На кирпичных заводах

– Но это невозможно! Это ужасно! – ярился Гунгер, бегая по небольшой светлице в бревенчатой избе. – Я не затем сюда приехал, что бы меня отправляли куда-то на край света, в тёмную дыру, в болото! И это, вы говорите, – место для фабрики? Фарфоровая фабрика должна быть при дворе! Там я мог бы блеснуть моим искусством! Я привык к хорошему

¹ В первой половине XVIII века действовали указы Петра I, предписывавшие преступников, виновных в разбое и воровстве, клеймить, у тех, кто уже заклеимён – вырывать ноздри, а у осуждённых на вечную каторгу – вырезать ноздри. Клеймение производили с помощью специальных штампов с иглами, которыми наносились ранки, затиравшиеся порошком для долговечности клейма. Вырывание ноздрей было отменено в 1817 году, а клеймение – в 1863 году.

² Почтовая станция, где путешественники меняли уставших лошадей на свежих.

³ Первая строфа оды М.В. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» 1743 года.

обществу, я живал во дворцах, а меня засадили в какую-то яму! Я не стерплю этого, я сейчас же напишу жалобу императрице!

И, схватив лист бумаги, Гунгер писал, ожесточённо разбрызгивая чернила гусиным пером.

Его и Виноградова отправили на кирпичные заводы, устроенные ещё при царе Петре на левом берегу Невы, среди болотистого перелеска. Здесь они должны были строить фарфоровую фабрику¹.

Виноградову тоже было грустно. Десять вёрст дороги, совсем непроходимой в осенние дожди, отделяли его от города, от книг, от других молодых учёных и от друга – Ломоносова. Но главное было – поскорее бы начать работу, поскорее бы сделать фарфор, тогда, может быть, фарфоровую фабрику переведут в город, если Елизавета будет милостива.

Они с Гунгером поселились в одной половине бревенчатой избы, а в другой Гунгер хотел устроить точильное отделение. По указанию Гунгера строился амбар для обжигательной печи. Гунгер распоряжался, Виноградов переводил его требования на русский язык и смотрел за исполнением работ.

Черкасов скупился на деньги для фабрики.

– Нечего деньги бросать! – говорил он, когда Гунгер просил сделать на амбаре для печи черепичную крышу. – Нечего деньги бросать! – повторял он и отказывал Гунгеру в просьбе устроить каменный пол в избе, где будут промывать глину. Он не понимал, что черепичная крыша не загорится от вылетающих из печной трубы искр, что каменный пол предохранит глину от пыли.

– Работайте поскорее! – говорил он и прислал Гунгеру маслёнку из саксонского фарфора для образца.

А на новой фабрике дело не двигалось. В избах протекали крыши, рабочие не получали жалования. Что бы ни приказал Гунгер, всё приходилось переделывать. Управляющий кирпичным заводом, итальянец Трезин², ссорился с Гунгером.

«Разговоры от Гунгера очень довольно приличны, а что будет впредь какой от него плод, мы не знаем, – писал Трезин Черкасову, – а слышали мы, что был он в Египте и в Венеции, в Вене и потом в Швеции, но нигде будто плода от него не принесено, а правда или нет, впредь подлинно окажется».

Так прошёл год.

¹ Первые кирпичные заводы построили на левом берегу Невы в селе Рыбачкое, затем – на реке Славянке (Славянские заводы) и вблизи Александро-Невской лавры (Черноречские). Между ними и было выбрано место для будущего фарфорового завода.

² Пётр Трезин (Пьетро Антонио Трезини) – швейцарский архитектор. Учился в Италии, работал в основном в Петербурге (не путать с Доменико Трезини, которому он приходился дальним родственником). В 1742–1751 годах был главным архитектором города, в том числе руководил его кирпичными заводами.

Виноградов тосковал. Гунгер, запершись в своей комнате, что-то проделывал с глинами. Он не пускал Виноградова взглянуть хоть одним глазком на составление массы. Он не позволял Виноградову самому брать глину и делать с ней опыты. Он не хотел делиться ни с кем секретом фарфора. Виноградову ничего не оставалось делать, как переводить на русский язык распоряжения Гунгера или писать под его диктовку длинные жалобы Черкасову. Для того ли учился он химии?

Гунгер приказал рабочим толочь алебастр для массы в чугунных ступках.

– Мейн герр, – сказал ему Виноградов, – не лучше ли толочь алебастр в каменных ступках? От чугуна могут отскочить частички, они попадут в массу вместе с алебастром и испортят посуду при обжиге. Ведь металл при нагревании расширяется иначе, чем глина.

– Нет! – закричал Гунгер. – Кто из нас директор фабрики – я или вы? Вы во всё суёте ваш нос. Я не позволю вам больше ходить в мастерские!

В долгие осенние вечера Виноградов читал при свече в своей избе и переводил на русский язык латинские стихи. Он сделал полочку для книг над своей кроватью и, когда у него бывали деньги, ездил в город и покупал книги и журналы.

Однажды, вернувшись домой, он заметил, что кто-то рылся без него в его тетрадках со стихами и читал книги.

Это Гунгер подсматривал, что пишет Виноградов, не открыл ли он секрет массы? Тогда Виноградову опостылело писанье, и он стал уходить из дому.

В белые летние ночи Невские берега были пустынные. Круглая луна вставала над лесистым мысом. По реке тихо скользили плоты. Костры на плотях бросали на воду красные отсветы. Из-за реки доносилось пенье.

Виноградову вспомнились студенческие песни в Марбурге.

Он сажился в челнок и сильно грёб, пересекая реку наискосок. За рекой, в посёлке Весёлом¹, молодёжь водила хороводы, и бойкая чухонка² торговала вином. Туда уезжал Виноградов от гложащей тоски на фабрике, где ему не давали работать.

Однажды, вернувшись вечером домой, Виноградов заплулся в сених за что-то мягкое и кубарем полетел на пол. Потирая ушибленное колено, он зажёл свечу. На полу, поперёк двери, храпел один из фабричных сторожей.

¹ В наше время *Весёлым посёлком* называют исторический район Петербурга на правом берегу Невы, ограниченный проспектом Большевиков и улицей Дыбенко. Есть несколько версий происхождения его названия, но все они относятся к XIX веку. Вероятнее всего, во времена Виноградова на этом месте было лишь небольшое финское поселение.

² Чухна́, чухонцы – прежнее простонародное название карело-финского населения окрестностей Петербурга.

– Что ты тут делаешь? – спросил Виноградов, растолкав спящего. Сто-
рож зевнул и, почесав в затылке, ответил:

– Да, вишь, Дмитрий Иванович, немец мне наказал!..

– Что немец наказал? Под дверью валяться?

– Точно так, Дмитрий Иванович, тебя сторожить наказал. Как придёт
домой Виноградов, так, говорит, беги ко мне и скажи. Я, говорит, мини-
стру Черкасову отпишу, как он по ночам шляется.

Виноградов вспыхнул. Гунгер за ним шпионил.

– Прикажете к немцу пойти? – спросил сторож, подбирая одежонку
с пола.

– Нет, я сам пойду!

Виноградов распахнул дверь в комнату Гунгера. Гунгер высунул нос
из-под одеяла и опять спрятался.

– Вы не смеете шпионить за мной! – крикнул Виноградов. – Вы не
даёте мне работать, не пускаете меня в мастерские, а теперь ещё хотите
доносить на меня!

– Не кричите на меня, молодой человек, – вдруг заорал Гунгер, и ки-
сточка на его ночном колпаке подпрыгнула вверх. – Я – ваше начальство!

– А! – Виноградов ударил деревянной табуреткой о пол и выбежал из
комнаты.

На следующий день Черкасов получил жалобу, написанную рукой
Гунгера.

Гунгер плакался, что «вчера в 11 часов ночи, паче чаяния» к нему во-
рвался Виноградов с палкой и кортиком в руках и угрожал его жизни.
«Таким образом я здесь в России отпотчеван нахожусь! Я на фабрику до
тех мест не пойду, пока сей безбожный человек при оной быть имеет!»

«Безбожного человека» не отпустили с фабрики, но его вовсе отстра-
нили от дела. Гунгер боялся, что учёный химик скорее, чем он сам, сдела-
ет фарфор. Так прошёл ещё год.

Арканист-неудачник

Виноградов был прав. От глины «мылянки» плохо отделялся песок.
Из неё нельзя было делать посуду. Гунгер старался сделать фарфор из
«песчанки». Из первого обжига посуда вышла непрозрачная, без глянца
и жёлтого цвета. Она была не похожа на фарфоровую.

– Это оттого, что печь топилась сосновыми дровами, – сказал Гунгер.

Ему привезли берёзовых дров. Из этого обжига посуда вышла ещё
хуже. Гунгер сказал, что плохо сложили печь. Печь переделали. Посуда
вышла ещё желтее. Печь опять переделали. Вместо посуды из обжига
вышли какие-то жёлтые лепёшки.

– Кто-то заколдовал печь! Это нечистая сила наворожила! – говорил
Гунгер, сам жёлтый от злости, как его посуда. Он опять запёрся в своей

комнате и что-то делал с глинами. Он клялся Черкасову, что он «всё порцелинное искусство и науку совершенно знает», и, если его оставят в покое, он через год покажет «существительную порцелиновую пробу, которая саксонскому порцелину ни в чём не уступит».

Год не принёс ничего нового. Гунгер не знал секрета фарфора. Тогда он предложил устроить царице уже не фарфоровую, а фаянсовую фабрику. Черкасов в ответ послал ему «апшит»¹ – приказ о том, что он уволен, и паспорт для выезда из России.

Так кончилась работа в Петербурге таинственного «арканиста», какие тогда странствовали по всей Европе, хвалясь знанием «китайского секрета» и соблазняя то одного, то другого тщеславного царька устройством фарфоровой фабрики.

Пирушки с Бёттгером не научили Гунгера химии.

Черкасов поручил Виноградову сделать фарфор.

Победа химии

«Дело порцелина химию за основание и за главнейшего своего предводителя имеет», – писал Виноградов в своём журнале, куда тщательно записывал все свои опыты с глинами.

По его просьбе со всех концов России ему прислали образцы разных глин – из Смоленской губернии, из-под Чернигова и даже из Сибири. Он работал дни и ночи, радуясь, что ему можно работать, как когда-то работал Бёттгер в павильоне над Эльбой².

Из гжельских глин он выбрал глину «чернозёмку», сероватого цвета. Он стал подбавлять к ней кремень или кварц и алебастр.

Глину распускали в воде, много раз процеживали через сита, потом сушили в печах. Кремень или кварц прокаливали в горнах, потом толкли в ступках, теперь уже не чугунных, а каменных. Потом мололи на мельницах так, чтобы кремень и кварц превратились в мелкий порошок.

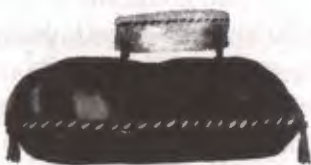
Потом Виноградов смешивал глину, кремень или кварц и алебастр и пробы обжигал в печи. Он без конца делал опыты, прибавляя то больше кремня, то больше алебастра, потому что от того, сколько войдёт в массу того или другого, зависела белизна и крепость посуды.

Посуду обжигали сначала в небольших угольных горнах – «откаливали», потом расписывали её синей краской – кобальтом³ – и покрывали глазурью.

¹ От нем. *abschied* – уход, увольнение.

² Про свои самостоятельные эксперименты Виноградов позже писал: «Заведён я был в такой лабиринт, по которому чрез 10 лет бродя насилу ещё теперь бродя выходить начинаю, а той Ариадны нет, которая бы такой клуб ниток дать могла, по которому бы мне без заблуждения на прямую дорогу попастьца возможно было».

³

Глазурь состояла тоже из кремня и алебастра, к которым подбавляли мел. Потом обжигали посуду ещё раз, и она становилась белой и блестящей¹.

Прошёл год – и Черкасов, сияя от удовольствия, поднёс царице Елизавете белую табакерку из настоящего фарфора. Это сделал Виноградов.

В те времена все вельможи, придворные дамы и сама царица нюхали табак. Фарфоровые табакерки понравились всем.

Их делали в форме почтового конверта, на лицевой стороне чёрной краской писали адрес, как указывал заказчик. «Мадемуазель брюнеточке с нежным сердцем», – велел написать один надушённый щёголь с мушкой на щеке, заказывая табакерку для своей невесты.

Но больше всего табакерок нужно было царице Елизавете. Она дарила их своим придворным в знак милости и послала их даже в Англию в подарок лордам Гиндфорду² и Нительтону.

В то же время Виноградов делал маленькие чашки, блюдечки, соусники, вазочки, маслёнки, солонки, баночки.

Он составлял краски, чтобы расписывать белую посуду.

Его посуда была не хуже саксонской, но Черкасов обижался, что все вещи маленькие. «Делай чем толще – тем лучше, – писал он Виноградову, – работай прилежнее, чтобы её величеству можно было хорошее и крупное поднести, чтобы выйтить из нарекания того, будто мы её величество обманываем».

Виноградов никого не обманывал. Он построил большую печь, которая топилась дровами. Её топили, всё усиливая огонь, двадцать четыре часа, пока он «так жесток станет, что всё будет журчать и шуметь».

¹ Самое раннее дошедшее до нас изделие Виноградова – фарфоровый ставок (хранится в музее керамики в Кускове под Москвой), имеющий на дне кобальтовую подглазурную марку «1748/W». В музее Императорского фарфорового завода (ИФЗ) также есть ранние изделия Виноградова – фигурка медведя и пробная чашечка.

² Лорд Джон Гиндфорд – английский посол при дворе Елизаветы.

Через восемь часов такого «журчания» фарфор становился белым и твёрдым. Печь наглухо закрывали, и она остывала 3–4 дня.

Тогда фабрика стала делать большие вазы, блюда и тарелки¹.

Царица могла гордиться. Русский фарфор был не хуже китайского и саксонского.

Фигурка Атласа

Виноградов держал в руке фарфоровую фигурку, только что вынутую из печи. Это был Атлас-силач, поднявший на плечи земной шар. Шар земной, – тоже сделанный из фарфора, – был слишком тяжёл для плеч фарфорового силача. Когда в обжиге глина сплавлялась с кремнем и алебастром в жестоком огне, фарфоровый шар так надавил на плечи бедного маленького Атласа, что ноги у него подогнулись и вся фигурка накренилась вперёд. Такой искривлённой вышла она из обжига.

Это повторялось каждый раз, когда эту фигурку делали из фарфора и ставили в печь.

– Бедный Атлас! – сказал Виноградов. – Надо сделать шар полегче и поменьше, тогда ты не будешь выходить таким уродом.

И ему показалось, что он сам похож на этого Атласа, готового упасть под тяжестью непосильной ноши².

Завод выпускал прекрасный фарфор. Царица Елизавета награждала барона Черкасова орденами. О Виноградове вспоминали только тогда, когда нужно было исполнить какой-нибудь сложный заказ.

Ему забывали платить жалованье. Иногда целая треть его жалованья удерживалась кабинетом её величества. Рабочим тоже не всегда платили. Виноградов выбивался из сил, чтобы рабочим увеличили жалованье.

Его лучший помощник, неучёный, но способный мастер, Никита Воинов³, получал в месяц всего три рубля, да два четверика муки, да один гарнец⁴ круп. А другие – и того меньше. В избах всё так же текли крыши, и от сырости был «дух дурной нестерпим».

¹ Первая печь для обжига крупных изделий была построена под руководством Виноградова в 1756 году, этим же годом датируют и первый императорский фарфоровый сервиз «Собственный сервиз императрицы Елизаветы Петровны». ^[33]

² К 1752 году наработанный опыт позволил Виноградову начать создавать фарфоровые статуэтки. Известно о его попытке создать фигурку Атласа, несущего мир на плечах, и о том, что она была испорчена при обжиге. К этому же периоду относится фигурка сидящего на корточках крылатого Купидона.

³ Никита Воинов происходил из мастеровых, т.е. был необразованным, и состоял при Фарфоровом заводе с 1745 года. Он был выбран в качестве доверенного лица, которому Виноградов должен был передать все важнейшие сведения о технологии производства фарфора. Воинов стал его учеником, а затем и преемником. ^[34]

⁴ Гарнец – мера объёма сыпучих тел, 1 гарнец равен примерно 3,3 литра.

Рабочих секли за все провинности. Командовать фабрикой был поставлен подполковник Хвостов¹, грубый и злой человек.

Хуже всего приходилось первому живописцу завода, Ивану Чёрному². Он был крепостной дворовый графа Черкасского, но не хотел всю жизнь быть графским лакеем. Потихоньку он учился рисованию и золотых дел мастерству. Научил этому и своих сыновей. Он стал золотых дел мастером. За это его наказали плетью и отдали в услужение графу Шереметеву. Он послал челобитную царице, чтобы его с сыновьями взяли на фарфоровый завод расписывать табакерки. Черкасов принял его на завод, а граф Шереметев требовал, чтобы его «служителя» вернули обратно.

Старик Чёрный и его сын Андрей ненавидели рабство и гнёт. Они вечно бунтовали. Их умирал барон Черкасов.

Вот как написано в приказе Черкасова по заводу от 1753 года.

«Живописца Чёрного велеть держать на цепи, а жалование ему давать по вашему рассмотрению, и чтобы работал всегда. Буде же будет упрямиться, то его извольте высечь, да и жену его поближе держать и, ежели явится в продерзости, тоже высеките».

Закусив губы до боли, глядел Виноградов, как живописец Чёрный, скрючившись от цепи, натиравшей ему шею, тоненькой кисточкой рисовал на табакерках портреты румяной царицы Елизаветы³, или розовых амуров, или голубых пастушков с овечками.

Вся Россия была под кнутом, на цепи, под вечной угрозой пытки.

Иногда Виноградову этот гнёт тоже становился нестерпимым. В нём пробуждался вспыльчивый мальчик, который когда-то в Марбурге приводил в отчаяние старого Вольфа своими драками с немецкими студентами.

Тогда в припадках бешенства он ломал всё вокруг себя. Он готов был покончить с собой, только бы не работать для прихоти тупых, разжиревших вельмож и бело-розовой царицы Елизаветы, по мановению пальчика которой людей посылали в тюрьмы, морили на каторге, клеймили железом и сажали на кол.

Об этих припадках директора фарфорового завода донесли барону Черкасову.

Черкасов приказал отобрать у Виноградова оружие и яды, запретить все рабочие помещения и кладовые, никуда его одного не пускать, «дабы с десперации⁴ не сделал чему гибели разломанием или сожжением, или над собою какого зла».

¹ С 1752 года фабрикой руководил подполковник Хвостов, который ввёл суровый, почти тюремный режим.

² Иван Алексеевич Чёрный, крепостной крестьянин князей Черкасских, известен как первый живописец Фарфоровой мануфактуры. ^[35]

³ При Елизавете большую популярность приобрели так называемые пакетовые табакерки – в форме почтового пакета (то есть сложенного вчетверо листка), они стали одними из первых изделий массового выпуска при Виноградове. ^[36]

⁴ От лат. desperatio – безнадёжность, отчаяние.

Виноградову стало ещё хуже. Тогда Черкасов приказал посадить его на цепь. Грубый полковник Хвостов, гремя цепями, вошёл в комнату, где работал Виноградов, и велел приковать его к стене так, однако, чтобы он мог подходить к столу и писать. Черкасов требовал, чтобы Виноградов написал всё точно и подробно о том, как делается фарфор.

И Виноградов писал, сидя на цепи, «Обстоятельное описание чистого порцелина, как оный в России при Санкт-Петербурге делается, купно с показанием всех к тому принадлежащих работ»¹.

Хвостов приходил оскорблять его.

– Дождался учёный, что на цепь посадили! – издевался он, – смотри, смиренно сиди, а не то и палки дождёшься!

Виноградов гордо молчал. А когда его оставляли одного, он опускал голову на стол, и ему вспоминалась фигурка Атласа, покачнувшаяся под непосильной тяжестью. За окнами плавно и спокойно текла Нева.

– Нет, нельзя так. Я, кажется, сойду с ума! – думал Виноградов. Он решил написать Черкасову.

«За что я не примусь, то почти всё у меня из рук валится, и в мыслях моих всё странное вселяется: то какого здравого рассуждения там ожидать, где только одно беспокойство жилище своё имеет. Команда у меня вся взята, я объявлен всем арестантом: я должен работать и показывать, а работные люди слушать и повиноваться должны другому. Меня грозят вязать и бить без всякой причины...» – писал Виноградов Черкасову.

Тогда его освободили от цепи. Ему приказали скорее кончить своё «Описание чистого порцелина» и научить всему производству своего помощника, Никиту Воинова.

Виноградов деятельно взялся за это дело, но описания не успел окончить. Он заболел и через три дня умер, хотя ему не было ещё сорока лет².

А завод продолжал работать, выпуская прекрасный фарфор, которым хвалилась царица Елизавета перед другими государями.

¹ До нас дошли подлинные работы Д. Виноградова – «Заметки о фарфоре» в виде журнальных записей и рукопись «Обстоятельное описание чистого порцелина как оной в России при Санкт-Петербурге делается купно показанием всех к тому принадлежащих работ», сохранившаяся фрагментарно: исчезли главы с описанием составления различных фарфоровых масс и глазурей к ним, разделы, объясняющие, как вести предварительную обработку материалов. В дошедших до нас двух частях рукописи описываются природа фарфора и его свойства, вопросы обжига, устройство печей, красок и формовки.

² Точная дата рождения Виноградова неизвестна, а соответственно, и возраст. Об обстоятельствах его смерти также известно немного, причина смерти не была установлена, сведений о погребении не сохранилось. Предположительно, он был похоронен на Спасо-Преображенском (Фарфоровском) кладбище неподалёку от фабрики. В 1960 году на новом корпусе завода была размещена мемориальная доска.

Как проходили годы

Прошли годы. Царь Пётр III велел Михайле Ломоносову, великому поэту, физику и химику, взять в свои руки фарфоровый завод. Но не успел Ломоносов начать работу, как царь, великий капризник, велел ему оставить это дело.

Так и не пришлось заводу поработать с Ломоносовым¹.

Проходили годы. Разные князья и бароны управляли заводом и получали ордена. В мастерских завода прилежные мастера работали всё искуснее.

Опытные токаря вытачивали вазы и причудливые кофейники. Живописцы тоненькими кисточками расписывали посуду так, что она горела и переливалась разными цветами. Скульпторы лепили фигурки людей и животных.

Все фарфоровые вещи шли на подарки иноземным принцам и на украшение дворцов. Цари гордились своим фарфоровым заводом.

Однажды к берегу Невы против заводских ворот причалила целая флотилия шлюпок с развевающимися флагами. Под звуки музыки из одной шлюпки вышла стройная женщина, опираясь на руку блестящего вельможи. Она вошла в заводские ворота, и её парчовое платье прошуршало по всем мастерским от глиномялки до живописной. Она хотела знать и видеть, как делается фарфор. Потом она заказала фарфоровую чернильницу для себя, потому что любила писать, и великолепный сервиз для блестящего вельможи, который предпочитал задавать пиры.

Это была царица Екатерина II. Только царям было можно ходить по заводским мастерским, ведь секрет фарфора всё ещё держался в тайне.

Однажды к воротам завода подскакали два всадника. Они спешили и тоже пошли по мастерским. Младший из них, курносый и большеротый, кажется, не хотел знать, как делается фарфор. Он только дурачился в мастерских. Начальники завода склонялись перед ним в три погибели.

Это был будущий царь Павел I со своим воспитателем Паниным².

¹ [37]

² Граф Никита Иванович Панин, дипломат и политик, был наставником будущего императора Павла I и оказывал значительное влияние на своего воспитанника вплоть до его первой женитьбы в 1773 году. [38]

Годы шли, менялись цари, менялись начальники. В мастерских заводу прилежные мастера делали прекрасную белую посуду. К заводу пристраивали новые флигеля, на завод привозили новые машины.

Наступали новые времена. Толстые клячи тащили из города вагоны конки¹ за Невскую заставу. На обоих берегах Невы выросли кирпичные трубы заводов. На лесистом мысу, где Виноградов встречал восход луны, встал каменный гигант – Обуховский завод². Рабочие посёлка усыпали своими кривыми, подслеповатыми домами прежний болотистый перелесок.

На фабриках вблизи фарфорового завода стали по вечерам собирать рабочие. Люди из города привозили им книги и газеты и говорили о том, что пора рабочим спихнуть жадных и ленивых царских вельмож и взять власть в стране в свои руки.

Полицейские, прячась под окнами, старались подслушать, что говорилось на этих собраниях. Царские сыщики в гороховых пальто³ следили за людьми из города. Больше всего им хотелось поймать на собрании одного человека, коренастого, с большим круглым лбом, но это им не удавалось, потому что рабочие его любили и всегда предупреждали об опасности.

Этот человек, на которого охотилась полиция, был Владимир Ильич Ленин.

Проходили годы. Коночных лошадей сменил смешной паровичок. Он пыхтел и посапывал, как вскипевший чайник, таща за собой вагоны. Утром и вечером в его вагонах ехали рабочие. Было темно, как в бочке, только у кондуктора на груди мерцала масляная лампочка, покрывая густой копотью его нос.

Пришёл четырнадцатый год. Началась война. Эшелонные поезда увозили солдат на фронт в страшные сырые окопы. И обратно, с фронта, приходили поезда, выгружая на серые платформы ужасный, полумёртвый-полуживой груз – безногих и безруких калек, раненых, истекавших кровью, и слепцов, чьи глаза выел ядовитый газ⁴. На фарфоровом заводе устроили лазарет⁵.

Однажды в живописную мастерскую вошёл небольшой растерянный человек в военном мундире. За ним вошло столько генералов и офицеров, что в мастерской сразу стало тесно.

¹ Конка, или конно-железная дорога, – общественный транспорт: вагон, который тянула по рельсам пара лошадей, управляемая кучером. Конку сменил паровик, трамвай с паровым двигателем.

² Сталелитейный и машиностроительный Обуховский завод основан в 1863 году на Шлиссельбургском тракте, т.е. сравнительно недалеко от фарфорового завода.

³ Словосочетание «гороховое пальто» стало обозначением сыщика, доносчика. ³⁹

⁴ В 1915 году было впервые применено химическое оружие – отравляющие газы иприт и фосген. Попадание в глаза капельно-жидкого иприта грозило слепотой.

⁵ В середине XVIII века на территории завода были построены лазарет, аптека, богадельня. Вероятно, в годы Первой мировой, когда возросло количество раненых, поступавших с фронта, были задействованы и эти помещения.

Невысокий человек с седеющими висками потребовал, чтобы ему показали фарфоровые глаза, потому что этот завод делал тогда фарфоровые глаза для солдат, ослеплённых газами¹. Человек нагибался над пледами живописцев и разглядывал, как они тонкой кисточкой рисовали зрачки на фарфоровых глазах.

Он остался доволен работой.

Высокая, длинноносая женщина с узкими злыми губами, приехавшая вместе с ним, отобрала тем временем сотни фарфоровых яичек, чтобы христосоваться на пасху с ранеными солдатами².

Это были последние самодержцы³. Так заботились они о солдатах, которых посылали на гибель. Он заказывал фарфоровые глаза, а она – фарфоровые яички.

Но вот drobный треск выстрелов на улицах, шумные митинги на заводах и бледные лица полицейских, убегающих от рабочих, возвестили, что рушится вековая царская власть. С красными знамёнами и винтовками в руках вышли с заводов рабочие, чтобы взять власть в свои руки и строить новую жизнь, счастливую для тех, кто трудится.

Серп, молот и красная звезда заблестели на фарфоровых вазах и блюдах. Разноцветные надписи – «Кто не с нами, тот против нас», «Жить без труда – воровство», «Кто не работает – тот не ест»⁴ – покрыли борта тарелок. Уже не для дворцов и не для иноземных принцев стал работать фарфоровый завод.

Он послал свои чашки и тарелки в подарок рабочим и крестьянам, собравшимся на съезд Советов со всей русской земли. Он послал свои блюда и фигурки за границу, и оттуда, из Ревеля⁵, за этот фарфор прислали несколько парусников, гружённых рыбой, для голодающих рабочих

¹ На заводе выпускали уже не только посуду и декоративные предметы, но и химический, электротехнический фарфор, однако стеклянные глазные протезы до 1934 года ввозили из Германии. Первые фарфоровые глазные протезы были изготовлены на Дулёвском заводе в 1933 году. Глазные и зубные протезы из фарфора на ИФЗ начали изготавливать лишь в середине XX века.

² В последнюю Пасху военного, 1916 года, заводом было представлено ко двору 15 365 пасхальных яиц – самое большое количество за всю историю ИФЗ. Большая часть этих яиц была предназначена для раздачи и христосования с низшими офицерскими чинами. ⁴⁰

³ Так описаны император Николай II и императрица Александра Фёдоровна. ⁴¹

⁴ В 1918 году ИФЗ был национализирован и под именем «Государственный фарфоровый завод» перешёл в ведение Народного комиссариата просвещения. Художественным руководителем стал С.В. Чехонин, с его именем связана начавшаяся эпоха агитационного фарфора. Был получен государственный заказ на изготовление «утилитарно-декоративных предметов с революционными лозунгами». ⁴²

⁵ До 1918 года Ревелем назывался Таллин, главный город Эстляндской губернии, почти совпадающей с территорией нынешней Эстонии. С 1918 по 1939 год Эстония была независимой республикой, а для Советской России – заграницей.

Петрограда. В тот год враг нападал на страну Советов со всех сторон, и в Поволжье не уродился хлеб¹.

К четвёртой годовщине Октября к фарфоровому заводу провели трамвай. В последний раз прошёл по рельсам старый, посапывающий паровичок, увешанный чёрной материей, а за ним, деловито позванивая, пробежал новенький вагончик трамвая, весь в зелёных ветках и красных флагах. В трамвае играли музыканты, а всем ребятишкам было позволено кататься даром в новеньком вагоне хоть весь день. Когда паровик доехал до Обухова – его со смехом и шутками сбросили под откос.

Так расправлялась Невская застава со своим тёмным, заржавленным прошлым и строила весёлое настоящее.

На противоположном берегу, где Виноградов по вечерам причаливал свою лодку, выросло огромное здание электростанции «Красный Октябрь»². Сотни белых сияющих огней бросает оно теперь каждый вечер в спокойные воды Невы.

И гости стали приезжать на завод другие. Они интересовались всем, что делается на заводе. Поблёскивая очками, прошёл по всем мастерским всесоюзный староста товарищ Калинин³.

– Фарфоровый завод – лучший цветок в моём саду! – сказал товарищ Луначарский⁴ собравшимся в клубе рабочим.

А однажды в живописную мастерскую вошёл высокий человек и на пороге поклонился мастерам в пояс – это был Максим Горький⁵.

Фарфоровый завод стал называться именем Ломоносова, в честь великого русского учёного и поэта.

¹ Данько имеет в виду начавшуюся Гражданскую войну и иностранную интервенцию (основные боевые действия пришлись на 1917–1920 годы). Массовый голод 1921–1922 годов в Поволжье стал следствием сильной засухи и скудного урожая, а также результатом Гражданской войны и политики «военного коммунизма». ^[43] Это был первый случай, когда советское правительство обратилось за помощью к капиталистическим странам. Фарфоровый завод выпустил серию изделий с маркой «В пользу голодающих» и датой «1921», которые должны были участвовать в аукционных торгах в России и за рубежом.

² Здание электростанции «Красный Октябрь» было построено не в Весёлом посёлке, куда, по предположению Данько, плавал Виноградов для отдыха и развлечения, а в Уткиной заводи, выше по течению Невы.

³ Михаил Иванович Калинин (1875–1946) – революционер, затем партийный и государственный деятель, был прозван «всесоюзным старостой», так как долгое время занимал высшую должность (название её менялось) в органах власти. Его именем в 1923 году был назван Конаковский фаянсовый завод в Тверской области. ^[44]

⁴ Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) – революционер, государственный деятель, писатель. Первый народный комиссар просвещения; автор двух небольших статей о фарфоровом заводе в условиях советской действительности. ^[45]

⁵ Писатель Максим Горький в советское время имел репутацию знатока фарфора, собирал коллекцию, несколько раз был с визитами на Фарфоровом заводе. ^[46]

Как теперь делают фарфор

Когда д'Антрекооль впервые пробрался в мастерские Кин-те-чена, на первом же дворе он увидел большие каменные ямы, в которых размоченный као-лин смешивался с пе-тун-тсе. Рабочие-китайцы стояли в этих ямах и изо всех сил топтали ногами и разминали деревянными мешалками густое белое тесто. Они жаловались д'Антрекооллю, что очень устают от этой работы.

Теперь фарфоровая масса готовится иным способом. Недаром люди взяли электричество себе на службу.

Прежде всего выкопанную из земли каолиновую глину промывают в больших чанах. Потом готовят материалы, заменяющие пе-тун-тсе. Мы знаем теперь, что пе-тун-тсе – это пегматит, горный камень, являющийся природным соединением шпата и кварца. Вместо пе-тун-тсе мы подбавляем в каолиновую глину шпат и кварц.

Китайцы для составления фарфоровой массы смешивали между собой равные количества као-лина и пе-тун-тсе. В нашей теперешней фарфоровой массе као-лин занимает половину, кварц – одну четверть и шпат – одну четверть всего состава.

Шпат и кварц раскалывают на куски и прожигают в печи. Потом каолиновую глину, шпат и кварц засыпают в большой барабан, наполненный каменными шарами. Электричество заставляет барабан вертеться. В барабане каменные шары перетирают засыпанные материалы в мелкий порошок.

Пропущенная через барабан вода уносит этот порошок и вытекает из барабана побелевшая, похожая на густое молоко. Это – жидкая фарфоровая масса.

Жидкая фарфоровая масса течёт по жёлобу. Поперёк жёлоба поставлены магниты в виде гребёнок. Протекая сквозь их зубья, масса оставляет на них частицы железа, которые находились в као-лине или других её частях.

Магниты как бы вылавливают из массы частицы железа. Если бы железо осталось в массе, на фарфоре после обжига выступили бы те чёрные точки, с которыми когда-то воевал Иоганн Бёттгер.

Для того чтобы отжимать воду из массы, служит особая машина – фильтр-пресс. Она состоит из трубы, на которую насажены круглые мешки, сделанные из хорошо пропускающей воду ткани. Между мешками вставлены цинковые пластины.

Масса течёт по трубе фильтр-пресса и заполняет мешки один за другим.

Чем больше массы нагоняют в мешки, чем ближе сдвигают пластины между собой, тем сильнее становится давление, вода выжимается и вытекает сквозь ткань наружу, а в мешках остаётся густая масса. Тогда фильтр-

пресс развинчивают, снимают с него мешки и вынимают из них плоские круги густой массы.

Эту массу ещё раз разминают на машине с двумя парами вертящихся валов. Теперь из массы можно точить посуду.

Д'Антреколь видел токарные станки¹ в Китае. Это были круги на стоячей оси. Токарь сидел на маленькой скамеечке и ногами вертел круг, а руками придавал форму сосуда куску глины, положенному на середину круга.

Станки, на которых мастер Эггебрехт учил рабочих Альбрехтсбурга точить посуду, были устроены удобнее. На стоячей оси помещались два круга, один внизу, другой – повыше. Мастер, сидя на табуретке, вертел ногами нижний круг, от этого приходил в движение и верхний. На верхний круг мастер клал массу и руками точил посуду.

Теперь токарный станок приводится в движение электричеством. Сначала лепщик лепит из простой глины или воска модель тарелки или чашки. Потом с модели снимают гипсовую форму. Тарелку или чашку заливают гипсом с внутренней стороны. Когда гипс затвердевает, его снимают, и оказывается, что на его поверхности отпечаталась внутренняя форма чашки или тарелки, только в обратном виде. То, что внутри чашки было выпукло, на гипсовой форме вышло вогнутым.

Гипсовую форму кладут на токарный станок доньшком кверху. Потом берут тонкий блин фарфоровой массы и плотно накладывают его на форму. От этого на фарфоровой массе опять отпечатываются все выпуклости и впадины, которые есть на гипсовой форме, только опять в обратном виде. То, что на гипсовой форме вогнуто, то на фарфоровой массе выходит выпуклым. Значит, фарфоровая масса теперь точно повторяет внутреннюю поверхность первой модели, с которой была снята гипсовая форма.

Чтобы у тарелки или чашки внешняя поверхность была такая же, как у модели, по модели вырезают шаблон. Это – пластинка из дерева или цинка. Её вырезы точно повторяют внешние очертания, изгибы и выступы (профиль) модели. Эту пластинку неподвижно укрепляют на рычажке над токарным кругом.

Когда станок вертится, масса, положенная на гипсовую форму, прикасается к шаблону, и его края снимают ненужные слои массы там, где должен быть желобок, и оставляют её там, где на тарелке или чашке должна быть выпуклость.

Мастер, направляя шаблон, обрабатывает внешнюю поверхность сосуда. Когда тарелка или чашка выточена, гипсовую форму снимают со станка. Масса подсыхает, и её осторожно снимают с формы.

Теперь у нас уже готова настоящая тарелка или чашка, только она ещё очень хрупкая, потому что масса ещё не обожжена. Её обжигают первый раз при небольшом огне – в 800 °С. От этого огня масса становится

¹ Здесь имеется в виду гончарный круг.

розоватой. Теперь нашу тарелку или чашку надо покрыть глазурью. Глазурь делается из каолина, кварца и гипса, размолотых в мелкий порошок и разведённых водой. В эту мутно-белую глазурную жидкость окунают сосуд. Вода быстро высыхает, а на стенках сосуда остаётся тонкий слой глазури. Он заблестит после обжига.

Печь, в которую заглядывал когда-то д'Антрекооль, была «лежачая».

Топка была устроена в одном её конце, и огонь шёл по печи в другой конец, где была труба. Бёттгер и Виноградов строили «стоячие» печи. Топка была в самом низу печи, и огонь поднимался в печи прямо вверх, в трубу, устроенную над топкой.

Теперь печи строят с «обратной тягой». Несколько топок с разных сторон одновременно бросают пламя внутрь печи. Пламя поднимается вверх, ударяется в кирпичный верхний свод, падает вниз и сквозь отверстия в полу выходит в кирпичные трубы, устроенные в стенках печи. По этим трубам оно поднимается во второй этаж печи, оттуда в третий и, наконец, по большой трубе выходит наружу.

В первом этаже жар бывает самый сильный – 1300 или 1400 °С. Здесь обжигают глазурованную посуду. Во втором этаже, где жар слабее, обжигается ещё неглазурованный фарфор, а в третьем – прокаливаются шпат и кварц.

Посуду перед обжигом заключают в глиняные коробки-капсели. Рабочие входят в печь и устанавливают одну капсуль на другую высокими столбиками. Между столбиками оставляют место для прохода пламени.

Когда все капсулы поставлены, дверь в печь закладывается кирпичами и замуровывается простой глиной. Только на высоте человеческого роста оставляют в ней окошечко – «глазок». В это окошечко вмазывается кусок слюды.

Внутри печи, перед окошечком, поставлены пироскопы. Это – маленькие белые конусы или пирамидки из фарфоровых масс, которые плавятся при разной температуре. Они похожи на фарфоровые пальцы, торчащие кверху.

Когда печь топится, обжигальщик поглядывает в «глазок». Вдруг он замечает, что один из фарфоровых пальчиков загнулся. Это значит, что температура в печи дошла до того градуса, при котором этот конус должен расплавиться. Если конус сделан из массы, которая плавится при 800 °С, значит, температура в печи – 800 °С.

Смотрит мастер в глазок и видит, вот загнулся ещё пальчик, который плавится при 1000 °С, а вот и тот пошатнулся, который сгибается при 1200 °С.

Таким образом, обжигальщик узнаёт, какая температура в печи и когда ему пора кончать топку.

После обжига печь остывает два-три дня. Потом дверь размуровывается, выносят из печи капсулы, открывают их и вынимают фарфор.

Тогда посуда поступает в живописную мастерскую. Фарфоровые краски делаются из окислов металлов. Окислы железа дают жёлтые и красные краски, медь даёт зелёные, кобальт – синие, марганец – фиолетовые и т.д.

Краски растирают, подбавляют к ним стекловидный, легкоплавкий порошок-флюс, разводят их на скипидаре и кисточкой наносят на фарфор. При живописном обжиге в 800 °С флюс расплавляется и, проникая в краску, прикрепляет её к поверхности фарфора – так, что краска блестит и уже никогда не смывается водой.

Промывая глину, раскалывая шпат и кварц, вытачивая посуду, глазуруя её и расписывая, мастера зорко следят за чистотой. Пылинка или кусочек сора могут испортить всё дело, если попадут в работу. Тогда на посуде появятся чёрные точки, жёлтые пятна или пузырьки, и она не будет похожа на тот блестящий, красивый «я», который когда-то привозили рыцари из Палестины.

Маленький свистун

С тех пор как на чашках и тарелках фарфорового завода заблестели серп и молот, в мастерские стали приходить не только большие, но и маленькие гости. Школьники и пионеры наполняли завод своим смехом и писком.

Как царь Пётр, они хотели знать, что из чего и как делается. Их запачканные чернилами руки хватали что ни попало, чтобы получше рассмотреть. Работа портилась, мастера сердились.

Когда Сеня Синичкин узнал, что его класс пойдёт в четверг осматривать фарфоровый завод, ему стало весело.

В окнах завода с улицы виднелись розовые и зелёные вазы с золотыми ручками. В крайнем окне белела фигура девушки в широком платье с протянутой рукой – совсем как живая.

Говорили, что там, за зеленоватой мутью стёкол музей завода. Сене давно хотелось туда попасть. Ребята стояли с учительницей на лестнице, когда руководитель отпер двери в музей.

Тут всем стало ещё веселее, и в глазах зарябило от блеска. На высоких подставках стояли сверкающие вазы, отражаясь в вощёном паркете. Из белых шкафов сияли разноцветные тарелки. Блестящие фигурки изгибались на стеклянных полочках.

Сеня увидел в углу белую девушку с протянутой рукой. Он радостно свистнул сквозь пальцы и раскатился по паркету, как по льду, прямо в угол. Миг – и он шлёпнулся, поскользнувшись у самой подставки статуи.

Статуя дрогнула. Руководитель нахмурил брови. Учительница подбежала к Сене и, схватив его за плечо, вытолкнула на лестницу.

– Уходи, уходи, ты не умеешь себя вести! Ну что если бы ты разбил эту статую! Мы не возьмём тебя с собой в мастерские! – говорила она, бледная от испуга. Сеня смущённо мял кепку в руках.

Внизу в проходной он сел на подоконник и вдруг понял, что всё потеряно. Он ничего не увидит. Пока ребята будут весело ходить по мастерским, он просидит здесь, на подоконнике, наказанный за шалость. Слёзы полились по его щекам.

Старик сторож, сидевший у дверей, неодобрительно качал головой: – У нас шалить нельзя, у нас, брат, строго! – говорил он Сене.

Сеня отвернулся к окну. И ничего, ничего он не увидит, – ни музея, ни мастерских, ни печей!

– Ты чего ревёшь?

Сеня обернулся, перед ним стояла работница в испачканном красками переднике. Сеня её знал. Она была такая высокая, выше всех. Ребята всегда кричали: «Смотрите, вон идёт телеграфный столб», – каждый раз, как встречали её на улице. Сеня тоже кричал. Теперь она, верно, радуется, что его наказали. Он совсем разревелся, когда сторож стал рассказывать ей, в чём дело.

– Слушай, – сказала работница, – а тебе очень хочется посмотреть завод?

Сеня всхлипнул.

– Пойдём, я проведу тебя по мастерским. Можно ему пойти со мной, Кувакин? – спросила она у сторожа.

Но сторож повернулся спиной и стал цедить воду из бака в жестяную кружку. Он, казалось, не видал и не слышал ничего.

Тогда работница схватила Сеню за руку, и они выбежали во двор. Вдруг ударил колокол, из мастерских с шумом и смехом высыпали во двор рабочие. У них был обеденный перерыв.

По дорожке, мимо газона, где горели маленькие маки и качались белые ромашки, Сеня и работница перебежали двор и завернули за угол. Из раскрытых дверей на них пахло сыростью.

– Смотри, здесь делается фарфоровая масса, – объясняла работница Сене.

Он увидел непрерывно вертящийся барабан, в котором перемалывались шпат, кварц и као-лин, и желоба с белой, как молоко, жидкой массой. Вынутые из фильтр-пресса светло-желтоватые круги массы, как огромные блины, лежали на носилках. Их должны были унести рабочие в токарную мастерскую.

В токарной мастерской станки не вертелись, потому что был обеденный перерыв и все рабочие ушли, а в глазуровочной ещё оставался один старый рабочий. Он взял неглазурованную чашку и окунул её в чан с глазурной жидкостью нарочно, чтоб Сеня видел, как это делается.

Потом они спустились в первый этаж горна. Там была невыносимая жара. Горн топился. Дрова трещали в топках, слюдяное окошечко в замураванной двери светилось ярко-жёлтым огнём.

Только что Сеня хотел подойти к нему поближе, как вдруг послышались голоса ребят, и из-за столбиков пустых капсул стали выползать Сенины товарищи.

Сеня и работница выскользнули в другую дверь. Они быстро прошли по мастерским, где на длинных полках рядами лежали белые, ещё не блестящие чайники, чашки, мензурки, изоляторы и длинные фарфоровые трубки, и пришли в маленькую мастерскую, всю уставленную белыми

фигурками. На полках стояли маленькие белые матросы с развевающимися знамёнами. Красноармеец с винтовкой за плечом бодро шагал куда-то. Девушка в старинном кокошнике несла вёдра на коромысле. Маленькая жница в сарафане спала посреди колосьев, не выпуская серпа из руки. А в углах стояли большие бюсты. Пушкин улыбался лукаво, Маркс гордо поднимал голову с львиной гривой.

Эти же фигурки увидал Сеня на столах, когда они пришли в живописную мастерскую. Только здесь фигурки были раскрашены красками. В живописной мастерской было светло и всё блестело, как в музее.

Работница села к столу у окна. Она высыпала из пакетика щепотку красного порошка на матовое стекло, развела порошок скипидаром и растёрла его плоским ножичком. Потом взяла тоненькую кисточку и стала наводить красной краской румянец на щёки маленькой фарфоровой жницы. Потом она развела таким же способом чёрную краску и навела ей брови, глаза и пряди волос, выбившиеся из-под платка.

– Вот как мы расписываем фигурки, – сказала она Сене.

Сеня стал ходить между столами и рассматривать стоявшие на них блюда. На одном блюде были нарисованы кузнецы у наковальни, по борту шла надпись: «Куйте смело, пока железо горячо», на другом пышные розы и гвоздики сплетались в венок, перевитый лентой, а на ленте была надпись: «Мы превратим весь мир в цветущий сад». На третьем – какие-то сильные плечистые люди воздвигали огромное здание, уходившее под облака. «Мы наш, мы новый мир построим», – было написано на знамени по краю блюда.

Тем временем работница открыла большую книгу и стала читать про себя историю Дмитрия Виноградова.

Она как раз остановилась на том месте, где говорилось, как Виноградова посадили на цепь за его бешеные выходки. Ей стало грустно.

– Ум не терпит неволи! – вдруг сказал Сеня, прочитав эту надпись на одной тарелке. – Ум не терпит неволи!

Вдруг в соседней мастерской опять слышались ребячьи голоса. Это экскурсия обошла уже весь завод и напоследок приближалась к живописной мастерской.

Работница вскочила и вывела Сеню по маленькой тёмной лестнице прямо в проходную. Сеня опять сел на подоконник. А во дворе звонил колокол, и рабочие шли в мастерские.

Обеденный перерыв кончился.

Когда учительница с ребятами вышла в проходную Сеня, болтая ногами, сидел на подоконнике и весело беседовал со сторожем, жуя огурец.

– Где ты был? – спросила его учительница, – мы хотели взять тебя в мастерские, если бы ты пообещался не шалить, но тебя здесь не было.

– Я не буду больше шалить, – ответил Сеня, – а в мастерских я всё-таки был и всё видел.

Китайский секрет перестал быть секретом. Каждый, кому захочется узнать, как делают фарфор, может теперь прийти и посмотреть фарфоровый завод. С него не спросят ни условного знака, ни тайного слова, его не заставят поклясться, что он до смерти никому не расскажет, из чего делается фарфор, никто не станет потрясать кинжалом перед его носом и вопить: «Смерть», – ему только придётся пообещать, что он ничего не сломает и не испортит, пока его поведут по мастерским¹.

Как вы думаете, это не очень трудно?

¹ Сейчас любой желающий может познакомиться с производством фарфора, записавшись на экскурсию по Императорскому фарфоровому заводу, а на мастер-классе взрослые и дети могут сами расписать фарфоровую чашечку или блюдце под руководством профессионального художника. Благодарим за информационную поддержку генерального директора АО «Императорский фарфоровый завод» Т.А. Тылевич и директора фонда «Наследие» АО «Императорский фарфоровый завод» С.А. Краеву.

О писательнице Елене Данько не осталось записанных воспоминаний современников, нет и опубликованных биографий. Пытаясь разобраться в творческой судьбе писательницы, мы увидели, что подлинные источники сведений – так или иначе сами её произведения. Все они не придуманы автором, а на самом деле написаны «с натуры». Елена Данько описывала только то, что знала по-настоящему, во что погружалась изо дня в день, будь то производство фарфора, механика движения марионеток или соз-

дание оттисков на бумаге. О том, как всё это совмещалось в жизни Елены Данько и на страницах её произведений, – наш дальнейший рассказ.

Елена Яковлевна Данько родилась 2 января 1898 года (21 декабря 1897 года по старому стилю) в селе Парафиевка Черниговской губернии в семье железнодорожных служащих – Якова Афанасьевича Данько, бывшего ссыльного революционера, и Ольги Иосифовны Просвирыковой. Данько была приёмной дочерью Якова Афанасьевича, у неё была и вторая фамилия – Олексеенко (Алексееенко)¹, приписываемая на обложках её ранних произведений – «Ванька-пионер в Госцирке» и «Зелёный попутай» (1925–1926).

В 1915 году начинается самостоятельный этап жизни Елены Данько – после частых семейных переездов из Москвы в Вильно, из Вильно в Киев она вновь оказывается в Москве². Детство Елена провела в Киеве, где обучалась живописи в студии у А.А. Мурашко, известного украинского художника, ученика и племянника основателя Киевской рисовальной школы Николая Ивановича Мурашко. Переехав в Москву, решает продолжить обучение рисованию в студиях Н.Н. Машкова, а затем у Ф.И. Рерберга и одновременно на вечернем отделении в Строгановском училище. Однако тяжёлая болезнь отца вынуждает её покинуть училище, не проучившись и полгода, – нужно было зарабатывать себе на жизнь³: «Мне было семнадцать лет, когда я приехала в Москву учиться живописи. Искусство казалось мне единственным интересным делом в жизни, а ученье ему – счастьем. Моё счастье длилось меньше года. А потом мне пришлось бросить ученье, искать

¹ В свидетельстве об окончании Киевской частной женской гимназии Е.А. Крюгер фамилия Е.Я. Данько приведена в украинской транслитерации – Олексеенко (Алексееенко в русской транслитерации). РО ИРЛИ. Ф. 679. Ед. хр. 25; РГАЛИ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 6395. Личное дело Олексеенко-Данько Е. Я.

² В анкетах Союза писателей Данько всегда указывала Москву местом своего рождения. ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 2. Д. 56. Л. 2; 2. ЦГАЛИ СПб, Ф. 371. Оп. 2. Д. 56. Л. 7.

³ Из автобиографии Е. Данько: «В 1916 г. мой отец тяжело заболел и умер в начале 1917 г. Мне пришлось поступить на службу в Инженерно-строительный отдел Земгора» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 2. Д. 56. Л. 6).

заработки и надеяться во всём только на собственные силы. Сверстники мои учились. Даже самые тупые и бездарные из них надеялись со временем овладеть любым делом и стать людьми. А мне предстояло стать “канцелярской крысой”! Мне казалось, что жизнь моя разбита. Вскоре, однако, выяснилось, что и презренное состояние “канцелярской крысы” было для меня почти недостижимой мечтой. Я не находила заработка. <...> Заработок давала другая Москва – шумная, деловая, торгашеская, громко кричавшая о своей власти гудками автомобилей, огнями световых реклам, музыкой ночных ресторанов. Я вступала в эту Москву с трепетом...»¹. В 1917 году, после смерти отца, Елена Данько поступает на службу помощником делопроизводителя в канцелярию Инженерно-строительного управления Земгора², созданного для обеспечения армии вооружением и обмундированием. Такая работа не очень подходила мечтательной молодой художнице, посещавшей литературные вечера и курсы живописи. О службе в Земгоре она позднее напишет в своём автобиографическом романе «Юность, или Ключ к роману одной немолодой особы. Эскиз романа, который никогда не будет написан».

Елене Данько не удалось стать «канцелярской крысой». Желание связать свою жизнь с искусством пересилило. «Днём я работала, вечером училась в студии и слушала лекции по искусству и литературе, ночью читала и изучала языки. Дневная канцелярщина мне опостылела»³. Интерес к литературе и живописи приводит Данько в литературный кружок Алексея Алексеевича Сидорова, искусствоведа, библиофила, автора известной «Истории оформления русской книги»⁴ и первых исследований творчества О. Бёрдсли. Под его влиянием она начинает писать об изобразительном искусстве, воспринимать иллюстрацию и художественное оформление книги, пробует создавать экслибрисы, экспериментирует в графике: «Он (Сидоров – А.Д.) настойчиво требует, чтобы я писала об искусстве. Он находит у меня “дар писания” и умение точно формулировать мысли... И учит меня, как разыскивать и подбирать материал»⁵. Влияние учителя на ученика – интерес Сидорова к творчеству английского гра-

А.А. Сидоров. 1918. Рис. Е. Данько
(в левом углу – профиль О. Бёрдсли)

¹ Данько Е.Я. Юность, или Ключ к характеру одной немолодой особы. Эскиз романа, который никогда не будет написан. РО ИРЛИ. Ф. 679. Ед. хр. 14. Л. 8.

² Земгор (Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов) был создан в 1915 году для распределения оборонных заказов.

³ Данько Е.Я. Писатели о себе // Детская литература. № 21. 1937. С. 70.

⁴ Алексей Алексеевич Сидоров (1891–1978) – историк искусства, специалист по искусству книги. Увлекался оккультизмом, мистицизмом. Написал ряд монографий по искусству книги, среди которых наиболее известны «История оформления русской книги» (1946) и «Древнерусская книжная гравюра» (1951).

⁵ Данько Е.Я. Юность, или Ключ к характеру... РО ИРЛИ. Ф. 679. Ед. 14. Л. 58.

Обри Бёрдсли.

Награда танцовщицы. 1893

фика О. Бёрдсли – отражается в первых графических работах Е. Я. Данько: «Я увлекалась графикой и перекладывала свои натурные этюды на язык линии, чёрных и белых пятен, обобщённых штрихов. Я увлекалась графикой, также (так. – А.Д.) как стихами и иллюстрировала любимые строки стихов. Те, кто видел мои графические рисунки очень любили их. <...> Они были продолжением линии узорной английской графики, чисто декоративной графики, хотя и с некоторыми индивидуальными чертами...»¹ Данько по темпераменту подходили сложные художественные процессы: от графики экслибриса и трудоёмкой техники офорта до декоративной росписи одного из самых капризных материалов – фарфора. «Печатание офорта всё равно, что обжиг фарфора – никогда точно не знаешь, что и как выйдет. Нужно предугадывать те нежные и глубокие тона, те “нерукотворные” переливы красок, которые должны получиться в конечном счёте, не всегда получаются. <...> Утром я

шла пешком на службу через Москву-реку, через Кремль и вся Москва в утреннем освещении казалась мне богатым тонами и нежным, пленительным офортом»².

Данько была участником и слушателем литературных и философских кружков как в Москве, так и затем в Петрограде. Помимо литературных вечеров у Сидорова она посещает лекции Андрея Белого³ и интересуется антропософией⁴. «В 5 часов мы выходим из нашего склепа на шумную, крикливую улицу. <...> Слушаю лекции Белого о символизме, о слове, о языке, попадаю на закрытое “евретическое” собрание... Фигуры в белых хитонах (– саванах?) с мёртвыми глазами, движутся, взмахивают руками, медленно кружатся под ритмы стихов. Среди них Белый – череп на гусяной шее с лёгким пухом пепельных кудрей, под огромным, голым лбом»⁵. В 1920-е годы она участвует в объединении Вольфила (Вольной философской ассоциации), созданной по инициативе Р.В. Иванова-

¹ Там же. Л. 32 об.

² Там же. Л. 33.

³ Андрей Белый (настоящее имя Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934) – писатель и поэт; один из ведущих представителей модернизма в русской литературе, оказал большое влияние на русское искусство первой четверти XX века.

⁴ Антропосо́фия – религиозно-мистическое учение. Основавший его в 1912 году Рудольф Штайнер считал предметы материального мира образованиями духа и души, лишь более уплотнёнными. Антропософы верят в переселение душ и в карму, управляющую судьбой. Идеи Штайнера положены в основу вальдорфской педагогики, гомеопатии, эвритмии (искусство художественного движения). Центр антропософского движения находится в Швейцарии (город Дорнах) в здании, названном в честь Гёте, – Гётеанум. В строительстве первого, деревянного Гётеанума участвовали русские писатели – Андрей Белый и Максимилиан Волошин. Последователями антропософии были, например, художник Василий Кандинский, кинорежиссёр Андрей Тарковский, писательница Сельма Лагерлёф.

⁵ Данько Е.Я. Юность, или Ключ к характеру... РО ИРЛИ. Ф. 679. Ед. 14. Л. 50.

Разумника¹ и А. Белого, ставивших в основу своей организации исследования и пропаганду философских вопросов культуры и свободного творческого общения.

С конца 1918 года Е.Я. Данько переезжает к сестре² в Петроград и поступает работать на Государственный фарфоровый завод живописцем. «...учусь всему работаю с 6 ч. утра до 12 ночи – живопись по фарфору, рисование, офорт, кукольный театр, история революции», – пишет Данько о первых годах после переезда в Петроград. Поначалу творческая судьба Елены складывалась не так определённо, как у её старшей сестры Натальи Данько, создавшей за десять лет целую летопись в русской скульптуре. Первые работы Елены Данько на фарфоровом заводе связаны с орнаментальной, ювелирной росписью изделий малых форм. Она расписывает курительные трубки, фарфоровые футляры для часов, солонки, флаконы, броши, как правило, всё – изделия сестры Натальи Данько. В 1920-е годы Елена Яковлевна сама создаёт и расписывает несколько фигурок – небольших скульптур: «Грузинка с кувшином на плече» (1921–1922), «Пионер с барабаном» (1920-е), «Освобождённый Восток» (1921)³ и др. Скульптура «Освобождённый Восток», или «Турчанка» (1921), подготовленная к Первому съезду народов Востока (1920), вошла в число моделей, постоянно выпускаемых в ГФЗ⁴. Фигурка «Турчанки» выпускалась на экспорт, участвовала в различных всесоюзных и международных выставках, но к тому же имела одну опасную особенность. В первоначальном варианте росписи скульптуры в газете, которую рассматривает девушка, помещён был силуэт руководителя работы Съезда Г.Е. Зиновьева. После начавшейся опалы, и особенно после того, как он стал «врагом народа», портретные изображения на фигурках Данько вытравливались кислотой или стёсывались. Иметь такую скульптуру в домашней коллекции становилось опасно.

Елена Данько проработала на ГФЗ⁵ с 1918 по 1924 год и с перерывами, после штатного сокращения, вплоть до своей смерти в 1942 году по дороге в уральский Ирбит, куда эвакуировали завод во время войны и блокады Ленинграда. За это время она создала и, главным образом, расписала множество скульптурных работ, изумительных по мастерству, стоящих в одном ряду с творениями выдающихся художников А.В. Щекотихиной-Потоцкой, А.В. Воробьевского и С.В. Чехонина.

Одновременно с работой на ГФЗ Данько поступает помощником техника в Петроградский театр марионеток⁶ под руководством Л.Я. Яковлевой-Шапориной,

¹ Разумник Васильевич Иванов-Разумник (настоящая фамилия Иванов; 1878–1946) – литературовед, критик, писатель.

² Наталья Яковлевна Данько (Данько-Алексеев; 1892–1942) – скульптор-керамист, с 1914 года работала на Императорском фарфоровом заводе в Санкт-Петербурге, с 1919 – заведующая скульптурным отделом завода.

³ Первые фигурки с оригинальной росписью Данько, изображавшие советского партийного и государственного деятеля Г.Е. Зиновьева (в то время – руководителя Петрограда), расстрелянного в 1936 году, – антикварная редкость.

⁴ Подробнее: Левшенков В.В. Творчество сестёр Данько. СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 2012. 500 с.

⁵ Во время работы Е.Я. Данько, с 1918 по 1924 год, завод был «государственным», сокращённо ГФЗ.

⁶ Сейчас – Санкт-Петербургский государственный театр марионеток им. Е.С. Демени. Расположен на углу Невского пр., 52 и Садовой улицы.

с которой затем будет дружна всю жизнь. Здесь Елена Яковлевна начинает писать пьесы для детей по известным сказкам, которые выходят на сценах кукольных театров Петрограда–Ленинграда–Санкт-Петербурга с 1919 года и до сегодняшнего дня¹: «Красная шапочка» (1919–1924) с музыкой Ю. А. Шапорина, «По щучьему веленью, или Сказ о Емеле Дураке» (1920–1924), «Гулливер в стране лилипутов» (1928), «Рыцарь Дон-Кихот» (1929–1930), «Медный кувшин» (1929), «Приключение Буратино» (1936), «Буратино у нас в гостях» (1937) и др. Пьесы Елены Данько для детского театра – начало её писательского опыта и основа сюжетов прозаических произведений. Так на свет появилась повесть «Деревянные актёры» (1931)², рассказывающая об истории возникновения кукольного театра в Европе и итальянского Пульчинеллы, и продолжение истории А.Н. Толстого о самой известной советской деревянной кукле Буратино – пьеса «Буратино у нас в гостях» (1939) и повесть «Побеждённый Карабас» (1941).

— Мальвина!.. — крикнули Буратино и Пьеро и бросились к ней. Артемон подпрыгнул и завизжал от радости. Это действительно была Мальвина.

— Эй, уйдите с дороги! Не лезьте под колеса! У нас репетиция парада! — сказала Мальвина.

— Вон как! — рассердился Буратино. — А где же доктор, где счастье для палы Карло? Значит, ты все наврала, хвостунья?

— Нет! — сказала Мальвина. — Пала Карло сам не хочет теперь идти к доктору! — Она слезла с трактора и убежала в зал, откуда слышался стук молотка.

Е. Данько.
Сказка
«Буратино
у нас в гостях»
(прозаический
вариант одно-
имённой пьесы).
Фрагмент.
Рисунки
В. Конашевича.
Журнал «Чиж».
1938. № 4–9.

После ухода с Фарфорового завода в 1924 году Елена Данько полностью посвящает себя литературному труду и возвращается к росписи фарфора только эпизодически. В это время одна за другой начинают появляться её книжки для детей: «Фарфоровая чашка» (1925), «Настоящий пионер» (1925), «Ваза богдыхана» (1925), «Иоганн Гутенберг» (1925), «Шахматы» (1929), «Китайский секрет» (1929); в 1931 году – повесть «Деревянные актёры». Первые короткие поэмы «Фарфоровая чашка» и «Ваза богдыхана» затем перерастут в большую книгу об истории фарфора – «Китайский секрет» и серию исторических очерков о фарфоровом заводе.

Иллюстрации к произведениям Е.Я. Данько создавали выдающиеся художники: Б. Кустодиев, Е. Эвенбах, Н. Лапшин, В. Конашевич, Е. Хигер, В. Тронов, Н. Купреянов, Д. Бушен. Интересно, что сама она, будучи опытным художником, никогда свои книги не иллюстрировала. Вместе с тем, Данько очень интересуется вопросами книжной графики и посвящает этой теме несколько статей: «Она

¹ Спектакль «Гулливер в стране лилипутов» по пьесе Е.Я. Данько и сегодня в репертуаре Санкт-Петербургского театра марионеток им. Е.С. Деммени.

² Позднее, в 1953 году, повесть также будет переписана для инсценировки. Шнейдер Е. Деревянные актёры: инсценировка в 3 д. Е. Шнейдер по одноимённой повести Е.Я. Данько для самодеятельного театра 5–6-х классов. Л.: [б. и.], [1953]. 29 с.

была как бы теоретиком нового направления, к её голосу прислушивались, с нею считались. Спорить с нею решались немногие. Она отличалась точным языком, большими знаниями и удивительной памятью. В ней ценили, думается, не столько талантливость, сколько ум и эрудицию. Кто знает, где и когда она приобрела эту эрудицию в своей недолгой и трудной жизни»¹. Данько как опытный художник-график исследует историю художественного оформления детской книги от средневековой медной гравюры до мирискуснического² возрождения в книжной графике. Она неоднократно подчёркивает новаторство В.В. Лебедева³ в современной иллюстрации: «В. Лебедев строит новую форму, условную, упрощённую, основанную на пристальном изучении строения тела животного и присущих им движений. <...> Это не пассивное воспроизведение реальности, а действенная характеристика её»⁴, а его совместную работу над книгой с С.Я. Маршаком – как пример идеальной связи писателя с художником на основе общего мироощущения и целенаправленности: «Художник, работающий над книгой, ставит своей задачей “организацию” её формальных элементов: формата, обложки, шрифта и картинки так, чтобы они вместе с текстом давали единое художественное впечатление»⁵. В 1925–1927 годы Елена Данько занимает должность секретаря Секции детской литературы, а в 1926 году избирается членом правления Ленинградского отделения Союза писателей. В это время она активно занимается исследованием детского чтения, встречается с учителями и библиотекарями – руководителями детским чтением, пишет статьи о задачах детской книжной иллюстрации⁶.

Произведения Данько не вызвали заметного отклика критиков, но удачно заняли своё место в жанровой нише «производственных» книг, о которых говорит С.Я. Маршак: «...наряду с книгами широкого масштаба, энциклопедического типа, у нас есть книги, решающие одну узкую задачу – научную или техническую, показывающую всего лишь одну вещь»⁷, например – производство фарфора. В современной детской литературе существует такой жанровый пробел – мы знаем совсем немного книг для детей, рассказывающих, например, о создании

¹ Морозова О. Грани таланта // Детская литература. 1972. № 7. С. 40–43.

² «Мир искусства» (1898–1924) – объединение, куда входили выдающиеся русские художники начала XX века: Л. Бакст, А. Бенуа, И. Билибин, Е. Лансере, Н. Рерих, Б. Кустодиев, М. Добужинский, А. Остроумова-Лебедева, Г. Нарбут, К. Петров-Водкин, К. Сомов и др. Мирискусники уделяли большое внимание книжной иллюстрации, в частности, участвовали в работе «Издательства И.Н. Кнебеля» – первого в России специализированного издательства по искусству и детской литературе.

³ Владимир Васильевич Лебедев (1891–1967) – живописец, график, основатель ленинградской школы книжной графики. В 1936 году в прессе началась травля Лебедева (статьи «Мазня вместо рисунков. Формалистическим выкрутасам не место в детской книге» в «Комсомольской правде» и «О художниках-пачкунах» в «Правде»). Принято считать, что это надломило художника: его работы последующих периодов уступают более ранним.

⁴ Данько Е.Я. Проблемы художественного оформления детской книги // Детская литература: сб. 1931. С. 216.

⁵ Данько Е.Я. Иллюстрированная детская книжка в прошлом и настоящем // Книга детям. 1929. № 2–3. С. 28.

⁶ Данько Е.Я. О читателях Чарской // Звезда. 1934. № 3.

⁷ Маршак С.Я. Литература детям // Литературный современник. 1933. № 12. С. 198.

ТВОРЧЕСКАЯ КАРТОЧКА

1. Фамилия, имя и отчество: Данько Елена Яковлевна
 2. Псевдоним: _____
 3. Год рождения: 1898 г.
 4. Сопроставление: дата рождения, пол, цвет волос, цвет глаз
 5. Национальность: русская
 6. Партийность: _____
 7. Образование: высшее
 8. Место работы: Москва
 9. Собрание сочинений: _____

4) ПЕРЕЧЕНЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

№ п/п по порядку	НАЗВАНИЕ	Род произведения	Издательство	Год издания	Журнал, где печаталось	Перекладывание		Критика (важн. ст.)	Превосход и крит. отзывы за границей
						Издательство	Год		
1.	Статья "Русские фарфористы"	Фабрика	Искусство	1923		Искусство	1928		
2.	"Китайский секрет"	Фабрика	Искусство	1924		Искусство	1925		
3.	"Фарфоровый завод"	Фабрика	Искусство	1924		Искусство	1925		
4.	"Вазы для принцессы"	Фабрика	Искусство	1925		Искусство	1925		
5.	"Портрет вазы"	Фабрика	Искусство	1925		Искусство	1925		
6.	"Шашки"	Фабрика	Искусство	1925		Искусство	1925		
7.	"Китайский секрет"	Фабрика	Искусство	1928		Искусство	1929		
8.	"Взрослые дети"	Фабрика	Искусство	1931		Искусство	1931		
9.	"Взрослые дети"	Фабрика	Искусство	1934		Искусство	1934		

фарфора (И. Шуберт, «Ваза для принцессы», 2015) или технологии книгопечатания (С. Прудовская, «История книги своими руками», 2015). С течением времени книги Данько не утратили своей информативности, развитие техники существенно не повлияло на процесс изготовления фарфора. Однако книги Данько могут быть не всегда понятны современному читателю-ребенку по другой причине, которую также называет Маршак: «Другой автор говорит о фарфоровом заводе, да не о заводе, а о том, какой дорогой ценой было завоёвано и доведено до наших дней умное и тонкое мастерство ("Китайский секрет" Данько)»¹. Сквозная тема всего творчества Данько – трагедия угнетённого народа на фоне революционного пафоса – хорошо вписывалась в идеологический курс детской литературы 1920–1930-х годов, но вряд ли помогает понять технологию производства фарфора современному школьнику.

Однако книги Данько имеют ещё одну очень важную особенность – все они созданы с любовью и трудолюбием: «Как видите, для того, чтобы написать эту книгу, нужно было прочесть уйму книг на четырёх языках – о монахах, о рыцарях, об алхимиках, о китайцах и о русских царицах; нужно было порасспросить многих людей, нужно было автору самому многое видеть, и поработать на фарфоровом заводе, и побродить по Шлиссельбургскому тракту, отыскивая следы старины и думая о прошлых временах»². Сочиняя свои истории, Данько не пишет краткий, сухой справочник о технологических процессах, а исторически достоверно, в постоянном диалоге с читателем рассказывает о борьбе химии с лженаукой, об ошибках и разочарованиях, о невежестве и о счастье научных открытий.

Литературное творчество Елены Данько, как и все её увлечения, было многоплановым. Она писала стихи и прозу (многие её «взрослые» стихи так и остались

¹ Маршак С.Я. Там же. С. 199.

² Данько Е. Китайский секрет. М.: Сов. Россия, 1957. С. 3.

неопубликованными). О первых попытках издания сборника стихотворений нам известно из опубликованных воспоминаний о Ф. Сологубе¹. Ещё до вступления в общество ленинградских поэтов неоклассиков («Ленинградская Ассоциация Неоклассиков», собиравшихся в квартире Ф. Сологуба) Вольная философская ассоциация пыталась опубликовать её сборник стихотворений 1918–1922 годов «Простые муки»², но его издание было запрещено военной цензурой. На полях цензурного экземпляра сохранились пометы цензора, на титульном листе запись: «Разрешается печатать с изъятием предисловия» (автором предисловия был Р.В. Иванов-Разумник, неоднократно подвергавшийся опале и тюремным заключениям как идейный вдохновитель народничества)³. Лирические опыты Елены Данько, при их несомненной значительности, не сделали её самостоятельным, самобытным поэтом. Увлечение поэзией было фоном всей жизни, однако никак не повлияло на творческую судьбу Данько.

О жизни Данько в 1930-е годы известно не много. В этот период она работает над историей Фарфорового завода, эпизодически занимается росписью фарфора. В 1937 году Елена Данько расписывает портретную фигурку Анны Ахматовой работы Натальи Данько. Образ поэтессы, который создают сёстры, становится хрестоматийным. Э.Ф. Голлербах опишет скульптуру так: «К мелодике Кузминских рифм примыкает (если можно говорить о звучании вещи) изящно-интимная статуэтка Ахматовой работы Нат. Данько (раскраска Е. Данько); это не просто “фарфоровая фигурка”, но какая-то “затвердевшая” мелодия, почти формула»⁴. В 1930-е годы сёстры стали признанными мастерами фарфорового творчества, они многократно участвовали в международных выставках. Например, в 1932 году в залах Русского музея была устроена выставка в честь пятнадцатилетнего юбилея Советской власти. На выставке экспонировались работы Г.С. Верейского, П.П. Кончаловского, Б.М. Кустодиева (посмертно), А.П. Остроумовой-Лебедевой и особенно много скульптур Н.Я. Данько в росписи Е.Я. Данько.

Вернувшись на завод, Данько по предложению М. Горького принимается за написание его истории. «Весной 1936 г. я отправила Алексею Максимовичу первую часть своей рукописи “Русский фарфор в XVIII веке” (8 печ. листов). А.М. Горький

¹ Данько Е.Я. Воспоминания о Фёдоре Сологубе // Лица: Биограф. альм. / Биограф. ин-т. М.; СПб.: Феникс, 1992. Фёдор Сологуб (настоящее имя Фёдор Кузьмич Тетерников, 1863–1927) – поэт и писатель, драматург. Один из виднейших представителей русского символизма.

² РО ИРЛИ. Ф. 679. Ед. хр. 1, 16.

³ Народничество – движение интеллигенции второй половины XIX века. Его цель – переустройство России в духе «народных устоев». Один из методов – «хождение в народ»: тысячи молодых интеллигентов, одевшись по-крестьянски и подражая просторечью, раздавали в деревнях агитационные брошюры.

⁴ Голлербах Э.Ф. Образ Ахматовой // Анна Ахматова. Pro et contra. Антология. Т. 1. URL: http://az.lib.ru/g/gollerbah_e_f/text_1925_obraz_akhmatovoy.shtml

отредактировал эту рукопись и сообщил мне точные указания о поправках, сокращениях и дополнениях, нужных для окончательной доработки книги»¹. Издать книгу целиком так и не удалось, она выйдет лишь отдельными главами в заводской газете «Ломоносовец» в 1937–1940-е годы. Во время работы над книгой в архиве завода Данько обнаруживает неизвестные рукописи М.В. Ломоносова 1738–1739 годов, материалы об участии Г.Р. Державина и Н.А. Львова в деятельности завода в 80-е годы XVIII века и неизвестные рукописи Виноградова². Эти находки позволяют увидеть, с какой тщательностью художница, став настоящим исследователем, учёным, погружается в изучение истории Фарфорового завода. Возможно поэтому её «Китайский секрет», изданный в 1929 году, выдерживает четыре переиздания подряд: в 1931, 1934, 1935 и 1936 году с постоянной переработкой и внесением новых глав. Авторская правка в основном касается глав, посвящённых истории завода в XX веке. Появляются главы «Фарфоровцы», «За Невской заставой», «Забастовки по приказу», «Конец старого режима», не вошедшие в настоящее издание³. Одним из последних трудов Данько стала статья «XX лет советского фарфора», вошедшая в каталог «Художественный фарфор» (1938). Многие фотографии к каталогу предоставлены самой Еленой Данько.

В эти годы Данько не прекращает писать для детей. Теперь её небольшие познавательные повести и биографии «Египет» (1933), «Зимний дворец» (1932), «Детство Ж.Ж. Руссо» (1934), «Детство Гёте» (1934), «Петергоф» (1940) выходят на радио в редакции вещания для детей и юношества. В очерке «Петергоф», написанном для радио в форме путеводителя для детей, петровская загородная резиденция запечатлена незадолго до её уничтожения фашистскими оккупантами: «Пойдём теперь в глубь (так. – А.Д.) парка. Во все стороны расходятся дорожки. И повсюду из-за тёмной зелени кивают нам, манят, зовут к себе – белые водомёты. <...> Теперь пойдём к одному из самых красивых петровских фонтанов – к “Пирамиде”. Словно снежная горка с острой верхушкой выросла в конце аллеи. Это и есть “Пирамида” – пенная, пушистая, белая, сверкающая на солнце как иней»⁴.

В последние годы перед войной Данько пишет автобиографический роман «Юность, или Ключ к характеру одной немолодой особы. Эскиз романа, который никогда не будет написан» (1940), в котором описывает московский период своей жизни, отчётливо прорисовывая характеры окружавших её друзей и приятелей. После начала войны Елена Данько продолжает работать на заводе, занимается литературной работой. В августе 1941 года она не уехала в эвакуацию в Ташкент по ходатайству Ленинградского отдела Литературного фонда, а осталась переживать тяжёлую блокадную зиму в Ленинграде. По воспоминаниям Л.В. Яковлевой-Шапориной, к зиме 1942 года болезнь Елены Яковлевны обострилась, и она уже не могла выносить пребывания в городе: «Данько хотят улетать. Т.е. Елена. Доведённая бомбёжками до полной депрессии, голода она, по её словам, не чувствует, во всяком случае от него не страдает, но бомбёжки переносить

¹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 371. Оп. 2. Д. 56. Л. 10.

² Там же.

³ Мы воспроизводим первое издание, 1929 года, как наименее идеологизированное.

⁴ Е.Я. Данько. Очерк «Петергоф». ЦГАЛИ СПб. Ф. 293. Оп. 2. Д. 76. Л. 8–9.

Елена Яковлевна Данько. 1930-е

больше не может. Она записана в группу Детиздата, их 15 человек»¹. Однако Елена Данько, постоянно находившая утешение в работе, в одном из последних писем к писательнице Л.А. Будогоской пишет не о тяготах жизни, голоде и холоде, а лишь о постоянной готовности к дальнейшей работе: «Я не чувствую в себе никакой склонности умирать. В последние дни у нас с сестрой очень много хлопот – мы получили работу и, в связи с ней – имеем право на рабочие карточки»². Но предстоящей работе не суждено было случиться. Звонкую, как фарфоровая чашечка, жизнь Елены Данько так несправедливо прервала внезапная смерть по дороге к спасению, во время эвакуации с заводом из Ярославля в Ирбит в 1942 году.

При иллюстрировании статьи (см. цветную вкладку) использованы фотографии исследователя творчества сестёр Данько В.В. Левшенкова³.

¹ Шапорина Л.В. Дневник. М.: НЛЮ, 2012. Т. 1. С. 290.

² Письмо писательнице Л.А. Будогоской от Е.Я. Данько. ЦГАЛИ СПб. Ф. 427. Оп. 1. Д. 68. Л. 1,1 об.

³ В.В. Левшенков. Творчество сестёр Данько. СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 2012.

Фарфоровые вожди

Повесть Елены Яковлевны Данько «Китайский секрет» издавалась в СССР восемь раз¹. Семь изданий появились в годы правления И.В. Сталина, они выходили регулярно с 1929 по 1946 год. За эти семнадцать лет страна пережила несколько общегосударственных несчастий: 1930–1933 годы – тотальная коллективизация (насильственное объединение в колхозы, репрессии крестьянства, голод); Большой террор (1937–1938), советско-финская «Зимняя» война (1939–1940), Великая Отечественная война (1941–1945), послевоенные голод и тяготы. Жернова войн и репрессий перемололи десятки миллионов человек. В 1942 году при эвакуации из блокадного Ленинграда в Ирбит погибли Елена Данько, её сестра Наталья Данько и их мать Ольга Иосифовна.

Книга не может умереть от голода и тифа. У «Китайского секрета» оказалось несколько жизней. Самая первая – жизнь книги с автором, жизнь вторая – послевоенное, 7-е издание (уже без Данько). Третья жизнь – «оттепельный» тираж 1957 года (книга нужна, о ней вспомнили). Четвёртая жизнь – сейчас, уже в другом веке, в той книжке, которая перед вами. Может, будет и пятая?

В 1934 году тираж «Китайского секрета» составил 200 тысяч экземпляров, что немало даже по советским меркам. Оформление всех изданий оставалось скромным, чёрно-белым: «умным дополнением к тексту» служит графика Николая Лапшина². Он же делал иллюстрации к другой повести Елены Данько – «Деревянные актёры» (1931).

Повесть неоднократно подвергалась, говоря языком чекистов, «чисткам». Например, в издании 1946 года финал книги совершенно изменён. Исчезла глава «Маленький свистун» об экскурсии мальчика по заводу. Текст густо «оброс»

¹ Годы изданий: 1929, 1931, 1934, 1935, 1936, 1941, после смерти Е.Я. Данько – 1946 и 1957.

² Николай Фёдорович Лапшин (1888–1942) – художник, педагог. Известен прежде всего ленинградскими пейзажами и работами в книжной иллюстрации. Умер от голода в блокадном Ленинграде в конце февраля 1942 года, практически одновременно с Е.Я. Данько, если считать блокадные свидетельства о смерти хронологически достоверными. О сотрудничестве Е. Данько и Н. Лапшина см: Морозова О. Грани таланта // Детская литература. 1972. № 7. С. 40–43.

Сталиным – там, например, подробно описывалась чернильница «Обсуждение проекта Сталинской Конституции в узбекском ауле»: ясно, что дело тут не в художественной ценности, а в подчёркивании поддержки власти на всех уровнях и по всему СССР. Также в издании 1946 году появляется глава о парадной вазе «Победа» – подарке вождю от коллектива Ленинградского фарфорового завода. Рассказ о двухметровой вазе с портретом «творца победы генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина» сам собою встаёт в ряд с историями Елены Данько о вершителях судеб мира: богдыханах, королях, императорах. Фокус повествования предельно заостряется, речь идёт уже совсем не о чашечках.

Дипломат и государственный деятель Никита Панин (1718–1783) так характеризует царствование императрицы Елизаветы, при которой возник русский фарфор: «Сей эпох заслуживает особое примечание: в нём всё было жертвовано настоящему времени, хотениям припадочных людей и всяким посторонним малым приключениям в делах»¹. Эта фраза характеризует не только елизаветинское время, но и некоторые иные эпохи абсолютизма, неограниченной власти монарха или вождя. Русский фарфор начался с Дмитрия Виноградова, посаженного на цепь. С ним, учёным и мастером, поступали так неоднократно – то ли уберегая от тяжёлых запоев и цинично повышая тем самым его производительность, то ли спасая Виноградова от самоубийства (которое, надо признать, подкосило бы на корню Невскую порцелиновую мануфактуру²). А человек, единожды сидевший на цепи, уже не может жить как раньше, как ни в чём не бывало.

Назовём ли мы мастеров фарфора, художников по фарфору 1920–1930-х цепными художниками? (Вспомните рассказ «Тупейный художник» Николая Лескова о судьбе крепостных актёров.) Вряд ли. Работы больших мастеров Ленинградского фарфорового завода – Сергея Чехонина, Николая Суетина, Натальи Данько, Александры Щекатихиной-Потоцкой – безусловно, были идеологически ангажированными, но при этом отличались и безупречным вкусом, и новаторством, и горячим, искренним вдохновением, идущим от художников³.

Можно сказать, что «цепными» были советские редакторы и литераторы, скованные цензурой и самоцензурой по рукам и ногам. Не только рядовым лите-

¹ Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Том 25. Глава вторая.

² Так завод назывался первоначально. С 1765 года – Императорский фарфоровый завод, с 1917 – Государственный фарфоровый завод. В 1925 году предприятие получило официальное наименование – Ленинградский фарфоровый завод имени М.В. Ломоносова. При этом знаменитая аббревиатура клейма «ЛФЗ» истолковывалась и как Ломоносовский фарфоровый завод, и как Ленинградский фарфоровый завод. В 2005 году к заводу вернулось название – Императорский фарфоровый завод (ИФЗ), сейчас завод работает под брендом «Imperial Porcelain».

³ Интересно, что на побывавшую в 1932 году в Ленинграде английскую журналистку Памелу Трэверс (будущего автора книг о Мэри Поппинс) советский фарфор не произвёл никакого впечатления: «Торгсин – единственный магазин, в который нам разрешено заглядывать, наполнен обычной туристической безвкусицей... конечно, “новое советское искусство” – шкатулки, фарфор, медальоны с изображением тракторов, лебёдок и кранов» (Трэверс П.Л. Московская экскурсия. СПб.: Изд-во К. Тублина, 2016. С. 80–81. Торгсин – Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами, вело торговлю за валюту и драгоценности).

раторам и «совписам»¹, но и литературным вождям в СССР тоже случалось надевать кандалы, пусть и весьма удобные. В 1930–1940-е годы Ленинградский фарфоровый завод делал бюсты вождей – Сталина, Ворошилова, Калинина: «Много таких бюстов выпускает фарфоровый завод, а всё не хватает. Каждому клубу, каждой школе хочется поставить на видное место бюст любимого вождя, сделанного из твёрдого, прочного, чистого фарфора»². В ряду фарфоровых вождей стоит советский писатель Максим Горький (кстати, знаток и коллекционер фарфора). В 1929 году он посетил Соловецкий лагерь особого назначения и оставил о его работе положительный отзыв³. Нам сейчас известно, что Горький знал о реальных условиях содержания заключённых, о пытках и расстрелах. Но в его очерках этого нет. Страдал ли Горький, боялся ли за себя, когда писал о Соловках? Было ли ему особенно приятно осознавать своё положение, нахваливая лагерный быт? Александра Бенуа⁴ в дневнике ещё за 1918 год описывает Максима Горького за обедом: «...сидел в своём золотом ристалище в китайском халате. Он был мил и доволен всем, о политике совсем не говорил, лишь иронизировал над легкомыслием Луначарского...»⁵ Он же, Бенуа, читает «Несвоевременные мысли» Горького – и разочаровывается: «Это перепевы старого Горького – “Буревестника”, ныне сидящего в тёплом гнёздышке, познавшего, что “гнёздышко” вообще неплохая вещь, что оно-то и есть то, о чём он и тогда мечтал»⁶.

Был ли в самом деле дефицит фарфоровых вождей? Теперь его точно нет, предложение по продаже старых вождей даже превышает спрос. На запрос «Горький Бисквит» (звучит, как кулинарный рецепт или название романтической комедии) интернет-поисковики выдают немало предложений: «Горький. Бисквит. Статуэтка. ЛФЗ. Целая».

Бюст «Максим Горький». Бисквит. ЛФЗ. Скульптор В.Г. Стамов (годы тиражирования – 1950–1960-е)

Крест-накрест

Самый знаменитый узор Ленинградского фарфорового завода – «Кобальтовая сетка». Узор появился в 1944 году, пришёл из Блокады. Про источник вдохновения автора, художника Анны Адамовны Яцкевич (1904–1952), говорят разное. Например, что синие перекрестья узора – это бумажные полоски, которыми ленинградцы крест-накрест заклеивали окна для их защиты от взрывной волны (эти белые

¹ То есть членам Союза писателей СССР, за которыми право на творчество (и оправданное этим право не иметь официального места работы) или, как тогда говорили, статус инженера человеческих душ были закреплены документально.

² Данько Е. Китайский секрет. М., 1946. С. 152.

³ М. Горький. По Союзу Советов. Соловки // Наши достижения, 1929. № 5–6.

⁴ Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) – живописец, график, критик, историк искусства, основатель и идеолог объединения «Мир искусства». Эмигрировал из СССР в 1926 году. Автор обширных дневников (тетради с 1908 по 1924 год), где фигурируют российские/советские деятели искусства, писатели, политики.

⁵ Александра Бенуа. Дневник 1918–1924. М.: Захаров, 2010. Т. 2. С. 90.

⁶ Там же. С. 83.

кресты, по воспоминаниям, не очень помогали, но стали одним из символов ленинградской Блокады¹). Есть версия, что идея узора произошла от скрещённых лучей прожекторов, освещающих ночное небо. Существует и предположение, что сочетание «синий с золотом на белом» – это сверкающий снег и синий лёд, который своим блеском резал глаза ленинградцам, ходившим за водой к прорубям на Неве.

Звучит и менее поэтичное соображение, что узор Анны Яцкевич – вариант сервиза «Собственный», который ещё в середине XVIII века был сделан для императрицы Елизаветы Петровны Дмитрием Виноградовым, создателем российского фарфора. Но у «Собственного» паутинка розовая с золотом , а у «Кобальтовой сетки» – синяя с золотом. Также в местах пересечения кобальтовых линий у Яцкевич 22-каратным золотом нанесены звёздочки, которые придают росписи элегантность, тогда как у сервиза «Собственный» в узлах золотой сеточки выписаны простенькие розовые цветочки. Интересно, что первый вариант узора Анны Яцкевич был целиком золотым. Сервизы с таким узором на основе скульптурной формы «Тюльпан» (автор Серафима Яковлева) ЛФЗ стал выпускать сразу после войны, в 1945 году. А через год художница интерпретировала свой узор – и золотая сеточка стала кобальтовой. В 1950 году продукцию с узором запустили в серийное производство – и вот уже столько лет он очень популярен, с годами «Кобальтовая сетка» даже стала фирменным рисунком Фарфорового завода. На сотне разных фарфоровых предметов под маркой ИФЗ есть узор Яцкевич, завод уже выпустил коллекцию столового стекла «Кобальтовая сетка», продаются предметы с красным, более тёплым, вариантом «Кобальтовой сетки» под названием «Сетка-Блюз».

Что до автора узора, то Анна Адамовна Яцкевич о происхождении «Кобальтовой сетки» не распространялась. Она пережила смерть матери и сестры в блокадном Ленинграде. Сама Яцкевич умерла вскоре после войны, молодой женщиной. Не узнала о триумфе своего узора в Брюсселе в 1958 году, не успела. Возможно, месяцы жизни и работы в блокадном Ленинграде засчитались ей за годы...

В июне 1941 года на Фарфоровом заводе работало около 1200 человек. С первых дней войны 220 сотрудников ушли в Красную Армию и в народное опол-

После артобстрела. Вид из окна ленинградского Театра юных зрителей на Моховой улице. Фотограф Григорий Чертов, 05.10.1941

Художник Анна Яцкевич расписывает сервиз «Московское метро». 1936. ЦГАКФФД СПб.

¹ Символ часто обыгрывается в обложках книг о блокаде: издание «Блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина (СПб.: Ленинздат, Команда А, 2013); издание «Воспоминаний о блокаде» В.М. Глинки (СПб.: Лимбус Пресс, 2015) и др.

чение. Оставшиеся фарфоровцы начали подготовку к эвакуации автосвечного производства¹ и Музея фарфора² на Урал, в город Ирбит. В августе группа работников завода и музейные ценности были отправлены на Урал. Часть коллектива выехало в город Энгельс Саратовской области, на Волгу. Многих работников уволили или перевели на другие ленинградские производства. На заводе оставалось чуть более 300 человек – работники охраны, пожарные команды, медицинские службы. 1 декабря 1941 года завод встал, был полностью остановлен и перешёл в режим консервации.

В первую блокадную зиму 1941–1942 годов на заводе умерло 60 человек. На самом деле погибших было намного больше – и среди работников Фарфорового завода, и в его «ближнем кругу». От голода в феврале 1942 года умер великий художник, книжный иллюстратор и театральный оформитель Иван Яковлевич Билибин. Он был мужем Александры Васильевны Щекатихиной-Потоцкой, известного художника по фарфору, «звезды» 1920-х годов. Супруги отказались эвакуироваться. Билибин умер в подвальном стационаре Академии художеств. Чудом выжила Щекатихина-Потоцкая: она имела не рабочую, а иждивенческую карточку (ведь завод не работал), по которой в декабре 1941 года можно было в день выкупить только 125 граммов хлеба. Блокадники вспоминают, что были дни, когда за этим кусочком люди стояли по несколько часов на улице, на морозе (а хлеб в булочную могли так и не привезти). Люди не могли уйти, потому что еды взять было больше неоткуда, запасы у большинства закончились за осень, да и не все догадались эти запасы сделать. Непрактичность Щекатихиной-Потоцкой была особенной: она так и не притронулась к хранящемуся дома красному вину и к старинным русским пряникам (образец народного искусства). Она работала, расписывала дома фарфор. В самое страшное время обращалась к древнерусским героическим сюжетам – Александр Невский, Дмитрий Донской...

В январе 1942 года в Ленинграде начались морозы за 30 градусов. Отопления не было, электричества не было, водопровод не работал. Обессиленные голодом и холодом люди не могли тушить пожары, которые возникали по разным причинам здесь и там (в сутки их случалось до 30). Первый приказ по заводу, изданный в январе, был направлен на усиление заводской противопожарной безопасности и сторожевой охраны. Инженер Нина Алексеевна Коновалова вспоминает: «Однажды я и художница Анна Адамовна Яцкевич получили задание сделать прорубь на Неве для забора воды в случае пожара. Мы взяли по лому и пошли на Неву. Выбрали место и стали долбить лёд. А он толстый, ведь мороз был сильный. Ударим ломом по льду, он отскакивает. Ничего у нас не получается – сил маловато. Стоим и плачем, но всё-таки продолжаем долбить лёд. Наконец появилась вода...»³

¹ Фарфоровый завод до войны выпускал до 300 наименований различных изделий технического назначения: так, за 1940 год было произведено 30 млн автосвечей.

² Музей фарфорового завода основан по приказу Николая I в 1844 году. В нём сформировалась единственная в мире коллекция, отражающая всю историю первого фарфорового завода России, – более 30 тысяч экспонатов. В 2001 году Музей перешёл под руководство Государственного Эрмитажа, став его филиалом.

³ Интервью цитируется по брошюре: Суркова Е.С. «Ленинградский фарфоровый завод им. М.В. Ломоносова в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы)». СПб., 2010.

Вот ещё одна история из блокадной жизни Анны Яцкевич, создателя «Кобальтовой сетки». Случай между курьёзом и подвигом: заводской музей успели отвезти в Ирбит, а ценнейшая библиотека – книги, рисунки, фотографии, – подготовленная к эвакуации, так и осталась на станции Сортировочная на окраине Ленинграда. Солдаты, охранявшие станцию, потихоньку растаскивали фотографии и рисунки. Листки просто разлетались. Кто-то сообщил об этом на завод, и тогда Анна Яцкевич перенесла (перевезла на саночках?) обратно на завод всю библиотеку.

На сервисе «Ленинград в Блокаде» (1943) есть скрещение лучей прожекторов (которое могла отразить Анна Яцкевич в своём узоре), есть разрывы снарядов. В целом, роспись «героическая». Нет картины эвакуации по Дороге жизни (она же Дорога смерти¹), во время которой умерли сёстры Елена и Наталья Данько. Нет блокадных «пеленашек», завёрнутых в простыни покойников, которых обессиленные близкие оставляли лежать на лестнице, на улице². Разумеется, нет грузовика с трупами. После вазы «Голод» и других произведений 1921 года на фарфоре вновь п(р)оявляется страшная тема русского голода – пусть теперь уже незримо³.

Утилитарная роль фарфора. Автосвечи и «буржуазная отрыжка»

В повести Елены Данько подробно описана технология изготовления фарфора на Ленинградском заводе, актуальная на конец 1920-х годов. Нам становится понятно – как, но остаётся неясным – для кого выпускалась продукция. Рядового потребителя и покупателя фарфора в книге «Китайский секрет» мы не видим (в отличие от заводских рабочих). Это необычно для детской познавательной книжки, потому что её назначение вроде бы в том, чтобы показать историю потребления и технологию производства привычных вещей: «кто трусы ребятам шьёт», как печатаются книги и пр. Например, в детской книге «Откуда посуда?» Н. Смирнова и сестёр Чичаговых (1924) смысл производства посуды совершенно понятен: «Привезли на машине / Вещи в Госторг. / Все от них в магазине – / Пришли в восторг».

В современной голландской детской книге «Ваза для принцессы»⁴ назначение фарфора вынесено в название, заказчик назван сразу. В другой детской книге

¹ Такое название Дороги жизни упоминается, например, в воспоминаниях о Блокаде Д.С. Лихачёва.

² Тамара Петкевич, чьи родные погибли в блокадном Ленинграде, вспоминает: «Моя мёртвая мама выброшена на лестницу. На ту самую, где я так недавно с замершим сердцем слушала смех своих сестёр... Я отказывалась верить в то, что узнала. Смерть от голода не происходила из того, что было известно о Ленинграде. “Что самое страшное на свете, мамочка? Война?” – “Голод, детка!” Так ответила мама, когда мне было одиннадцать лет». (Петкевич Т.В. Жизнь – сапожок не парный. Воспоминания. СПб.: Астро-Люкс, 1993. С. 109.)

³ Подробнее о русском голоде в литературе в комментариях к книге А. Неверова «Ташкент – город хлебный» (Издательский дом «А и Б», 2016).

⁴ Шуберт И. Ваза для принцессы. М.: Пешком в историю, 2015.

«Глина. Путешествие в комнатных тапочках» также указан только один потребитель – императорский двор: «Продукция предназначалась для императорского двора – из этих тарелок ели члены царской семьи. Качество было очень высоким и оценивалось так: тарелки ставились в высокие стопки по сто штук и выдерживались пять дней. Если трещины не появлялись, партия признавалась годной»¹. Тут уместно было бы вспомнить не только о тарелках, но и о более изысканных предметах императорских сервизов вроде рюмочной передачи – фарфоровой чаши с выемками по краям для охлаждения одновременно нескольких бокалов вина.

Так и в повести «Китайский секрет» заказчиками, владельцами фарфоровой посуды всегда выступают правители или правительства, т.е. не обычные люди, которые могут купить в магазине фарфор себе или в подарок². У Данько фарфор и в Советском Союзе важен тем, что дарится дипломатам, побеждает на конкурсах и красуется в музеях: «В советских витринах множество ваз, тарелок, чашек и фарфоровых фигурок». Потребитель – прежде всего, государство.

В издании Данько 1946 года детям объяснена повседневная и понятная польза фарфора для советских граждан – это изоляторы для автосвечей и фарфоровые зубы (и бюсты вождей, о которых сказано выше). Если начистоту, изоляторы – это всё та же государственная надобность: частных машин в 1920-е годы в СССР, да и вплоть до 1960-х было крайне мало. Стоматологическая керамика была слишком дорогой для широкого потребления. Зубные коронки в СССР делали преимущественно из железа и золота, что нашло отражение и в детской литературе. В повести «Старик Хоттабыч» (1938) действие происходит в Москве 1930-х. Принципиальный пионер Волька не соблазняется сказочными богатствами джинна Хоттабыча и не принимает его подарки. Но мальчик был в курсе реалий советской стоматологии, и однажды его сердце дрогнуло: «Волька оставил у себя три золотые монеты, чтобы заказать для бабушки золотые коронки на зубы» (если помните, Хоттабыч тоже в конце концов наколдовал себе золотые зубы, посчитав их очень эффектными). Примеры никак не связаны с Ленинградом, они просто двумя штрихами обрисовывают советское протезирование «для простых» граждан (да и сейчас фарфоровые накладки на зубы, «виниры», вещь малодоступная среднему россиянину). Так зачем же советским людям был нужен фарфор и Фарфоровый завод?

Ленинградский фарфоровый завод – это не предприятие по сбору автомобилей или станков, а огромный художественный цех, где посуда расписывается вручную. Завод не нацелен на поточное производство и выпускает серии художественного фарфора, а иногда делает штучные заказы невероятной сложности. Технический фарфор (автосвечи, раковины и унитазы, стоматологическая керамика) никогда не играл «первую скрипку», хотя объёмы производства в 1930-е и в послевоенные годы были огромными. Но всё-таки ЛФЗ, нынешний ИФЗ, – это в какой-то сте-

¹ Максимова Е. Глина. Путешествие в комнатных тапочках. М.: Настя и Никита, 2015. С. 14

² Среди экспонатов Музея повседневной культуры Ленинграда 1945–1965 годов (открыт в 2014 году) можно увидеть фарфоровую посуду, вазочки и статуэтки, появившиеся в быту обычных ленинградцев, начиная с 1950-х годов, когда послевоенная нужда и неустроенность понемногу отступили.

пени фабрика грёз, что-то романтическое, красивое, подарочное, радостное. Пусть нам это только кажется, но ведь часто так хочется радости, а не суровой правды жизни (между прочим, работники Фарфорового завода говорят, что запах золота, которым расписывают фарфор, – довольно неприятный, вот вам и правда).

Завод-творец, завод-экспериментатор, где в 1920-е годы, описанные Данько, вовсю «колдовали» над фарфором. Экспериментировали не столько с формой (часто использовали дореволюционные заготовки ваз, так называемое «бельё»), но с сюжетами, порой даже с самой радостной сутью фарфора. В 1921 году появляется парадно-страшная ваза «Голод», на которой изображены умирающие люди с синими лицами и острыми носами. Художник Сергей Чехонин разрабатывает проекты фарфоровых погребальных урн (кремация – новшество века). И он же (как скульптор, роспись делал будущий художественный руководитель ЛФЗ Н. Суетин) создаёт энергичный сервиз «Супрематизм», манифест нового советского фарфора.

Но это всё искусство, арт-объекты. А что значит фарфор для человека? Не абстрактного «нового человека», которому принадлежит вся Советская страна, а обычного... советского мальчика? Тут сложно. Фарфор может быть опасным: за ним шлейф мещанства, буржуазности, накопительства, дурного вкуса и других антисоветских явлений.

В повести Вадима Шефнера «Сестра печали» (1968) фарфоровая посуда названа «буржуазной отрыжкой». Главный герой повести, студент техникума Толя Чухна приезжает весной 1940 года работать на фарфоровый завод «Пролетарий» под Ленинградом. Постоянно живя впроголодь, он не испытывает никакого пиетета перед посудой: «Вот электрофарфор я уважаю, – перебил я Злыднева. – А все эти чашечки да сервизики – это всё буржуазная отрыжка. Мне всё равно, из чего чай пить – из фарфоровой чашки или из жестяной кружки»¹.

В рассказе Радия Погодина «Копилка» мальчик Толик даже пострадал из-за фаянсовой копилки. Когда родители-геологи уехали осваивать пустыню, в жизнь Толика вторглась тётя-мещанка: «Тётя Рая сразу же навела в доме свои порядки. Она постелила всюду вышитые салфеточки, расставила на книжных полках фарфоровые безделушки, которых навезла с собой великое множество. На письменный стол, где Толик готовил уроки, тётка водрузила большущую толстобокую собаку с прорезью на спине»². Под влиянием тёти Толик начал копить деньги, связался со спекулянтами, но был вовремя спасён друзьями и милиционерами.

Автор пособия «Школьникам о домоводстве» М. Митрофанова (1962) настоятельно рекомендует избавляться от салфеточек и фарфоровых статуэток, которые только собирают пыль, а не украшают жилище. И всё-таки эта вредная, смешная «буржуазность» была для многих советских людей притягательной и желанной. А значит – дома появлялся фарфор.

Распространённый атрибут мещанского интерьера – семь слоников на комоде. Комплект можно было собрать и из статуэток ЛФЗ. «Белый слон». ЛФЗ, 1950-е гг. Высота 21 см

¹ Шефнер В. Сестра печали. М.: Самокат, 2015. С. 93.

² Погодин Р. Кирпичные острова. Л.: Детгиз, 1958. С. 51–52.

Автор очерков о русском/советском фарфоре Кира Михайловская замечает, что через фарфор «можно связаться с любой, самой периферийной сферой русской духовной жизни»¹. Отношение к фарфоровому сервизу вскрывает ментальность целого поколения. Образ жизни: найти фарфор, достать через знакомых, купить и хранить, чтобы сервиз достался детям и внукам. Какое наследство остаётся от рядового советского человека – поместье, золото-бриллианты, счёт в банке? Получается, что именно фарфор порой берёт на себя роль передачи семейных традиций, заботы о потомках, законсервированного благополучия на столе и за стеклом «стенки». Об этом говорит и главный хранитель музея «XX лет после войны» Наталья Баландина, описывая процесс создания музея послевоенного быта Ленинграда: «Прежде всего отталкивалась от фарфора, поскольку именно он воплотил в себе все особенности советского быта и советской жизни... Что касается послевоенного фарфора, то им были наполнены практически все жилища, начиная от сельских домиков и заканчивая профессорскими квартирами в Москве и Ленинграде. Фарфор отразил все сферы нашей жизни: есть скульптуры женщин-тружениц и женщин-домохозяек, пионеров и пионерок, лыжников и лыжниц, футболистов. И на сегодняшний день послевоенного фарфора сохранилось много. Казалось бы, хрупкий материал, но его, очевидно, очень берегли»².

О фарфоре как об истинной семейной реликвии рассказывает Надежда Александровна Мотовилова. Эмоциональное воспоминание о немецком «сервизе с Мадонной» и о «синей чашечке» марки ЛФЗ – это и личная история, и переживание, общее для тысяч людей послевоенных лет. Перламутровые, стилизованные «под старину» сервизы с Мадонной – столовый, чайный, кофейный – советские военнослужащие в 1950–1980-х скупали в Германской Демократической Республике (если им выпадала удача там служить, т.е. жить несколько лет вместе с семьями). Приводим рассказ Надежды Александровны – обладательницы того самого сервиза.

«Сервиз “Мадонна” – это обязательно, это же святая святых! Папенька служил в Германии с 1963 по 1968, школу я заканчивала уже в 1969 в Череповце. Из ГДР мы привезли эту “Мадонну”, кофейный сервиз. Везли обычно сервизы и “дивандеки” – покрывала для диванов. Потом в моду вошла “Охота”, сервиз со сценами охоты, тоже привозили. У нас в Союзе на прилавках такого не было, просто не найти и не купить. Пользовались сервизом, пока не разбились две чашечки. Тогда уже поставили за стекло – пусть хранится для потомков. Сестра Ольга с мужем через двадцать лет, в восьмидесятых, служила под Берлином. Они оттуда привезли столовый сервиз “Розы”. Но это уже было не то. Да и “Мадонны” потом уже были другие. А наш сервиз был из такого тончайшего фарфора, что сквозь чашечку было видно руку! И ещё у меня была чашечка ЛФЗ,

¹ Михайловская К. Цветущий кобальт. М.: Сов. Россия, 1980. С. 52.

² Наталья Баландина: Квартир с советским послевоенным бытом не осталось / Интервью с Натальей Баландиной. 24.08.2016. <http://avangard.rosbalt.ru/interview/natalya-balandina-kto-to-vkladyvaet-dengi-v-mashiny-a-my-v-muzej/>

синяя. Таких тонких сейчас нет. Хотя, может, и делают – я просто в эти магазины не хожу, дорого. Вообще в Германии было очень хорошо. А в Череповец вернулись: народ злой какой-то ходит, ужас».

В рекламном ролике 1983 года, одном из первых в СССР, роскошь выражена в трёх словах: ковры, хрусталь, фарфор. Предметам роскоши в ролике соответствует антураж: женщина-змея на рояле. Но текст – всё о том же. О желании «хорошей жизни», пусть это всего лишь несколько предметов домашнего обихо-

да. О наследовании благополучия. О тех «бывших» за спиной, которых нет, но (за)хочется иметь: «Нам ласкает взор фарфор – украшает он ковёр / Красота будет жить и после нас – / Пусть тогда наши дети вспомнят нас»¹.

¹ Рекламный ролик «Фарфор, ковры, хрусталь» («Portselan, vaibad, kristall») на русском и эстонском языках. Eesti reklaamfilm, 1983.

Впервые «Китайский секрет» был издан почти 90 лет назад, и с тех пор в фарфоровом производстве появились нововведения, но сама технология почти неизменна – со времён Дмитрия Виноградова. Для создания фарфорового изделия необходимо совершить около 80 операций. Опишем главные из них двумя способами: с помощью небольшой справочной статьи, которую вы сейчас читаете, и «комикса» (см. с. 129–131), иллюстрирующего статью.

Добыча каолина. Основной и важнейший компонент фарфора – минерал каолин. Каолин-сырец добывают открытым способом в карьерах, затем его обогащают (очищают от различными примесей) и измельчают. Готовый к применению каолин – это мягкий белый порошок, как будто «жирный» на ощупь.

Приготовление фарфоровой массы. Кроме каолина, в состав фарфоровой массы входят кварц, полевой шпат и другие добавки, от которых зависят внешний вид и свойства будущего изделия: глина, пегматит, гипс, глинозём. На завод поступает разное сырьё: и каолин, и готовые фарфоровые массы в виде жидкого шликера и твёрдых пластов. В массозаготовительном цеху готовят фарфоровые массы нужного состава и консистенции, подходящие для разных видов фарфора.

Формовка. Художник придумывает изделие и лепит из пластилина модель, с которой делается разборная гипсовая форма. Полые изделия (скульптуры, высокие вазы) формуют методом литья. Шликер заливается в гипсовую форму, гипс впитывает влагу, так что внутри формы образуется «корочка», – её называют черепком. Форму раскрывают, извлекая пока ещё хрупкое изделие, которое затем сушат и оправляют – устраняют мелкие дефекты. Чтобы получить плоские изделия, например тарелки, заготовки из плотной фарфоровой массы, похожие на толстые блинчики, укладывают в специальный автомат, который придаёт им нужную форму. Художественный фарфор сложной формы лепится вручную.

Обжиг. Современное производство – отлаженный процесс, но обжиг остаётся самым непредсказуемым этапом, особенно для сложных художественных изделий. Можно так сказать: газовые и электрические печи – это то, что отличает современное производство от Кин-те-Чена времён д'Антреколля или Петербурга елизаветинской эпохи. На заводе используют муфельные печи для обжига художественных изделий и туннельные печи для обжига массовых изделий, прежде всего посуды. Муфельная печь выглядит как шкаф с толстыми стенками для теплоизоляции. А у туннельной печи совсем нет дверцы – она похожа на длинный коридор из огнеупорного материала, по которому проложены рельсы, а по ним медленно катятся тележки с фарфором. Температура в печи разная на разных участках, чтобы изделия нагревались и остывали не резко, а постепенно. Самая высокая температура на второй трети пути. Туннельные печи работают в постоянном режиме – их никогда не отключают, так как на остывание печи уходит две недели и столько же на новый разогрев. Если печь по каким-то причинам пришлось отключить, то следующий обжиг в ней можно сделать только через месяц.

Первый обжиг, «утильный», идёт при температуре 900 °С около суток. После него изделия получаются ещё очень хрупкими и цветом напоминают топлёное молоко. И сам обжиг, и изделия после него называют утилем. Второй обжиг

изделия проходят после нанесения глазури, поэтому его называют «политым», он идёт при температуре 1380–1430 °С и может длиться несколько суток. В процессе обжига фарфор даёт усадку – уменьшается в объёме примерно на 14 %.

Роспись. Художников на заводе около двадцати, они создают объёмные формы и росписи, а живописцами называют копировщиков, которые переносят рисунок на изделия массового производства, их гораздо больше – около ста. Хотя все работы выполняются по образцу, а изделия почти неотличимы друг от друга, живописцы утверждают, что всегда могут узнать свою работу.

Основные виды росписи: подглазурная и надглазурная. Подглазурные краски должны выдерживать очень высокую температуру обжига, их совсем немного, так что палитра цветов ограничена. Знаменитый узор «Кобальтовая сетка» относится к подглазурной росписи. После обжига тёмно-серая краска становится ярко-синей. *Подглазурная роспись* – непростое дело: сложно оценить интенсивность краски, многие нюансы рисунка «проявляются» при обжиге. Подглазурные краски как бы «впекаются» в изделие – они защищены слоем глазури, не сотрутся и не потускнеют. При *надглазурной росписи* краски наносятся уже после обжига глазури, такую роспись можно даже пощупать, она образует рельеф, выпуклость на гладкой поверхности изделия. Помимо росписи для массового производства используют деколи – переводные картинки, напечатанные керамическими красками на специальной бумаге и покрытые лаком. Их наклеивают на поверхность изделия, при обжиге лак и бумага выгорают, а краски остаются.

Глазурование. Как и во времена д'Антреколя, сейчас есть два способа глазуирования – окунание и напыление. Небольшие предметы, которые легко удерживать в руках, окунают в большую ёмкость с глазурью. Если ёмкость с глазурью не изменилась за века, то напыление сейчас выглядит иначе. Трубочку, в которую дул мастер, сменил специальный «пистолет» для распыления глазури.

Отводка золотом. Один из последних этапов – декорирование изделий красками на основе драгоценных металлов: золота и платины. Вся работа с ними ведётся вручную в отдельном цеху. В зависимости от ширины усиком, отводкой или лентой называют полоску, которая обычно обрамляет край чашки или тарелки. Изделие стоит на вращающейся подставке – турнетке, а краску наносят кистью. Мелкие золотые элементы на изделиях называются «жучками», их предоставляют вручную специальным силиконовым штампом. Иногда золотые элементы украшают и внутреннюю сторону чашки.

Виды фарфора. Самый распространённый – твёрдый фарфор, из него делают сервизы и вазы. Мягкий фарфор, несмотря на название, по прочности не отличается от твёрдого, но в его составе больше полевого шпата, и обжигают его при более низкой температуре. Из него делают скульптуру. А знаменитый костяной фарфор получил такое название, поскольку в его состав входит зола костей крупного рогатого скота. Его легко узнать по очень тонким стенкам изделий и особой прозрачности. Когда держишь его в руках, он кажется хрупким и невесомым.

Почти на каждом этапе производства фарфор обязательно проверяют, чтобы не было брака. Последняя проверка происходит уже в магазине, в присутствии покупателя: по изделию постукивают деревянной палочкой – настоящий качественный фарфор издаёт мелодичный звон. Вот так, пройдя на заводе через 80 рук, фарфор попадает в 81-е – в руки своего обладателя.

¹ Отращивать и окрашивать бороду призывал пророк Мухаммед – чтобы мусульмане отличались от последователей других религий. Вот что сказано в сборнике хадисов «Сахих аль-Бухари»¹:

«Глава: Отпускание бороды.

1904. (5892). Передают со слов Ибн ‘Умара, да будет доволен Аллах ими обоими, что пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: “Поступайте не так, как поступают многобожники: отпускайте бороду и подстригайте усы”.

Глава: Краска (для волос).

1905. (5899). Передают со слов Абу Хурайры, да будет доволен им Аллах, что пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: “Поистине, иудеи и христиане не красят (волосы), а вы поступайте не так, как поступают они”».

² *Тинг-яо* (или динг-яо, Ding-yao) – изделия, производившиеся в провинции Дин-чжоу во времена поздней династии Тан, поздней династии Цзинь и наступившей империи Сун (т.е. в X–XI веках). Фарфор *динг* имеет характерный цвет (слоновая кость, иные оттенки белого), элегантные формы и необычайно тонкие стенки, это был первый фарфор китайского императорского двора. Встречались ещё чёрные и коричневые, а возможно, и красные изделия. При обжиге их ставили на внешний обод, поэтому края оставались неглазурованными, и если посуду собирались использовать для еды, то оправляли в металл. Фарфор *динг* не расписывался, а декорировался резьбой или рельефным узором (❶²). *Те-яо* – видимо, имеется в виду дже-яо (Ge-yao), светло-серая посуда (в том числе – «пузатые» вазы, котлы на трёх или пяти ножках), покрытая сеточкой трещин. ❷ Дже-яо производили в провинции Чжэцзян в XIII–XV веках. *Кин-те-яо* (Kin-te-yao) – покрытый зеленоватой или голубоватой глазурью фарфор, известный как «нефритовый», был разновидностью селадонов ³□, производившихся в Кин-те-Чене ⁹□ и считался императорским.

³ Долгое время считалось, что название произошло от имени Селадон, которое носил герой французского пасторального³ романа XVII века «Астрей» Оноре д’Юрфэ, пастух, украшавший свою одежду бледно-зелёными ленточками. Сегодня предполагают, что термин произошёл от искажённого имени султана Египта Саладина (Салах-ах-Дина), который в 1171 году отправил 40 таких изделий в подарок султану Дамаска. Существует и третья гипотеза, в соответствии с которой название произошло от санскритских слов *сила* и *дхара*, что означает «зелёный» и «камень». Оттенок цвета селадонов – от серо-голубого до тёмно-зелёного, почти чёрного – зависит от количества оксида железа в глазури или глине. ❸

¹ *Хадис* – предание о словах и поступках пророка Мухаммада, рассказ о пророке со слов его современников. «Сахих аль-Бухари» – сборник хадисов, составленный средневековым исламским богословом Мухаммадом аль-Бухари (810–870).

² Такой значок – ❶ – указание читателю, что на цветной вкладке есть иллюстрация к этому комментарию (под номером, соответственно, 1).

³ *Пастораль* – жанр в искусстве, изображающий идеализированную сельскую жизнь.

⁴ Отношение к фарфору на Западе и Востоке сильно отличалось. Для Европы Китай был слишком далёк, а исламский мир – гораздо ближе, поэтому именно от османов и персов в XV–XVI столетиях Европа и Россия перенимали «вкус» к фарфору. «В Персии и в Османской империи¹ фарфор использовали по прямому назначению – из него прежде всего ели. Помимо красоты материала это объясняется чудодейственными свойствами, которыми его наделяли, – считали, что он мог выявлять яд. Никто не знал его точного состава, всё строилось на предположениях и домыслах. Так, М. Дюмон в книге “Путешествие в Турцию”, опубликованной в Гааге в 1699 г., пишет, что “турки пьют из фарфоровых сосудов взамен серебряных, поскольку считают, что фарфор помогает обнаружить яд, так как он вызывает кипение жидкости в центре, а по краям она остаётся холодной. Великий властелин предпочитает есть из фарфоровой посуды, а не из серебряной...”² Ещё одно свидетельство – письмо Симона Симониуса, главного врача королевства Богемского, датированное 1600 годом: “Я посылаю Вам сосуд из драгоценного фарфора. Вы найдёте его вместе с другими вещами в сундуке турецкого паши Буды, который взят в плен и находится в Вене. Турки пьют из таких сосудов воду, едят щербет и суп, так как полагают, что при попадании в сосуд яда он резко изменяет прозрачность и таким образом хорошо их защищает...”³ Исторические документы свидетельствуют, что слухи о “волшебных” свойствах фарфора проникали в Европу из Леванта⁴. Однако это вовсе не подтолкнуло европейцев к употреблению фарфоровой посуды для трапез, как это делали турки. Скорее наоборот – способствовало созданию ещё большего ареала тайны вокруг этих необычных предметов. Помимо своих “чудесных” свойств фарфор в те времена мог символизировать “вечный” материал – его почти невозможно было уничтожить: он не окислялся, как металлы, не темнел и не ржавел, легко чистился, так как грязь не въедалась в его поверхность. Он не трескался, когда в него наливали кипяток, и не раскалялся от этого, как металл. Не удивительно, что фарфор в представлении европейцев эпохи Ренессанса мог служить посудой только богам, земные же владыки – шахи, султаны и короли – оправляли его в драгоценные металлы, подчёркивая особую ценность и защищая от случайных повреждений»⁵.

⁵ «Когда Лоренцо Медичи расширил торговлю между Флоренцией и Египтом, то в 1487 г. к нему прибыл от султана посол и в знак уважения своего повелителя привёз в подарок много редких животных и ценных предметов, в том числе большие фарфоровые вазы. Они были внесены в опись, <...> хранившуюся у жены Лоренцо Медичи, Клариссы. <...> В фамильном собрании этой знатной семьи

¹ *Османская империя* (или – *Оттоманская Порта*) – так после завоевания Константинополя в 1453 году стало именоваться государство, созданное в 1299 году тюркскими племенами Османа I в северо-западной Анатолии (территория современной Турции). К XVI веку – одна из самых могущественных стран мира, владычествовала над Западной Азией, Северной Африкой и большей частью Юго-Восточной Европы.

² *Марриат Д.* История керамики и фарфора. Т. 2. С. 19.

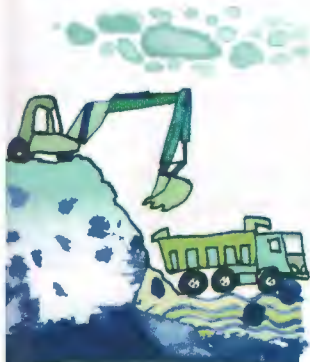
³ Там же. С. 18–19.

⁴ *Левант* – страны восточного побережья Средиземного моря.

⁵ *Трощинская А.В.* Китайский фарфор в допетровской Руси: на пересечении культур Востока и Запада // Труды Исторического факультета СПбГУ. 2013. № 16. С. 254–255.

Как теперь делают фарфор

добыча каолина

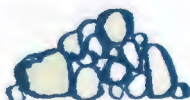
в состав фарфоровой массы входят:

полевой шпат

кварц

каолин

глина

художник-скульптор лепит из пластилина

стёжки

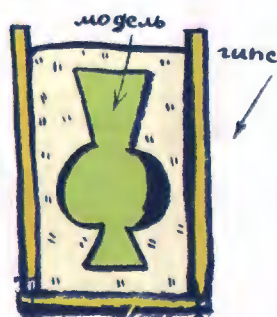

вода

шликер

с помощью модели отливают гипсовую форму

форму делят на части, собирают и заливают

когда на стенках формы нарастает нужная толщина фарфора, шликер сливают

разборка гипсовой формы и просушка перед первым обжигом

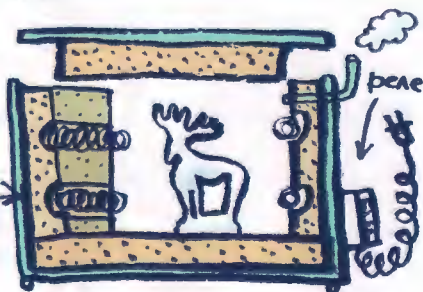
для обжига малых форм (статуэток) используется муфельная печь, для больших изделий (ваз, например) — туннельная печь

к застывшему изделию приклеивают ручки, если нужно

нагревательная спираль

огнеупорный камень

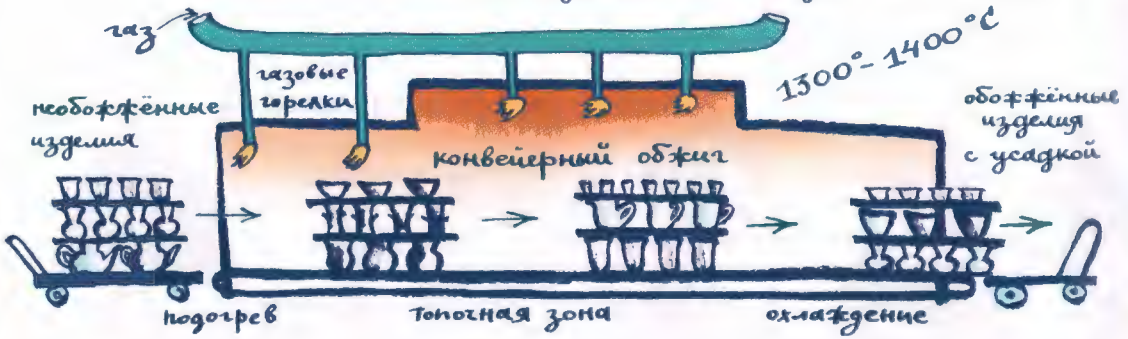

муфельная электрическая печь для обжига $\sim 1150^{\circ}\text{C}$

туннельная газовая печь для массового обжига

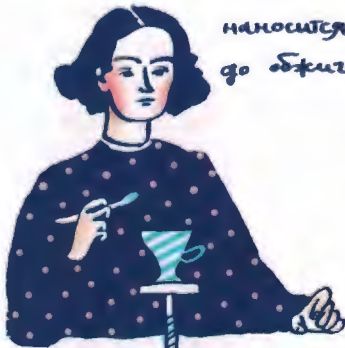
печь нагревается и остывает 2 недели.

поэтому её почти никогда не выключают

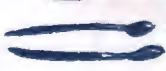

подглазурная роспись: рисунок

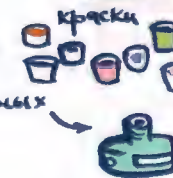
наносится до обжига

вода для подглазурных красок

скиннер для надглазурных красок

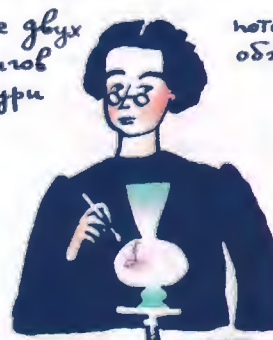
кисти

надглазурная роспись: расписывается

после двух обжигов глазури

потом снова обжигается

Трафарет для более точного рисования

отводка и нанесение "футков" жидкими золотом и платиной

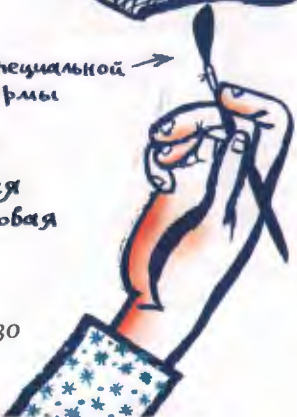
золотые "футки" ставятся специальным штампелем

краска дорогая и ядовитая

кисть специальной формы

сначала наносится "кобальтовая сетка"

использование
техники деколи

3. приклеивание

1. вырезание

2. заматывание

при обжиге бумага сгорает,
а краска с неё прилипает к фарфору

для удобства работы с прозрачной глазурью (её же почти не видно!)
в неё добавляют терпила! при обжиге и они полностью выгорают

глазурирование
напылением

баллон
с воздухом
под давл-
ением

глазурирование
окунанием

Твёрдый
фарфор—
это посуда

а костяной фарфор
почти прозрачен

мягкий фарфор—
это скульптура

1. Чаша тинг, резной декор, оправлена в металл. Империя Сун, XI–XII вв. Национальный музей восточных искусств – музей Гиме (Musée Guimet), Париж, Франция

2. Курильница дже-яо. Империя Сун

3. Селадон с гравировкой, X в.

4. Сверху – раковина каури (лат. *Monetaria annulus*), снизу – Лурия Лурида (*Luria lurida*)

5. Ваза Фонтхилл. XIV в.

7. Ваза циньбай, провинция Цзянси. Южная династия Сун, 1127–1279 гг. Высота 28,5 см

6. «Драгунская» ваза. Династия Цин, XVII в. Высота 92,7 см

8. Цыси (1835–1908), императрица Китая, фактически правившая страной с 1861 г. до своей смерти

9. Чайник ци-ша. Династия Цин, XIX в.

10. Чайник чжу-ша. Династия Цин, XVIII в. Высота 10 см

11. Фонарь-ночник. Период Канси (1662–1722)

12. Баоэнь – буддийский храм в Нанкине – и его 72-метровая фарфоровая пагода. Иллюстрация из австрийского архитектурного атласа Фишера фон Эрлаха (1721 г.)

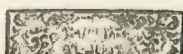

13, 14. Современные фарфоровые музыкальные инструменты, воссоздающие вид и устройство средневековых

16. Письмо отца д'Антреколя руководителю иезуитских миссий в Китае и Индии Луи-Франсуа Орри

15. Тарелка, кобальтовая роспись. Династия Мин, XV в.

LETTRE

DU

PÈRE D'ENTRECOLLES,
Missionnaire de la Compagnie
de Jésus.

À son Père de la même Compagnie,
Promoteur des Missions de la Chine
et des Indes.

À son respect, ce 1er
septembre 1721.

Mon Révérend Père,

Le Père de M. de

Le jour que je fais de vous
en vous à King te shing pour les

154 Lettres de quelques
loisirs spirituels de mes Néophytes,
m'a donné lieu de m'instruire de la manière dont s'y fait
cette belle porcelaine qui est si
estimée, & qu'on transporte dans
toutes les parties du monde. Bien
que ma curiosité ne m'eût jamais
porté à une semblable recherche,
j'ai cru cependant, qu'une description
un peu détaillée de tout
ce qui concerne ces sortes d'ouvrages,
seroit de quelque utilité
en Europe.

Outre ce que j'en ai vu par
moi-même, j'ai appris beaucoup
de particularités des Chrétiens,
parmi lesquels il y en a
plusieurs qui travaillent en porcelaine,
de d'autres qui en font
un grand commerce. Je me suis
encore assuré de la vérité des
rapports qu'ils ont faits à mes
questions, par la lecture des
livres Chinois qui traitent de cette

matière, & par ce moyen-là
je crois avoir acquis une connaissance
assez exacte de toutes les parties
de ce bel art, pour en
parler avec quelque confiance.

Parmi ces livres, j'ai eu entre
les mains l'Histoire ou les Annales
de Fou Kouang, & j'ai lu
avec soin dans le quatrième tome
l'article qui regarde la porcelaine.
King te shing qui dépend
de Fou Kouang, n'en est éloigné
que d'une bonne lieue; & Fou
Kouang est une ville de la dépendance
de ses royaumes. C'est un usage
à la Chine, que chaque ville
s'approprie l'Histoire de son district:
cette histoire comprend la situation,
l'étendue, les limites, & de
la nature du pays, avec les
endroits les plus remarquables,
les mœurs de ses habitants, les
personnes qui s'y sont distinguées
par les armes ou par les lettres,

принесло бы в Европе некоторую пользу.

Помимо того, что видел сам, я узнал много особенностей от христиан, среди которых многие работают с фарфором, а другие им торгуют. К тому же я убедился в правдивости ответов, которые получил от них на свои вопросы, читая китайские книги, в которых говорится об этом предмете; думаю, таким образом я приобрёл довольно точные познания обо всех сторонах этого прекрасного искусства, чтобы говорить о нём с некоторой уверенностью...»
(пер. А. Васильковой)

17. Фарфор
Медичи.
Италия,
Флоренция,
1575–1587 гг.
Высота 27,5 см

18. Эренфрид Вальтер фон Чирнхауз
(Ehrenfried Walther von Tschirnhaus)

*Der Wohlgelehrte Ritter und Herr
Herr Ehrenfried Walther von Tschirnhaus,
auf Kibitzgründe und Stolzenberg d. Königl. Majestet in Pohlen
und hier durch zu Sachsen hoch. bestellter Rath
war geboren d. 11. April 1651. starb d. 11. Octobr. 1708.*

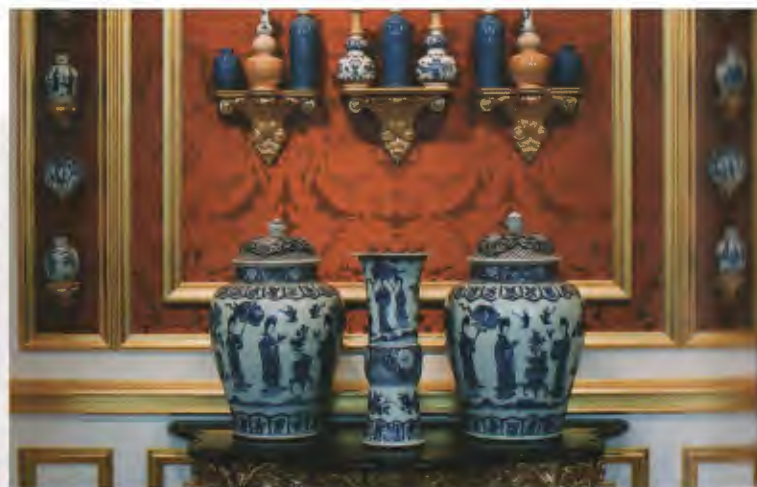
19. Фрагмент настенной росписи в замке
Альбрехтсбург. Слева направо: король
Август Сильный, изобретатель фарфора
Иоганн Фридрих Бёттгер, граф Эренфрид
Вальтер фон Чирнхауз – соавтор изобре-
тения, неизвестный помощник

20. Основная линза зажигательного
инструмента, 1699 г. Саксония. Хранится
в Музее антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) Россий-
ской академии наук, г. Санкт-Петербург

21. Памятник Иоганну Фридриху Бёттгеру в Дрездене, Германия

22. Собрание фарфора короля Августа Сильного в музее Цвингер, Дрезден (фрагмент экспозиции)

25. «Бёттгеровский» чайник, имитирующий китайский фарфор исин, 1710-е гг.

23. Кофейник из красного бёттгеровского фарфора, 1710–1713 гг.

24. Кофейник из бёттгеровского фарфора, покрытого чёрной глазурью, 1710 г.

26. «Пагода». Мейсенская фабрика, 1720 г.

27. Статуэтка, изображающая короля Августа Сильного. Мастер Иоганн Иоахим Кречмер, 1713 г. Высота 11,3 см

28. Ваза из белого бёттгеровского фарфора. Мастер Иоганн Якоб Ирмингер, 1713–1715 гг.

слева **29.** Замок Альбрехтсбург в Мейсене (сейчас – Саксония, ФРГ), современная фотография.
справа **30.** Иоганн Фридрих Бёттгер (Johann Friedrich Böttger; 1682, Шлайц – 1719, Дрезден)

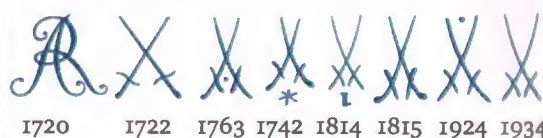
31. Две фигурки – «пагоды». Мейсенская мануфактура, 1720-е гг.

32. Андреевский сервиз. Мейсенская мануфактура, 1745 г.

33. Михаил Ломоносов, Дмитрий Виноградов и Густав Ульрих Рейзер в написанном на латыни списке студентов. Архив Марбургского университета имени Филиппа (Philipps-Universität Marburg, основан в 1527 г. гессенским ландграфом Филиппом Великодушным)

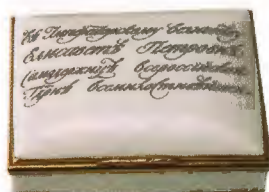
34. сверху: так менялась эмблема мейсенского фарфора; внизу: эмблемы европейских заводов (Англия, Голландия, Италия, Богемия)

35. Пасхальные яйца Императорского фарфорового завода в Санкт-Петербурге. Слева направо: яйца с изображениями св. Исаакия Далматского, Иоанна Крестителя и с геометрическим орнаментом. XIX век, подглазурная роспись.

36. слева: самое раннее из сохранившихся изделий Д. Виноградова – ставок, конфетница (современные мастеру конфеты – драже, цукаты, засахаренные ягоды); справа: марка, клеймо и пробная чашка Виноградова (1749 – год изготовления, W – первая буква фамилии по-немецки)

37. Пакетовые табакерки. «Её императорскому величеству Елисавете Петровне, Самодержице всероссийской, Государыне всемилостивейшей»

38. Табакерка с мопсами, 1752 г.
Мастер Андрей Чёрный

39. «Собственный сервиз императрицы Елизаветы Петровны», предметы. 1756 г.

Дмитрий Иванович Виноградов. ЛФЗ.
Автор Г.Б. Садиков.
Высота 205 мм, 1970–1975 гг.

40. Мемориальная доска на здании ИФЗ.
Санкт-Петербург,
пр. Обуховской обороны, 151

41. Фарфоровое яйцо с гербом («лазаретное»). ИФЗ, 1916–1917 гг.

42. Тарелка «Кто не работает, тот не ест», Государственный фарфоровый завод, Петроград, 1922 г. Авторы М.М. Адамович, Н.И. Альтман

43. Фарфоровые фигуры серии «Народы России». П. Каменский. ИФЗ, 1909–1913 гг.

44. Е. Данько. Эскиз экслибриса, ок. 1916 г.;
О. Бёрдсли. Обложка книжной серии «Библиотека Пьеро», 1896 г.

46. Флакон «Солнце и луна», курительные трубки «Грустная»
и «Весёлая», 1921 г. Скульптор Н. Данько, роспись Е. Данько

45. Ручка для зонта
«Одалиска», 1919 г.
Скульптор Н. Данько,
роспись Е. Данько

47. «Освобождённый Восток»,
или «Турчанка», 1921 г. Скульптор
Н. Данько, роспись Е. Данько

49. Книжки Елены Данько.
Фарфоровая чашечка.

Рис. Е. Эвенбах. Л.: Гос. изд-во, 1925.

Шахматы. Рис. М. Езучевского,

В. Ватагина. М.: Издание

Г.Ф. Мириманова, 1929.

Ваза Богдыхана.

Рис. Е. Хигера.

М.: Радуга, 1925

48. «А.А. Ахматова»,
1937 г. Скульптор
Н. Данько,
роспись
Е. Данько.
Высота 22 см

50. Ваза «Победа». ЛФЗ, 1946 г.
Художники: Н.Суетин,
Л. Лебединская,
А.Яцкевич и др.
Высота 2,5 м (масштаб
не соблюден)

51. Ваза
«Александр
Невский».
ЛФЗ, 1944 г.
Художник
А.В. Щекатихина-
Потоцкая.
Высота 40 см

52. Чайный сервиз
«Ленинград
в блокаде».
ЛФЗ, 1941–1942 гг.
Художник
Л. Лебединская

53. Мальчик-узбек
с виноградом.
ЛФЗ, 1950–1960 гг.
Скульптор
Г.С. Столбова

54. Предметы чайного сервиза
«Кобальтовая сетка». ЛФЗ.
Автор рисунка А. Яцкевич

55. Рюмочная передача
с батальными сценами.
Эрмитаж, 1760-е гг.

56. Статуэтка
«Сварщица».
ЛФЗ, 1950–1960-е гг.
Высота 18,5 см.
Скульптор
С.Б. Велихова

57. Чайный сервиз
«Супрематизм»,
предметы. ГФЗ, 1923 г.
Художник Н. Суетин

58. Ваза «Голод». Художник
М. Лебедева. ГФЗ, 1921 г. Высота 47 см.

59. «Мадонна» – чайный
сервиз и тарелка из обеден-
ного сервиза. Фабрика
Kahla, ГДР, 1950–1960-е гг.

к 1553 г. было уже 373 предмета китайского фарфора, его можно причислить к первым крупным коллекциям фарфора в Европе»¹. Попытку воспроизвести фарфор предпринял не Лоренцо, а его потомок Франческо I Медичи, интересовавшийся химией. В 1575 году во Флоренции была учреждена мануфактура, производившая так называемый «фарфор Медичи». В его состав входила белая глина, и по свойствам он напоминал глазурованное и расписанное стекло. Росписи выполнялись в бело-голубых тонах по образцам известной итальянцам персидской керамики. Большинство изделий, вероятно, были очень хрупкими, и до наших дней дошло лишь около сорока-пятидесяти образцов фарфора Медичи. Это были первые организованные попытки воспроизведения фарфора в Европе.

⁶ И те, и другие ракушки принадлежат морским брюхоногим моллюскам семейства Каури – оно же семейство Ципреид (лат. Cypraeidae), или Фарфоровых улиток. Лурия Лурида имеют округлую форму без складок, характерных для *Monetaria*, и коричневато-розовый цвет, благодаря этому их и прозвали «порчелла» – свинка или «порчелатта» – «поросёночек». В тексте здесь небольшая неточность – ракушки и правда были похожими, ведь они относятся к одному семейству, но они не были белыми. Это подтверждается и ареалом обитания моллюсков: белые *Monetaria* встречаются в Индийском океане, а розоватые *Luria* – в Средиземном море. Возможно, итальянцы сравнивали красноватую раковину Лурия Лурида с красноглазурным фарфором, который высоко ценился.

глава вторая *Хитрый монах*

⁷ Существует перевод Эльги Линецкой, созданный, скорее всего, позднее, чем текст «Китайского секрета»:

А дальше Ганг и Гималаи.
За твердью их гранитных стен
Раскинулась земля Китая.
Я вижу город Джиньдэджен,
Он вечно полон гарью чёрной;
Багрово полыхают горны
И тысячи больших печей;
Огонь неистовствует яро,
И зарево, как от пожара,
Всегда висит во тьме ночей.

Герой стихотворения мысленно путешествует по разным странам, созерцая произведения искусства и предметы, созданные из глины. В тексте упоминаются дельфтский фарфор, фаянс из Фаэнцы, Нанкинская фарфоровая башня.

¹ Там же. С. 247.

⁸ Под девизом «К вящей славе Божьей» орден иезуитов боролся с Реформацией, распространял идеи христианства по всему свету, контролировал просвещение и образование. Члены общества подчинялись жёсткой дисциплине, все сферы их жизни были регламентированы. Миссионерская деятельность ордена охватила Китай, Японию, Корею, Индию, страны Центральной и Южной Америки. Была налажена и передача сведений в Европу, поэтому за иезуитами закрепилась репутация осведомителей. «В 1579 г. во главе группы иезуитов в Китай впервые приехал Алессандро Валиньяно, основавший там Миссию Ордена иезуитов в Китае. Официальное же разрешение на открытие Миссии связано с именем Маттео Риччи (1552–1610) – выдающегося организатора и дипломата своего времени. Он побывал в Гуанчжоу в 1581 г., в Пекине в 1601 г., где ему удалось добиться аудиенции императора <...>, а в 1602 г. он получил официальное разрешение на деятельность своего Ордена. Миссия иезуитов стала самой активной и многочисленной. В то же время в Китае жили монахи доминиканского и францисканского орденов. Не удивительно, что когда в Пекин в 1655 г. приехал со своим отрядом русский посол Фёдор Байков, он не без удивления обнаружил, что в китайском царстве живут “многих земель люди немцы: французские, ливонские, шпанские, италианские, а веруют свою веру. А живут из давних лет”»¹. Среди миссионеров встречались учёные, живописцы, архитекторы. Европейцы вели разнообразную деятельность и при этом уделяли большое внимание изучению и овладению ремёслами, особенно теми, которых не знали в Европе. Так, в 1569 г. в труде доминиканского монаха Каспара де Круза была опубликована информация о процессе производства фарфора и местах его изготовления»².

⁹ Первые письменные свидетельства о производстве фарфора в Кин-те-Чене относятся к 220 году н.э., хотя город, вероятно, возник несколькими столетиями ранее. Изначально город назывался Chang-nan-chen (Город Южного Чанга), так как располагался на южном берегу реки Чанг. Название Кин-те-чен город получил в 1004 году по названию девиза правления Кин-те (Jingde)³, эре, в которую фарфор приобрёл известность. В период династии Сун производили фарфор в основном для императорского двора, однако фарфор циньбай из Кин-те-чена был доступен уже и простым людям. Самый ранний предмет китайского фарфора, путь которого из Китая в Европу документально подтверждён, это ваза Фонтхилл , произведённая в Кин-те-чене около 1300–1340 годов. В разных источниках встречаются разные написания названия города – King-te-chin, King-teh-chen, Jingdezhen, Ching-te-Chen – это зависит от способа романизации китайского языка, т.е. передачи иероглифов буквами латинского алфавита; общепринятое название города в русском языке – Цзиндэчжэнь, вариант Кин-те-чен встречается лишь в тексте «Китайского секрета».

¹ Малявин В. Шинуазери, или Грёзы о Китае // Книга Путешествий. М., 2000. С. 134.

² Трощинская А.В. Указ. соч. С. 259.

³ В китайской культуре существовал запрет на личное имя императора, вместо него использовали девиз правления – символическое словосочетание, обозначавшее некий благой принцип в руководстве государством. Девиз правления Кин-те (Цзиндэ, Jingdé) можно перевести как «Сияющая добродетель», это же словосочетание служило именем императора и названием эры правления.

¹⁰ Посол, прибывший на аудиенцию, должен был прорепетировать церемонию под присмотром придворных. Часто представители европейских государств отказывались выполнять коутоу, что затрудняло дипломатические и торговые контакты. Известно, что голландский посол Исаак Титсинг соблюдал этикет, а британские посольства Джорджа Макартни и Уильяма Амхёрста потерпели неудачу из-за отказа выполнить коутоу. В такой же ситуации оказались и русские послы Фёдор Байков в XVII веке и Юрий Головкин в XIX веке – оба сочли выполнение коутоу неприемлемым и вернулись из Китая ни с чем. Сопротивлялись ритуалу потому, что, выполняя его, посол признавал главенство китайского императора над правителем своей страны.

¹¹ Письма д' Антреколя Елена Данько могла посмотреть в Публичной библиотеке Петрограда: Дантреколь Ф.К., *Dentrecolles F.X.* Подробное описание, 1) как китайцы делают свой фарфор; 2) как китайцы разводят и кормят шелковых червей для получения от них лучшего и множайшего шелку. / (Первое взято из записок иезуита д'Энтреколла, изданных отцом Дю Гальдом, а второе из сочинения сего последнего). В пользу имеющих или желающих завести в Российской империи подобные заводы. Перевёл с французского языка Медицинского факультета студент Гавриил Смирнов. М.: Печ. у Ф. Гиппиуса, 1790. Существует также описание Кин-те-чена, сделанное американцем Фрэнком Лентцем и опубликованное в журнале «National Geographic» в 1920 году (т.е. Е. Данько тоже могла прочитать). По словам Лентца, технология производства фарфора осталась практически неизменной, и на фотографиях, сопровождавших статью, можно увидеть её этапы почти такими, какими видел их д'Антреколь¹. В 1992 году город посетил Ян-Эрик Нильсон, шведский коллекционер и исследователь фарфора. Он составил подробный разносторонний отчёт с множеством фотографий, с которым можно ознакомиться на его сайте и увидеть, как выглядит Кин-те-чен практически в наши дни².

¹² «Символом власти императора был дракон <...> Люди верили во всемогущество дракона, и <...> правители Китая <...> стали приписывать себе качества этого мифического чудовища. Об императоре говорили так: его лицо – лицо дракона, его глаза – глаза дракона, его халат – халат дракона, его дети – потомство дракона, его трон – сиденье дракона. <...> Проводилась аналогия между драконом, поднимающимся с земли до небес, и государем, Сыном неба, стоящим выше всех людей»³.

¹³ Использование киновари в пищу связано с китайской алхимией. В китайском энциклопедическом трактате IV века «Баопу-цзы» говорится: «Я изучил и просмо-

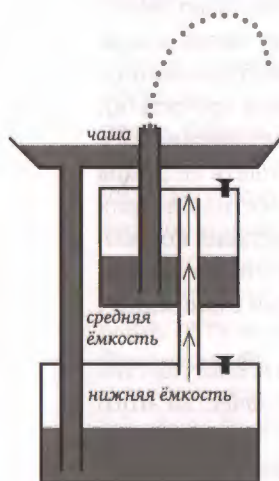
¹ <http://www.gotheborg.com/natgeograph/index.shtml>

² http://www.gotheborg.com/travelreport/jdz92/jdz92_background.shtml

³ Сидихменов В.Я. Китай: Страницы прошлого. Смоленск: Русич, 2000. С. 246.

трел тысячи книг, посвящённых питанию природы <...>, но среди них не было ни одной, не учившей, что главное – это перегнанная киноварь и золотой раствор. Эти два вещества – высшее в учении о пути бессмертия¹. <...> Когда эти два вещества принимаешь внутрь, то закаляешь своё тело, и это даёт человеку возможность не стареть и не умирать... Золотой раствор и перегнанная киноварь, войдя в тело, впитываются им и великолепно защищают его»². Киноварь и золото либо принимали в виде разнообразных отваров³, либо носили на теле, а получение золота из киновари считалось главной алхимической операцией. При нагревании из киновари выделяли ртуть – металл, который считался «душой всех металлов» (см. подробнее^[19]). Историк религий, философ Мирча Элиаде писал: «Киновари в Китае всегда придавали свойства талисмана и высоко ценили её как воплощение “бьющей через край” жизни. Красный цвет – эмблема крови, основы жизни – свидетельствовал о витальных⁴ свойствах этого вещества и, следовательно, играл решающую роль в обеспечении “бессмертия”»⁵.

¹⁴ «Длинные ногти <...> служат даже и среди цивилизованных признаком того, что обладатель их не занимается никакой ручной работой. В Китае и прилегающих к нему странах им дают расти до чудовищной величины, что служит признаком благородного происхождения, а дамы носят особые серебряные футляры для защиты своих ногтей или, по крайней мере, для заверения посторонних, что у них длинные ногти. В других случаях ногти отращаются как знак того, что носитель их посвятил жизнь религии и не занимается никакой мирской работой...»⁶

¹⁵ Принцип действия «фонтана Герона» основан на гидро- и аэростатике. Устройство состоит из трёх сосудов: двух закрытых и третьего – открытой чаши. Изначально вода залита (через клапаны, заткнутые на рисунке пробками) в среднюю и нижнюю ёмкости. Затем она заливается в открытую чашу, а оттуда по трубке стекает в нижнюю ёмкость. Из-за этого там (а затем – и в средней ёмкости) происходит сжатие воздуха, и вода из средней ёмкости начинает подниматься по трубке вверх, в чашу, и бьёт там фонтаном, высота которого постепенно уменьшается. Скорее всего, такой сосуд не использовали в качестве кружки для питья, а демонстрировали как фокус.

¹⁶ Кобальт высоко ценился, так как месторождения кобальтовых минералов были редкостью. Часть его добывали в Китае,

¹ Гэ-Хун. Баопу-цзы. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение». 1999. С. 61.

² Там же. С. 63.

³ Только в Китае и в Индии алхимические препараты, будь то алхимическое золото или производные ртути, принимали внутрь – таким образом магические свойства этих веществ «усваивались» человеком.

⁴ Витальность (от лат. *vita* – жизнь) – жизнеспособность, жизненная сила.

⁵ Элиаде М. Азиатская алхимия. Сборник эссе. М.: Янус-К, 1998. С. 50.

⁶ Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. 130.

но в основном везли из Персии, Индии, Египта, в зависимости от происхождения он различался и по свойствам – оттенку синего, его насыщенности, поведению при обжиге. Роспись кобальтом требует большого мастерства, так как до обжига сложно оценить интенсивность краски и чёткость очертаний рисунка. Белоголубой фарфор ввозился купцами на Ближний Восток и в Европу и стал своеобразным символом Китая. Его пытался воспроизвести в своих первых опытах Иоганн Бёттер, ему подражали при росписи фарфора Медичи и дельфтского фаянса. Знаменитый узор ИФЗ «Кобальтовая сетка» также стоит в этом ряду (подробнее см. на с. 117–118).

¹⁷ Хотя европейцам так и не удалось позаимствовать готовый рецепт изготовления китайского фарфора, труды д'Антреколя не пропали даром. Его письма долгое время оставались одним из самых обстоятельных описаний технологии производства фарфора, а пересланные им образцы материалов были тщательно изучены. Всё это поспособствовало появлению французского фриттового фарфора и образованию Севрской мануфактуры, но эксперименты, которые привели в итоге к открытию европейского фарфора, велись независимо от д'Антреколя с начала XVIII века.

глава третья *Королевский алхимик*

¹⁸ Мартин Лютер (1483–1546) – священник, богослов, преподавал в Виттенбергском университете. 31 октября 1517 года предал гласности свои «95 тезисов» – критическую работу о состоянии католической церкви. В частности, Лютер отрицал необходимость посредничества (между Богом и человеком) церкви и духовенства, непогрешимость римского папы (источник истины – Библия, а не церковь), а также противопоставление мирского и духовного (в глазах Бога нет труда благородного или презренного, на любом поприще можно достичь благодати). За это Лютер был объявлен еретиком и отлучён от католической церкви. Возникший затем церковный раскол положил начало протестантизму, церковной Реформации – и волне религиозных войн в Европе.

¹⁹ Несколько упрощая, можно сказать, что алхимия сочетала в себе «земной» уровень (практическую химию) и «небесный» – философию. Алхимик работает с веществом и одновременно размышляет о его природе. Главный алхимический процесс – «трансмутация», перерождение вещества, переход его на иной уровень, это применимо и к неодушевлённым предметам, веществам, и к человеку. В рассуждениях алхимиков вещества всегда наделяются символическим смыслом: ртуть и сера не только «материя», но и «бесплотные» принципы, газ не только подобен воздуху, он ещё и таинственный дух. Практика получения золота из простых металлов сопоставляется с идеей превращения несовершенного в совершенное. Соответственно, алхимик, со всеми своими материалами, инструментами, колбами, ретортами и печами приравнивался к Богу, творящему Вселенную, поэтому алхимия считалась ересью и преследовалась церковью. И если

на «земном» уровне цель алхимии – богатство и долголетие, то на «небесном» – совершенство и бессмертие. Современный английский писатель и искусствовед Брюс Чатвин в романе «Утц» (главный герой которого – коллекционер мейсенского фарфора) распространяет эти идеи и на создание фарфора, объясняя, почему поиски его рецепта «выросли» из алхимии: «Большинство исследователей... считают открытия Бёт[т]гера в области фарфора неким побочным продуктом его занятий алхимией. <...> Алхимия никогда не была техникой умножения богатства... Она была мистическим деланием. Попытки открыть секрет производства золота и производства фарфора – две стороны одного и того же процесса: поиска вещества, дарящего бессмертие. <...> Самый первый европейский фарфор – бёт[т]геровская красная и белая глина – соответствовал красной и белой тинктурам алхимиков¹ <...> А если так, если, согласно представлениям XVIII века, фарфор был не только и не столько экзотическим материалом, а являлся мистическим и охранительным веществом, гораздо легче понять, почему король набил свой дворец сорока тысячами фарфоровых изделий»². Видимо, представления европейцев о фарфоре как о чудесном материале за несколько веков не исчезли, а лишь трансформировались. Алхимический термин «арканист» (см. сноску 2 на с. 58) по сей день напоминает нам о связи алхимии с производством фарфора.

²⁰ Вальтер фон Чирнхауз , окончил Лейденский университет, потом занимался наукой, путешествовал по Европе, был знаком с крупнейшими учёными своего времени – Спинозой, Ньютоном, Гюйгенсом, Лейбницем (с которым даже состоял в переписке). В Саксонии он основал три завода, производивших оптические стёкла и вогнутые зеркала больших размеров, позволявших проводить новаторские для того времени физические и химические опыты. Одно из этих стёкол, как их называли – «зажигательный инструмент» , было куплено Христианом Вольфом (см. сноску 1 на с. 69) по просьбе Петра I специально для Кунсткамеры, где и хранится до сих пор. Хотя Чирнхауз делит с Бёттгером славу изобретателя европейского фарфора, есть мнение, согласно которому изобретение полностью принадлежит Чирнхаузу. Согласно этой версии Бёттгер начал принимать участие в опытах неохотно, полностью ведомый в работе Чирнхаузом. Существуют свидетельства современников, указывающие на его авторство рецепта фарфоровой массы, однако внезапная смерть Чирнхауза не позволила это надёжно зафиксировать. Все наработки, научные записи перешли к Бёттгеру, и через полгода он объявил Августу об открытии формулы фарфора, после чего был назначен главой фарфоровой мануфактуры.

²¹ В 1717 году называвшийся тогда «голландским» дворец становится собственностью короля Саксонии Августа Сильного, который мечтал о здании, крыша и внутренняя отделка которого были бы сделаны из фарфора (замыслы не осуществились). Интерьеры дворца оформляются в восточном стиле, в нём Август размещает коллекцию китайского и японского фарфора. Август был по-настоящему

¹ Красная тинктура (философский камень) должна была превращать любые металлы в золото, а белая – в серебро.

² Чатвин Б. «Утц» и другие истории из мира искусств. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.

одержим фарфором и называл свою страсть «фарфоровой болезнью». Собрание фарфора, достигшее к концу его жизни 35 тысяч предметов, стало одним из крупнейших в мире и теперь выставляется в дрезденском музее Цвингер.

²² Красный фарфор после обжига, шлифовки и специальной полировки приобретал сходство с полудрагоценным камнем яшмой, поэтому его называли также яшмовым, а позже он стал именоваться «бётттеровским фарфором» или «бётттеровской массой». Посуда из него была, как правило, довольно простой формы (заимствованной либо у китайского фарфора, либо у металлической посуды), украшенная гравировкой, лепным рельефом или расписанная серебром, золотом, надглазурными красками. В конце XVII века в Европе были популярны чайники из фарфора исин (см. сноску 2 на с. 19), которые импортировали вместе с китайским чаем. Чайники бётттеровского периода – неглазурованные, из красной глины – зачастую имитировали именно его.

²³ Как и в случае с посудой, образцы для создания фарфоровых фигурок позаимствовали в Китае. «На Мейсенской мануфактуре за основу взяли модель “смеющегося Будды”, немного переработав её на европейский лад, но сохранив основные черты. Смеющийся Будда (или Хотэй) был божеством добра и благоденствия, одним из любимых в Китае. Первые подобные скульптуры появились на Мейсене около 1711 года, ещё в “бётттеровской массе”. Хотэй изображались в стандартной позе: сидящими, с перекрещёнными ногами и правой рукой на поднятом колене, с широко открытым ртом, почти без волос. Возможно, отверстия в ушах и во рту изначально были сделаны для ароматических палочек. Ранние фигурки были белыми, но позже их стали расписывать, и они приобрели цветные детали – одежду и черты лица, а также элементы европейского облика – волосы, усы»¹. Сейчас пагоды исключительно редки и очень дорого стоят.

²⁴ Эти образцы были получены ещё при жизни Чирнхауза, но в октябре 1708 года он умирает, и работы приостанавливают. В марте 1709 года Бёттгер уведомляет курфюрста, что может производить «отменный белый фарфор с изысканнейшей глазурью». Считается, что после открытия рецепта самой фарфоровой массы второй по значимости шаг Бёттгер сделал самостоятельно – он разработал состав глазури, используя то же сырьё, что шло на черепок. После того как специальная комиссия рассмотрела и одобрила первые изделия из белого фарфора, в 1710 году в замке Альбрехтсбург была официально основана первая европейская мануфактура твёрдого фарфора, и Иоганн Бёттгер назначен её директором.

²⁵ Иоганн Фридрих Бёттгер (Johann Friedrich Böttger, 1682–1719) с юности и всю свою недолгую жизнь занимался алхимией, даже производство фарфора не поглотило его полностью. Очень часто в алхимических экспериментах использовали чрезвычайно токсичные металлы – ртуть, свинец, поэтому одной из причин ранней смерти Бёттгера, несомненно, стало хроническое химическое отравление.

¹ *Pietsch U. Early Meissen Porcelain: The wark collection from the Cummer Museum of Art & Gardens. Gilles, 2011. P. 90.*

²⁶ Пётр много путешествовал, изучая устройство наук и ремёсел в европейских государствах. В 1697–1698 годах было совершено Великое посольство – русский царь впервые выехал за границы государства. В Голландии Пётр много времени посвятил изучению кораблестроения; сохранилась гравюра, изображающая его в одежде голландского матроса. Второй женой Петра I стала Марта Скаврнская (позже крещёная как Екатерина Алексеевна, будущая императрица Екатерина I), бывшая прибалтийская служанка, захваченная в плен в качестве военной добычи. О происхождении ближайшего сподвижника и фаворита Петра, Александра Даниловича Меншикова (1673–1729), достоверных сведений нет, но распространена легенда о том, что подростком он торговал пирогами.

²⁷ В Россию первый такой подарок прибыл в 1728 году. «Значительным числом мейсенских изделий обладал граф фон Бирон, фаворит императрицы Анны Иоанновны. После её смерти для конфискованной у опального фон Бирона фарфоровой посуды потребовалось 30 ящиков. В 1745 году Август III прислал в Петербург знаменитый Андреевский сервиз – подарок по случаю бракосочетания наследника престола великого князя Петра Фёдоровича и великой княжны Екатерины Алексеевны»¹. Столовый сервиз состоял из четырёхсот предметов, на каждой тарелке изображены герб Российской империи и крест ордена Святого апостола Андрея Первозванного – высшего ордена государства (отсюда и название сервиза). ◀▶

²⁸ «...в своих отчётах в Петербург Вольф неоднократно писал о долгах своих подопечных. Несмотря на то, что Академия выделила на каждого по триста рублей в год, высылаемых денег из России студентам не хватало. Они покупали себе модную одежду, о которой и не мечтали в России, тратили деньги на шёлковые носовые платки, парики, шпаги. Их долги постоянно росли. Из Академии наук приходили инструкции для студентов. Им неоднократно напоминали об основной цели их заграничной поездки и предписывали “бережно расходовать средства”, отказаться от учителей “танцевания и фехтования”, без которых “они могут обойтись при изучении химии и металлургии”»².

²⁹ Марка фарфора – одновременно и знак качества, и источник информации (по нему можно выяснить место и время производства). Самый распространённый вид марок – цветное подглазурное клеймо, реже встречаются надглазурные клейма и знаки, выдавленные «в тесте» – т.е. в ещё мягком, сыром изделии. ◀▶

³⁰ Особое место в традиции пасхальных подарков занимали яйца, кроме настоящих птичьих яиц, использовали деревянные и костяные. «Первое дошедшее до нас фарфоровое яйцо Виноградов создал к Пасхе 1749 года, т.е. в первый же год

¹ Малютина В. Изделия Мейсенской мануфактуры в собрании Мурановского музея // Музей-заповедник «Усадьба “Мураново” им. Ф.И. Тютчева».

² Моисеева Т.М. У истоков русского фарфора / Т.М. Моисеева, О.А. Смирнова // Antiq.info. 2008. № 62. С. 76.

работы фабрики: он записал в дневнике: “Яйца точили и формовали”. Самым ранним из них было яйцо с изображением амуров, вероятно, по рисунку Франсуа Буше, которое относится к середине XVIII века и находится в Государственном Русском музее. В настоящее время известно всего три яйца, изготовленных в Елизаветинский, наиболее ранний, период деятельности фарфорового завода. Отныне и вплоть до революции фарфоровый завод выпускал пасхальные яйца. К каждой Пасхе завод делал их для членов императорской фамилии “на раздачу” при христосовании. Фарфоровые яйца делались со сквозным отверстием, чтобы через него можно было пропустить ленту или шнур или установить их на специальной подставочке со штырьком. Позже в отверстие изредка укрепляли металлические колечки для лент. Такие яйца, как правило, подвешивались в красный угол, под иконы. Лента, продетая в сквозное отверстие, обычно завязывалась бантом внизу и петлёй вверх. Для завязывания лент нанимали “бантовщиц” – нуждающихся вдов и дочерей бывших работников Фарфоровой мануфактуры. Эта несложная работа оплачивалась весьма достойно и таким образом носила оттенок благотворительности¹. Традиция дарить пасхальные подарки укрепилась во времена правления Павла I, самыми дорогими подарками были фарфоровые яйца с изображениями святых и православных праздников, которые получали приближённые императорской семьи.

³¹ «К началу оного [порcelина] дал повод некто родом из Саксонии именем Х.-К. Гунгер, который по многим государствам волочившись – наконец и здесь в России обязался контрактом порcelин в доброту подобной саксонскому делать, но чрез пять лет напрасно время на то употребивши наконец получил свой абшид за неисполнение своего обещания в деле порcelина. Сколько ещё таких побродяг находится в свете, которые из ничего золота хотят делать, другие из всех камней и земель чистой порcelин составлять обещают. А сами ни основания, ни истинного искусства весьма не знают, и тем, кто их обманам веру емлет, только дым и чад за порcelин продают, в великие протори и убытки вводят»².

³² Виноградов в своих рукописях описывает способ приготовления кобальтового красителя: «Тонко измелъчи в железной ступке. Затем помести его на обжигательную сковороду внизу муфель и прокаливай или обжигай кобальт столько и всякий раз до тех пор, пока не перестанет дымиться. При прокаливании нужно постоянно перемешивать железным крючком. <...> После того, как сковороду вынули нужно тонко измелъчить кобальт в ступке и снова поместить на сковороду в муфель. <...> Когда не будет больше дымить его толкут сначала

¹ *Игнатова Т.В.* Власть хрупкости. Пасхальные яйца Императорского фарфорового завода [Электронный ресурс] / <http://hramvtolmachah.ru/index.php/news/157-easter-eggs-imperial-porcelain-factory>

² Здесь и далее рукопись Д.И. Виноградова «Обстоятельное описание чистого порcelина как оной в России при Санкт-Петербурге делается купно показанием всех к тому принадлежащих работ» цитируется по единственной публикации в книге исследователя жизни фарфорового мастера – *Безбородов М.А.* Дмитрий Иванович Виноградов – создатель русского фарфора. М., Л., 1950. Здесь – с. 151.

тонко в ступке, а далее растирают на паре мельничных камней или понемногу в агатовой ступочке с добавкой чистой воды так долго, пока при пробе на язык не перестанут ощущаться грубые песчаные или зернистые частицы. Тогда... кобальтовая краска готова для живописи»¹.

³³ Часто его называют просто «Собственный», а в документальных описях он упоминается также как «Собственный решётчатый» из-за типичного декора – популярной в середине XVIII века «трельяжной решётки». Изысканные украшения неповторимы, поскольку каждый пластический элемент исполнен вручную. Виноградов в своих теоретических записках давал особые указания по их изготовлению: «Ежели какая посуда есть, которую цветками обложить надобно будет, то знать должно, что сии безделки или прямо из рук накладывают и в сделанных к тому фурмах вылепляютца, чтобы оно ни было, цветки, листочки, плоды, и тому подобные. Оные прилепляютца жидко разведенною массою...»² Принято считать, что этот сервиз выполнен уже на очень высоком уровне, однако есть и альтернативное мнение: «Это блюдо самим собою наглядно утверждает начальный период работы над сервизом, ведь оно выдаёт всю наивность технологии изготовления. И если с лица поражает изящество рельефных спиралевидных линий с розово-сиреневыми цветочками, скромным золочением, то изнанка – полная противоположность. Словно бы с рук лепленная неровная бутристая поверхность, прогнувшееся дно, стёртая от соприкосновения со столом глазурь обнаруживают, что и стоять-то оно не может, предательски покачивается, свидетельствуя о всех трудностях изготовления тогда большемерных предметов»³.

³⁴ В 1752 году Черкасов отдал распоряжение о передаче секрета фарфора (поводом послужила внезапная болезнь Виноградова). Вскоре тот отправил Черкасову письмо, в котором докладывал: «Определенный ко мне для изучения от меня делу порцелина мастеровой Никита Воинов сего ж числа имеет получить от меня основательное и бескорыстное наставление всему тому, что до состава и пропорции массы и глазури чистого порцелина касаетца, особливо того, каков добротою в последней просьбе явился также все обстоятельства и приемы, принадлежавшие до дела порцелина, покажу помянутому Воинову верно, так, как я оные чрез некратную практику и понесенные немалые труды сам изучился и знаю»⁴.

³⁵ «Дед и отец художника служили по вольному найму у князя М.Я. Черкасского. В 1722 году Иван Чёрный вместе с отцом были взяты князем в Москву, в дворовые люди. Отец знал золотое и серебряное мастерство, а Иван по приезде в Москву стал обучатся живописи по финифти. Затем он записался в Московский цех золотых дел. В 1746 году княгиня М.Ю. Черкасская подарила Ивана Чёрного, как крепостного, своему зятю графу П.Б. Шереметьеву. Насильно записанный в кре-

¹ Д.И. Виноградов. Указ. соч. С. 369.

² Там же. С. 406.

³ Куршлю-Рюмин М. Об одной «неизвестной» марке виноградовского фарфора // Наше наследие. 2004. № 72.

⁴ Виноградов Д.И. Указ. соч. С. 232–233.

постные, возмущаясь барским произволом, Иван Чёрный подал челобитную на высочайшее имя. <...> Он написал прошение секретарю Кабинета И.А. Черкасову, который подбирал специалистов для Невской порцелиновой мануфактуры. <...> В 1749 году, когда художник поступил на Порцелиновую мануфактуру, ему было уже около шестидесяти лет. Он приехал с семьёй – женой и двумя сыновьями, Андреем и Александром, которые, в свою очередь, обучались мастерству у отца»¹. Изделия 1750–1770 годов с инициалами АИ принято связывать с именем Андрея Чёрного, например «Табакерку с мопсами» 1752 года.

³⁶ Пакетовые табакерки напоминали приплюснутый ящичек, на крышке которого надписывались имена и адреса конкретных лиц, нередко при нанесении надписи копировался и почерк заказчика. Первое датированное упоминание об их производстве относится к 19 марта 1753 году, когда в Санкт-Петербургских ведомостях появилось следующее объявление: «Господин бергмейстер Виноградов объявляет всем знатым особам, а особливо придворным, обоего пола, которых изволят иметь порцелинные табакерки в форме пакета, с надписями, те б изволили присылать к господину Советнику Монетной Канцелярии Ивану Андреевичу Шлаттеру, в Санкт Петербурге, формуляры, какую кто надпись и на каком языке изволят, которыми он, г-н Виноградов, желает всех того требующих удовлетворять, а цена за табакерку с надписью, кроме отделки, по 20 рублей»².

глава пятая *Серп и молот на фарфоре*

³⁷ «Сохранились курьёзные сведения о том, что Ломоносов 1762 г. был назначен директором фарфоровой фабрики. В 1762 г. фабрика находилась в таком состоянии, что требовалось вмешательство извне. В самом начале царствования Петра III, в январе 1762 г. фабрика была передана из ведения кабинета е. и. в.³ в распоряжение Сената. Последний 29 января 1762 г. вынес решение о назначении Ломоносова директором фабрики. Причины такого назначения совершенно непонятны, так как Ломоносов в то время имел достаточно забот на своей усть-рудицкой фабрике делания цветных стёкол и был поглощён многими другими делами, среди которых мозаика занимала не последнее место. Не прошло и месяца, как Сенат передал фабрику снова в ведение кабинета е. и. в., о чём состоялось решение 25 февраля 1762 г. Из сохранившихся документов невозможно установить, почему Сенат так быстро отменил своё решение. Так Ломоносов пробыл в 1762 г. директором фарфоровой фабрики менее месяца и был освобождён от этой должности, вероятно, вследствие своего отказа»⁴. Советский исследователь Н. Мен-

¹ Никифорова Л.Р. Родина русского фарфора. Л., 1979. С. 64–65.

² Кознаков С.Н. Пакетовые табакерки Императорского фарфорового завода. СПб., 1913. С. 20.

³ Е.И.В. – Его Императорской Величество.

⁴ М.А. Безбородов. М.В. Ломоносов и его работа по химии и технологии силикатов. М., Л., 1948. С. 38.

шуткин предположил, что на заводе использовалась рецептура фарфора, составленная Ломоносовым, однако подтверждений этому нет. Ломоносов тоже ставил эксперименты по изготовлению фарфора, но его лаборатория начала работать, когда Виноградов уже изготавливал свой фарфор¹. В главе «Об этой книге» в издании 1957 года редактор, дописывая «Китайский секрет»², предвидит вопрос читателей: «Если Виноградов жил на самом деле, то почему фарфоровый завод зовётся Ломоносовским, а не Виноградовским?» – и отвечает на него: «Завод назван Ломоносовским вот почему. Когда Академия наук праздновала своё двухсотлетие, фарфоровцы поднесли ей большое блюдо своей работы и просили, чтобы заводу было дано новое название в честь юбилея Академии наук. Тогда было решено назвать завод именем Ломоносова в честь первого русского академика, вышедшего из народа». Существует версия, что при этом сыграло роль происхождение Виноградова, он был выходцем из семьи священника, однако скорее всего значение имела «непрезентабельность» его биографии. В 1925 году, когда завод был переименован, к таким фактам относились с пристальным вниманием.

³⁸ В записках Семёна Порошина, другого воспитателя Павла, есть упоминание, что 20 августа 1765 года великий князь Павел Петрович вместе с Никитой Ивановичем Паниным верхом ездили осматривать фарфоровый завод: «...в присутствии Его Высочества сделали чашку чайную с блюдцем, на дне Его Высочество сам изволил подписать своё имя». Став императором, Павел проявил особый интерес к фарфору: распорядился завести специальные сервизы для важных событий, ввёл в обиход камерные сервизы для узкого круга близких, из заказов и подарков собрал коллекцию фарфора в Гатчинском дворце. Сохранились воспоминания современника о том, что даже в последний день накануне гибели Павел восторгался фарфором: «За ужином 11 марта 1801 года употреблён был в первый раз новый фарфоровый прибор, украшенный разными видами Михайловского замка. Государь был в чрезвычайном восхищении, многократно целовал рисунки на фарфоре и говорил, что это был один из счастливейших дней его жизни»³.

³⁹ Считается, что так прозвали агентов Охранного отделения, находившегося в Петербурге на Гороховой улице. По другой версии, в повести А.С. Пушкина «История села Горюхина» есть персонаж в «гороховой шинели», известный связью с тайной полицией; современники узнали в нём литератора Фаддея Булгарина, также носившего пальто горохового цвета и известного своей беспринципностью.

⁴⁰ Во время Первой мировой войны сами великие княгини развозили на фронт и по госпиталям сотни и тысячи фарфоровых яиц (так называемые фронтовые, лазаретные яйца, или «красный крест»). Для этой цели предназначались яйца с

¹ Там же. С. 37.

² Автор «Китайского секрета» Елена Яковлевна Данько погибла в феврале 1942 года – её удалось вывезти из блокадного Ленинграда, но в пути она погибла от последствий истощения. Послевоенные издания книги выходили с различными добавлениями и, наоборот, сокращениями, но без указания, что сделаны они редактором, а не автором.

³ <http://history-gatchina.ru/museum/china/china.htm>

изображением Российского герба, они часто имели Георгиевскую ленту, а иногда изображение знака Ордена св. Георгия. В 1915–1916 годах в качестве фронтовых и лазаретных использовались также яйца с вензелем императора Николая II, императрицы Александры Фёдоровны и Марии Фёдоровны, великой княгини Елизаветы Фёдоровны, основательницы Марфо-Мариинской обители милосердия. ❧

⁴¹ С 1900 года Фарфоровый завод находился под патронатом императрицы, по её заказу выполнены сервизы «Александринский» и «Царскосельский», а по заказу Николая – серия тарелок с изображением войск в мундирах эпохи Александра III и скульптурная серия «Народы России». ❧

⁴² Так были созданы тарелки «Борьба родит героев!», «Пролетарии всех стран – соединяйтесь!», «Ум не терпит неволи!» Многие лозунги, несмотря на «новоязовскую»¹ краткость и «рубленость», восходят к евангельским цитатам или литературным источникам. Знаменитый лозунг «Кто не работает – тот не ест!» ❧ отсылает к словам апостола Павла «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2-е Фес. 3:10); «Кто не с нами, тот против нас!» – к словам Христа «Кто не со Мною, тот против Меня, и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Матф. 12:30; Лук. 11:23); «Жить без труда – воровство» – к афоризму Джона Рёскина² «Жизнь без труда – воровство, труд без искусства – варварство». Предполагалось, что агитфарфор будет выпускаться большими тиражами и станет доступен рабочим, будет использоваться в столовых. Однако на практике тиражи были очень небольшими, изделия попадали в руки коллекционеров и на зарубежные выставки, не выполняя своей агитационной миссии. По воспоминаниям Елены Данько, фарфор также выставляли в уличных витринах: «Кто помнит Петроград тех лет – выщербленные пустыни мостовых, погружённые во тьму и холод безмолвные дома, в окнах – иглистые звёздочки – следы недавних пуль, тот вспомнит и витрину на проспекте 25 Октября. Там – на белых блестящих блюдах горели красные звёзды, серп и молот мерцали неярким фарфоровым золотом, сказочные цветы сплетались в вензель РСФСР. Там стояли маленькие фарфоровые красногвардейцы, матросы, партизаны и блестящие шахматы “Красные и белые”. На большом блюде была надпись в венке из цветов: “Мы превратим мир в цветущий сад”»³. Интерес к агитфарфору и спрос на него за рубежом были очень высоки, цены – значительны. Так «пролетарское искусство» стало источником прибыли, хотя многотысячные суммы, которые встречаются в источниках этого времени, связаны прежде всего с гиперинфляцией – только в течение 1920 года цены выросли в 10 раз.

⁴³ В 1918–1921 годах в СССР проводилась политика «военного коммунизма»: было запрещено частное предпринимательство, а продовольствие (отнятое у крестьян)

¹ *Новояз* – т.е. «новый язык», термин, заимствованный из романа-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984», где так – newspeak – назван язык тоталитарного общества, состоящий в основном из агитационно-бюрократических клише.

² *Джон Рёскин* (1819–1900) – английский художник и теоретик искусства, писатель; оказал большое влияние на живопись и литературу конца XIX века.

³ *Художественный фарфор: Каталог / вводная статья: Е.Я. Данько. Главстекло. – Ленинград: Наркомтяжпром, Гос. контора справочников и каталогов, 1938. С. 19.*

распределялось «трудовыми пайками». Власти считали, что деньги скоро отомрут, и стремились уничтожить любую торговлю. Насильно изымая сельхозпродукты (это называлось продразвёрсткой, т.е. распределением продовольствия), власти зачастую не ограничивались «излишками», а забирали всё вплоть до семенного фонда (лишая крестьян не только собранного, но и будущего урожая). В результате голодали около 40 миллионов человек в 35 губерниях, неоднократно фиксировались случаи людоедства.

⁴⁴ Завод, созданный в 1809 году в деревне Кузнецово Тверской губернии, производил фарфор и фаянс высокого качества, в 1870 году завод вошёл в состав «Товарищества М.С. Кузнецова», производство и ассортимент были расширены, и продукция выпускалась под маркой «кузнецовского фарфора»¹.

⁴⁵ В 1925 году ЛФЗ был переведён на «утилитарное производство», выпуск художественных изделий был фактически прекращён, но через несколько лет вновь восстановлен. Луначарский так описывает ситуацию: «В начале революции перед Советской властью стоял вопрос – как же быть теперь с фарфоровым заводом? <...> Было ясно, что фарфоровый завод может быть приспособлен к производству химико-технических изделий, труб из маривардовых масс, высоковольтных изоляторов, перископов и т.д. Но дело шло не только о сохранении фарфорового завода как такового, с переводом его на “утилитарную работу”; хотелось сохранить его как художественную единицу ввиду достигнутых им крупных результатов и ввиду полной возможности распространения художественных его произведений в известных прослойках населения – с тем, чтобы расширять эти слои всё дальше и дальше. Наркомпрос взял на себя тогда поддержку этого завода. И сколько заботы и трудов положено было на спасение завода и выдающимися людьми, стоявшими тогда во главе его, и особенно самими рабочими, с необыкновенной преданностью остававшимися ему верными в самое тяжёлое время, и Наркомпросом! В конце концов завод оказался спасённым, оказалось спасённым его художественное производство. Года два назад я посетил этот завод вместе с т. М.И. Калининым, который сказал рабочим завода чудесную речь. Он говорил в ней о том, что рабочий класс и крестьянство поблагодарят рабочих фарфорового завода за то, что они сохранили им это изящное производство. Он говорил о том, что постепенно, но несомненно у наших трудящихся разовьётся вкус к изящной обстановке, что они потянутся и к фарфору, что они будут понимать, сколько радости может доставить рабочей семье красивое фарфоровое произведение»².

⁴⁶ Горький был близко знаком с родителями сестёр Данько – Яковом Афанасьевичем Данько и Ольгой Иосифовной Просвиряковой-Данько. В 1892 году в Тифлисе они снимали соседние комнаты в доме, вместе проводили свободное время,

¹ До революции 1917 года «Товарищество производства фарфоровых и фаянсовых изделий М.С. Кузнецова» было крупнейшим в Европе. Пестрота и эклектичность, стремление к богатству и роскоши оформления породило термин «кузнецовщина», синоним «купеческого вкуса».

² Луначарский А.В. Об искусстве: сб. М.: Искусство, 1982. Т. 2. [Электронный ресурс]. <http://lunacharsky.newgod.su>

Горький нянчился с маленькой Наташей Данько. Известно, что 8 мая 1920 года он посетил завод с мандатом Наркомвнешторга и отобрал изделия для экспонирования на зарубежных выставках и продажи. Так описывает этот визит О.И. Просвирякова-Данько: «...Интересуясь скульптурными произведениями завода, А.М. <Горький> спрашивал, кто автор той или иной вещи, и не раз ему отвечали – “Данько”, тогда он заметил: “Я знал одного Данько”. Наташа сказала, что это её отец»¹. Есть в этих воспоминаниях намёк на то, что Я.А. Данько был прототипом Данко, над образом которого Горький работал в Тифлисе: «Не случайно говорили: “Отважный Данко во многом напоминает Якова Данько”»².

А в воспоминаниях В.Б. Шкловского Горький предстаёт как глубокий знаток фарфора: «Шайкович принёс Горькому китайский сервиз. (Алексей Максимович собирал китайский фарфор.) Он посмотрел на сервиз, принесённый Шайковичем, и сказал, что это фарфор поддельный. Принёс английский каталог. И там Ш. [айкович] вычитал, что сервиз действительно поддельный, но что эта английская подделка под китайский фарфор — одно из самых ранних фарфоровых изделий в Англии. И что, не будучи китайским фарфором, этот сервиз совершенно бесценен как английский фарфор. Поблагодарив А.М. за это неожиданное открытие, Ш. удалился, унося свою драгоценность. А.М. не был на него в обиде, так как в своё время увёл у него жену...»³

¹ И. Груздев. Горький и его время. 1868–1896. М., 1962. С. 667.

² Там же. С. 671.

³ Э. Казанджан. Устный Шкловский [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2004. № 4.

Литературно-художественное издание

Серия «Сто историй»

Елена Данько

Китайский секрет

Для среднего и старшего школьного возраста

В соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ

издание маркируется знаком

12+

Иллюстрации Олеся Гонсеровская

Макет, вёрстка Илья Бернштейн

Редактирование и корректура Лидия Шитова

Подписано в печать 02.11.2016. Формат 70×100/16.

Печать офсетная. Гарнитура CharterC.

Печ. л. 10. Тираж 3000 экз. Заказ № 13051.

Благотворительный фонд поддержки культурного развития детей

«Культура детства», ИП Бернштейн И.Э.

 Издательский проект «А и Б»®

Отпечатано в ООО «ТДДС-СТОЛИЦА-8»

тел. (495) 363 4884, сайт www.capitalpress.ru

ISBN 978-5-9907944-1-2

12+

ARC

